

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

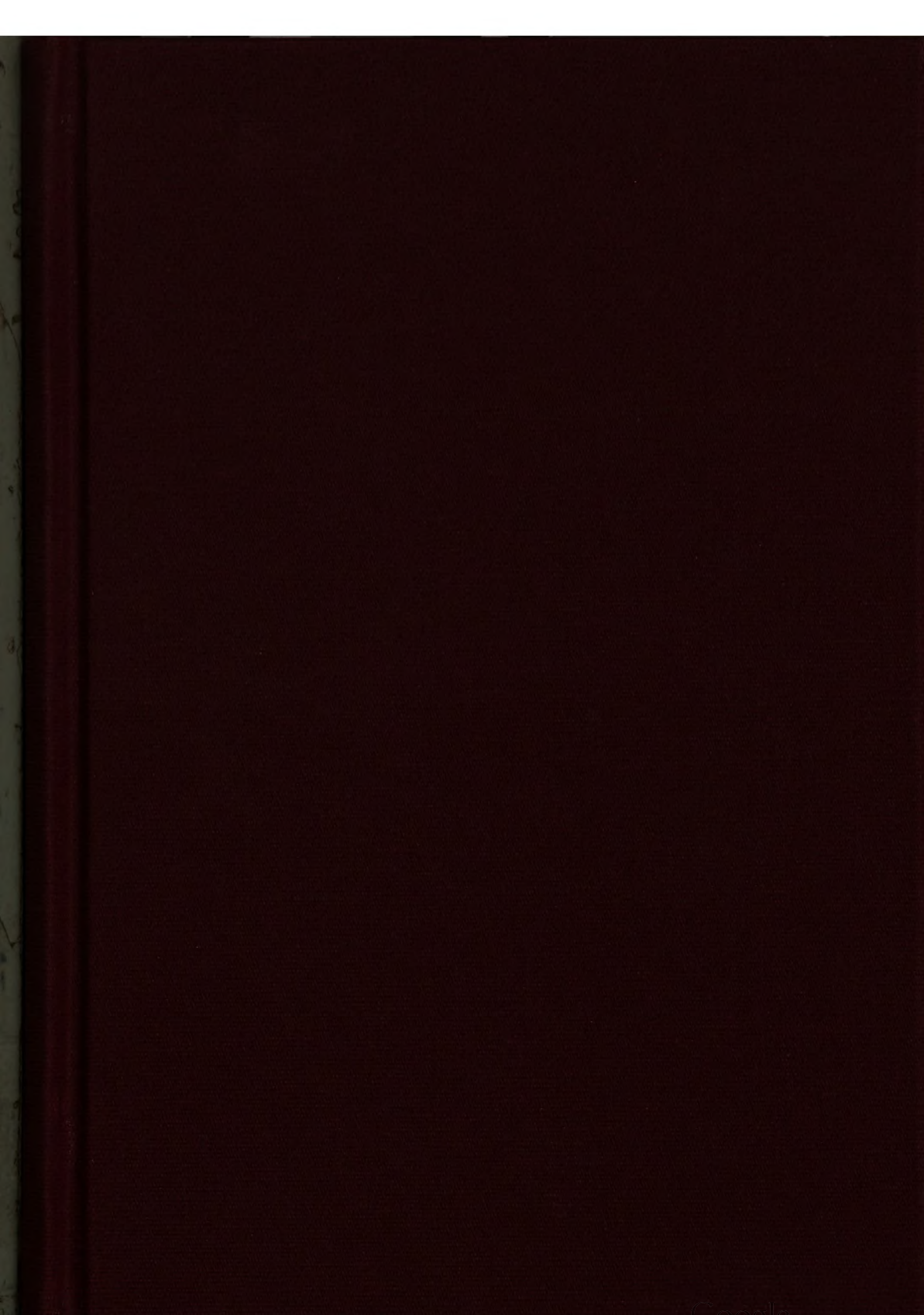
Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

ВЪЗВѢЩЕНІЕ

ПРАВОСЛАВНОМУ

СВЯТОМУ СИНУ

ОТЪ

СВЯТЫХЪ СВЯТОСЛАВНЫХЪ ПАТОРИАРХОВЪ

СВЯТЫХЪ СВЯТОСЛАВНЫХЪ ПАТОРИАРХОВЪ

1863

У

Зубов

**ВЪ ЗАЩИТУ.
РУССКАГО ПРАВОСЛАВНАГО ДУХОВЕНСТВА**

**ОТЪ
СОВРЕМЕННЫХЪ ОБВИНЕНІЙ И НАРЕКАНІЙ:**

ТРИ СТАТЬИ

Экстраорд. проф. С. Петерб. Д. Академіи

Андрея Предметенскаго.

К Modtchenky (A. J.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1863.

Отъ Санктпетербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать
позволяется. Июля 26 дня 1863 года.

Цензоръ, Архимандритъ Фотій.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА УДѢЛОВЪ.

Невъжественныя, а иногда возмутительно—злбныя нападенія свѣтскихъ журналовъ и газетъ на отечественное духовенство, такъ часто повторяющіяся въ послѣдніе годы, побудили меня въ прошломъ году напечатать въ *Христіанскомъ Читеніи* нѣсколько статей въ защиту несправедливо обвиняемаго и оскорбляемаго сословія. Статьи эти лишь съ незначительными измѣненіями и дополненіями теперь, согласно изъявленному многими лицами желанію, издаются въ видѣ отдѣльной книги, которую съ глубочайшимъ уваженіемъ посвящаетъ

РУССКОМУ ПРАВОСЛАВНОМУ ДУХОВЕНСТВУ

искренно сочувствующій ему авторъ.

20 Юля 1863 г.

Не бойся, малое стадо (Лук. 12, 32)!

Даже донынѣ терпимъ голодъ и жажду, и наготу, и побои, и скитаемся, и трудимся работая своими руками. Злословятъ насъ, мы благословляемъ, гонятъ насъ, мы терпимъ; хулятъ насъ, мы молимъ; мы какъ соръ для міра, какъ прахъ, всѣми попираемый донынѣ (1 Кор. 4, 11—13).

Для меня лучше умереть, нежели чтобы кто уничтожилъ похву ю мою (1 Кор. 9, 15).

ВЪ ЗАЩИТУ РУССКАГО ПРАВОСЛАВНАГО ДУХОВЕНСТВА ОТЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ОБВИНЕНІЙ И НАРЕКАНІЙ:

СТАТЬЯ I-я.

Сужденіе Маколея объ одномъ литературномъ приѣмѣ, господствующемъ въ современной русской журналистикѣ. Статья: «Одна изъ Кастъ» въ 6 № Библиотеки для Чтенія за—прошлаго года; нѣсколько отрывковъ изъ нея: чего хотѣлось г. Піотровскому и чего онъ на самомъ дѣлѣ достигъ? Почему мы обратили вниманіе на эту статью? Пренебреженіе къ духовенству въ образованныхъ классахъ и въ литературѣ: какъ и вслѣдствіе какихъ причинъ оно образовалось? Рабская переимчивость русскихъ относительно западныхъ одеждъ и другихъ внѣшнихъ явленій тамошней жизни; французское вольнодумство конца прошлаго вѣка, отобраніе отъ духовенства имуществъ, его бѣдность, его пресмыкательство; крайняя недостаточность духовнаго воспитанія до графа Сперанскаго и множество недостатковъ въ теперешнемъ порядкѣ нашего образованія—вслѣдствіе недостаточности матеріальныхъ средствъ; виновато ли здѣсь само духовенство и средство поправить дѣло; французскіе обычаи высшаго класса и беллетристика отечественная, распространяющая презрѣніе высшихъ классовъ по среднимъ образованнымъ. Перерожденіе презрѣнія въ ненависть къ духовенству и къ содержимому имъ ученію; обстоятельства, содѣйствовавшія такому перерожденію; рабское отношеніе русскаго развитія къ западному, и русской мысли къ западной и слѣдствія этого для духовенства,—обстоятельство извѣщающее и объясняющее такое отношеніе; голоса въ свѣтской литературѣ о неестественности и безжизненности подобнаго отношенія. Модная современная философія; ея возможная польза въ будущемъ и дѣйствительный вредъ въ настоящемъ; объясненіе торжества реальной или ма-

теріалістической философіи. Условія, необходимыя для безпристрастныхъ сужденій объ отечественномъ духовенствѣ: первое условіе—историческое знакомство съ его судьбами въ древней Россіи; цивилизаторская дѣятельность духовенства до Петра Великаго; сужденіе объ этомъ и. С. Соловьева и Павлова; противилось ли наше духовенство реформамъ и шло ли оно противъ прогресса жизни?

«Онъ полагалъ», писалъ Маколей о Гораціѣ Вальполѣ, «что онъ видитъ далеко внутрь людей; но мы находимся вынужденными быть совершенно инаго мнѣнія. Мы не думаемъ, чтобы онъ имѣлъ способность различать болѣе тонкіе оттѣнки характера. Онъ употребляетъ однако пріемъ, который, какъ онъ ни легокъ и ни пошлъ, доставляетъ тѣмъ, которые его употребляютъ, въ глазахъ 99 человекъ изъ 100 репутацію проникательности. Онъ насмѣхался надъ всѣми, придавалъ любому дѣлу возможно худшее толкованіе, читалъ каждого человека на выворотъ... Такимъ образомъ всякій можетъ съ небольшою проникательностію и съ небольшимъ трудомъ быть почитаемъ великимъ судьей характеровъ—людьми, хорошее мнѣніе которыхъ ничего не стоить. Говорятъ, что торопливый и жадный Неллеръ имѣлъ обыкновеніе отправлять дамъ, съ которыхъ снималъ портреты, какъ скоро набросалъ ихъ лица; и потомъ рисовалъ фигуру и руки съ своей горничной. Такимъ же образомъ обрисовывалъ Вальполь умы другихъ. Онъ копировалъ съ натуры только тѣ яркія и очевидныя особенности, которыя не могли ускользнуть отъ самаго поверхностнаго наблюденія. Остальное полотно безпечнымъ и размахистымъ образомъ онъ покрывалъ чертами дурака и плута, смѣшанными въ такой пропорціи, въ какой угодно было небу... Однимъ словомъ,

если вѣрить этому прозорливому судѣе челоуѣческой природы, — Англія имѣла въ его время мало смысла и вовсе не имѣла добродѣтелей, за исключеніемъ того, что изъ смысла и добродѣтелей было раздѣлено между самимъ Гораціемъ Вальполемъ, лордомъ Вальдгравомъ (пріятелемъ Вальполя) и маршаломъ Конвей (самымъ короткимъ и въ сущности единственнымъ другомъ, къ которому Горацій по видимому былъ искренно привязанъ) (1)».

Сужденія великихъ писателей производятъ какое-то отрезвляющее дѣйствіе, и намъ бы хотѣлось отъ души, чтобы русскіе читатели современной русской литературы заучили на память и вспоминали при разрѣзываніи каждой новой книжки русскаго журнала приведенныя нами слова Маколя. Самыя худшія черты писемъ Вальполя повторяются въ современной нашей литературѣ — и большею частію безъ его достоинствъ. Кого, въ самомъ дѣлѣ, не обзывали въ нашей журналистикѣ дуракомъ или развратникомъ, или тираномъ? Лицъ давно жившихъ и современныхъ — Петра Великаго и Державина, Карамзина и Хомякова, Гизо и Гегеля, Сперанскаго и Молинари, Погодина и И. Аксакова, Юркевича и Срезневскаго, чиновниковъ разнообразныхъ вѣдомствъ, директоровъ разнообразныхъ компаній, — всѣхъ и все ругаетъ такъ или иначе современная русская печать. Русскіе журналы — одинъ передъ другимъ — какъ какое нибудь новѣйшее изобрѣтеніе, *употребляютъ*, подобно Горацію Вальполю, *пріемъ, который, какъ онъ ни пошлѣ и ни лезокъ, доставляетъ тѣмъ, которые его употребляютъ, въ глаза 99 челоуѣкъ изъ 100 репутацію проницательную*

---

(1) Сочин. Макол. въ рус. перев. т. 2. стр. 224—228.

сти. Они насмѣваются надъ всѣми, придаютъ любому дѣлу возможно худшее толкованіе, читаютъ каждаго человѣка на выворотъ... Однимъ словомъ, если вѣрить на шимъ журналистамъ, этимъ прозорливымъ судьямъ чело- вѣческой природы и правдивымъ цѣнителямъ чело- вѣческихъ дѣлъ, то Россія въ настоящее время имѣетъ мало смы- сла и вовсе не имѣетъ добродѣтелей, кромѣ того, сколько смысла и добродѣтелей раздѣлено между пишущей и печатающей братіею. Это направленіе современныхъ умовъ—карикатурировать личности и положеніе дѣлъ, на- правленіе, называемое современными журналами *обличительнымъ*, въ существѣ дѣла одолжено своимъ появле- ніемъ желанію пишущей братіи—безъ труда прослыть за людей особенно проницательныхъ, видящихъ дальше, чѣмъ другіе, и потому имѣющихъ право смѣяться надъ всѣми и все представлять на выворотъ — по своему. Чѣмъ чище опачканный грязью образъ историческаго или современнаго дѣятеля, чѣмъ громче его имя, чѣмъ многочисленнѣе то или другое обруганное сословіе, чѣмъ важнѣе опошленное вѣрованіе или учрежденіе, тѣмъ большая слава достается у 99 изъ 100 читателей смѣлому литератору. Блескъ литературной извѣстности усиливается въ прямой пропорціи съ крайностію, одно- сторонностію и недобросовѣстностію взглядовъ и суж- деній.—Положеніе дѣлъ безнравственное и ненормальное, конечно имѣющее себѣ оправданіе во многихъ темныхъ сторонахъ русской жизни и не могущее не принести нѣкоторой пользы, но положеніе уже въ силу своей не- нормальности—недолговѣчное!...

Отечественное духовенство не могло избѣгнуть той участи, которую въ литературной области стали сперва

испытывать другія сословія. «Христіанское Чтеніе» имѣло уже случай (¹) обратить вниманіе читателей на одну странную выходку «Отечеств. Записокъ» противъ духовенства русскаго, гдѣ смѣлость и рѣшительность приговоровъ равняются лишь невѣжеству автора относительно разсматриваемаго имъ сословія (²). Одновременно почти съ Отеч. Записками другой русскій журналъ напечаталъ статью въ томъ же родѣ подъ заглавіемъ: «*Одна изъ Кастъ*». Еще за нѣсколько времени до ея прочтенія насъ предупредила молва о ней; «вотъ, говорили намъ, статья, такъ статья, замѣчательная статья! Какъ здѣсь мѣтко осмѣяно русское духовенство! Сколько святой правды тутъ!» Прочитали мы статью и нашли ее съ точки зрѣнія, указанной Маколеемъ, дѣйствительно *замѣчательною*, а автора *проищательнымъ*; потому что еще больше смѣяться надъ всѣмъ святымъ, еще больше представить дѣло на-выворотъ, придать нѣсколькимъ частнымъ случаямъ преступленій болѣе худшее и болѣе обширное толкованіе, словомъ больше наругаться, чѣмъ какъ наругался надъ духовенствомъ г. Піотровскій—авторъ статьи, едва ли возможно. Это верхъ недобросовѣстности съ одной стороны и невѣжества съ другой, и коротенькій отзывъ Отеч. Записокъ о духовенствѣ можетъ показаться искренней и задушевной лестію друга другу въ сравненіи съ 11 восьмушками 6-й книжки «Библіотеки для Чтенія» за 1861 годъ. Точно также относится знаніе русскаго духовенства у безымяннаго лѣтописца Отеч. Записокъ къ знанію его г. И. Піотровскимъ. И если противъ сужденій перваго мы

(¹) Христ. Чт. 1861 г. № 9.

(²) Отеч. Зап. 1861 г. № 7.

считали нужнымъ дѣлать свои замѣтки, поправки и опроверженія, то дикость и негѣность утверженій г. Піотровскаго совершенно освобождаютъ насъ отъ подобнаго труда. Его статью можно было бы всю перепечатать, ничего не поправляя и ничего не замѣчая противъ нее, и всякій, болѣе или менѣе знакомый съ духовенствомъ русскимъ, только повторилъ бы эпитафю, предпосланный Гораціемъ Вальполемъ своему *Catologue of Royal and Noble Authors*: «Dove diavolo, messer Ludovico, avete pigliate tante coglionerie (1)?» Но довольно стыда для Библіотеки для Чтенія, помѣстившей на своихъ страницахъ «столько вздору» и издававшейся тогда еще подъ редакцію извѣстнѣйшаго русскаго романиста, долженствовавшего бы знать быть русскаго духовенства, и перепечатывать статьи мы не расположены, за исключеніемъ нѣсколькихъ отрывковъ, могущихъ дать понятіе читателямъ о направленіи и правдивости автора.

Объ основныхъ воззрѣніяхъ автора могутъ дать понятіе слѣдующія—почти начальныя—строки его статьи:

«Большая часть», пишетъ онъ, «нашихъ взглядовъ на общественныя отношенія находится на первой степени развитія, сохраняясь подъ эгидой народнаго почтенія. Даже въ литературѣ, между такъ называемыми авторитетами, представителями какой нибудь отрасли современной науки, встрѣчаются люди съ взглядами *теологическими*. Этой участи подвергаются преимущественно отвлеченныя понятія о нравственномъ, духовномъ и т. д. Такъ напр., по мнѣнію П. Г. Рѣдкина, воспитаніе непременно должно быть христіанское. Сущность же хри-

---

(1) «Эхъ мистеръ Людовикъ, откуда вы набрали это столько вздору?»

стіанскаго воспитанія состоитъ въ томъ, что оно постоянно обращаетъ вниманіе на истинное отношеніе человѣка къ Богу, какъ къ своему первообразу... что оно признаетъ грѣховность человѣческаго рода, чувственность его первой природы и необходимость спасенія, возрожденія (*sic!*)⁽¹⁾, превращенія его животной природы въ духовную. Это говоритъ болѣе или менѣе извѣстный почтенный профессоръ-юристъ, и это же самое на тысячу ладовъ можно услышать отъ всякаго старообрядца..... Всякій знаетъ причину отдѣленія людей, считаемыхъ нами старообрядцами (жизнь которыхъ по отношенію къ нашему времени сдѣлалась нелѣпою), отъ общихъ интересовъ. Это *та* каста, которой тогда казалось, что современная имъ тогдашняя *жизнь* была порочна и безнравственна; понятія ея были теологическія; цѣль жизни любовь и служеніе Промыслу».

Для насъ не имѣютъ большой важности подобныя убѣжденія г. Піотровскаго: всякій воленъ думать, какъ ему угодно, и за свои убѣжденія каждый, гдѣ слѣдуетъ, будетъ отвѣчать самъ. Но клеветать на кого бы то ни было, представлять дѣла другихъ въ превратномъ видѣ— это уже безнравственно и нечестно. А именно такого свойства всѣ почти фактическія показанія г. Піотров-

---

(1) Это ироническое *sic* поставлено самимъ авторомъ. Недоумѣніе его касательно возрожденія и превращенія животной природы въ духовную не отличается новостію; оно въ первый разъ высказано было Никодимомъ самому Иисусу Христу: *Какъ можетъ человекъ родиться будучи старъ? Неужели онъ можетъ въ другой разъ войти въ утробу матери своей и родиться? Иисусъ отвѣчалъ: истинно, истинно говорю тебѣ, если кто не родится отъ воды и Духа, то не можетъ войти въ царствіе Божіе. Рожденное отъ плоти есть плоть; а рожденное отъ Духа есть духъ. Не удивляйся тому, что Я сказалъ тебѣ: должно вамъ родиться снова* (Іоан. 3, 4—7):

скаго относительно духовенства православнаго, или, какъ онъ выражается, относительно «*касты старообрядцевъ*», или (другое заимствованное имъ названіе) относительно «*темнаго царства*». Какъ образчики такого рода показаній, мы приведемъ своимъ читателямъ разсужденія г. Піотровскаго о приходскихъ русскихъ священникахъ и о томъ, какъ они исправляютъ требы.

«Кромѣ поповъ невидимокъ у старообрядцевъ есть еще попы *явные*; на послѣднихъ держится вся каста. Они исполняютъ всѣ требы и, такъ сказать, служатъ связью съ одной стороны прихожанъ съ хранимымъ старообрядческимъ ученіемъ, съ другой связію — богатыхъ мірянъ старообрядцевъ съ епископами и попечителями. Получая сами значительную сумму за требы, они большую часть (?) ея принуждены бываютъ отвести къ «начальству». Такъ, напримѣръ, отбывая и получая обратно метрическія книги, явные попы обязаны въ силу обычая представлять при этомъ всѣмъ извѣстные, по выраженію Голя, документы за подписью Хованскаго».

«*Св. крещеніе* младенцевъ описываемою кастою совершается по большей части за разъ надъ нѣсколькими новорожденными. Каста вообще не торопится совершать требы и держится пословицы: «гуртомъ дешевле», конечно, по отношенію ко времени, а не къ получаемымъ за требу деньгамъ. Бываетъ такъ, что въ сутки крестятъ младенцевъ по *тридцати*, по *сорока*, а другой разъ и по *пятидесяти*. Происходитъ это обыкновенно такимъ образомъ: переписутъ младенцевъ и кумовъ на записку, потомъ загоняютъ всѣхъ въ придѣлъ, гдѣ поставлены кунели съ водою по числу подлежащихъ крещенію, а дьячекъ или кто другой положить начало и начветъ

каждаго младенца окунать. А священника весьма часто и видомъ не видать и слыхомъ не слыхать... Онъ явится къ такъ называемому *пополненію крещенія*: поставятъ среди церкви купель, поють, читають, какъ слѣдуетъ; потомъ поставятъ каждаяго младенца по колѣни въ воду, поддерживаютъ, а священникъ накладываетъ въ это время на младенца руку. Такимъ крещеніемъ остаются всѣ довольны: «батюшка, молъ, самъ крестилъ».

«Не лучше бываетъ съ *исповѣдью*. Народу набьется видимо невидимо. Выйдетъ дьячекъ; залѣзетъ въ олтарь, сядетъ тамъ на стулъ, а въ дверяхъ поставитъ столикъ. Народъ лѣзетъ къ нему съ просьбой о запискѣ. Потомъ поставятъ налой, выйдетъ опять дьячекъ и начнетъ грѣхи перебирать, прочтетъ правило, велитъ за собой повторять:—идетъ исповѣдь; а тамъ выйдетъ священникъ, прочтетъ отпущкъ и дѣлу конецъ... Послѣ исповѣди надо брать записки отъ священника для причастья: *дѣло законное*... надо знать, кто былъ на исповѣди. Разъ входитъ отецъ Пахомій въ монастырскую часовню, а часовня биткомъ набита, человекъ пятьсотъ было. Исповѣдь кончилась. Вышелъ дьячекъ. Началась раздача записокъ. Дьячекъ не всѣмъ ихъ раздаетъ, а по выбору, кто больше дастъ,—другимъ просто отказываетъ... Далъ тѣмъ, кто побогаче, а другихъ обдѣляетъ, а у него рвутъ записки; зашумѣли. Онъ пятился, пятился да и улизнулъ на хоры. Смѣется оттуда: «что, молъ, взяли?» и началъ сбрасывать записки—забавляется. А внизу чуть не до драки дошло, одинъ у другаго отнимають, ругаються, но жаловаться не могутъ: у дьячка всегда найдется отговорка: «не исповѣдывались молъ».

«Свадебъ по одиночкѣ въ глуши не вѣнчаютъ, а пригоняють къ разу. Былъ крайній (?) день передъ постомъ. И вотъ приѣхало въ церковь *двадцать свадебъ*. Народу набралось гибель; любопытно было посмотрѣть, какъ будутъ вмѣстѣ двадцать свадебъ вѣнчаться. Десять было изъ Москвы, десять деревенскихъ, а назначилъ имъ попъ съѣзжаться ровно въ двѣнадцать часовъ: всѣ, само собой разумѣется, спѣшили. Ровно въ 12-ть часовъ часовня была полна ждущими брака и смотрѣльщиками,—дѣло любопытное—двадцать свадебъ! Ждутъ по часу, ждутъ его два, и вечеръ на дворѣ — нѣтъ попа. Изнемогли всѣ. Отправились искать попа самые богатые; кое-какъ добились до священника,—добились, да такъ и ахнули: лежитъ онъ, какъ снопъ, мертвецки-размертвецки пьянъ, и какъ они къ нему ни приставали, какъ ни умасливали его, — *«не могу»*, едва выговариваетъ. Люди-то все были молодые, терпѣть имъ не въ мочь: въ прибавокъ понимаютъ, что *вѣнчаніе наше одна проформа, только бы было*. Окружили его, нѣкоторые на колѣни стали, давай его молить, да умаливать.—Батюшка, будь отецъ родной, обвѣнчай, *никакихъ денегъ не пожалѣемъ*, сдѣлай божескую милость! «не могу, да не могу!» Не погуби душъ нашихъ, только ко грѣху приведешь... Ну хоть какъ нибудь!» Водой начали его обливать. Наконецъ къ часамъ десяти ввели пьянаго попа въ часовню, началось вѣнчаніе»...

«Священники для того, чтобы распространить свое могущество не только въ одномъ своемъ приходѣ, но и далѣе въ деревняхъ, *благословляютъ* простыхъ инковъ исповѣдывать и приобщать св. тайнамъ, а по деревнямъ нерѣдко случается, что и простые міряне старики

причащаютъ: — «Батюшка такой-то благословилъ!» Это самое святое правило. Ивоки, отправленные по деревнямъ для сбора подаваній, при всякой возможности стараются услужить ихъ благословившему. Они сочиняютъ цѣлыя легенды о святости своего протектора. Въ свою очередь священникъ, поддерживая чрезъ подобныя личности проповѣдуемое ученіе, старается благословлять людей, могущихъ ему пригодиться и болѣе или менѣе извѣстныхъ мастерствомъ рассказывать и сочинять. А потому и немудрено, что выбранные умѣютъ ловко пользоваться обстоятельствами и въ данную минуту кстати рассказать небывалый случай про покровительствующаго имъ попа.... Къ этимъ извѣстіямъ прибавляются рассказы о видѣніяхъ, о чудесахъ, явленныхъ образахъ, и всякій только крестится и проклинаетъ другія касты и религіи. Старообрядчество или, вѣрнѣй, наше «темное царство» сильнѣе и сильнѣе пускаетъ свои корни. Народъ валитъ въ церковь къ прославленному попу, и бывають случаи, особенно послѣ общей исповѣди, что попу всѣ въ руки деньги суютъ *чуть не до драки*.... А у явленныхъ образовъ, не потухая, теплятся лампы и сгорають въ сутки десятки сотенъ (!) свѣчь. При этомъ попечители получаютъ дохода отъ свѣчнаго сбора каждый годъ копѣйки четыре лишнія; а это, нужно сознаться, зависитъ не столько отъ жадности поповъ, сколько отъ боязни представить въ будущій годъ свѣчнаго сбору меньше, что по правиламъ касты не дозволяется: хоть копѣйкой, а должно быть каждый годъ въ приходѣ больше прошлогодняго. Это фактъ очень любопытный....»

«Каста эта», пишетъ авторъ, «еще долго будетъ жить,

до тѣхъ поръ, пока свѣтъ знанія и науки не укоренить въ массѣ людей сознанія ея нелѣпости. И сколько лѣтъ пройдетъ до того времени!»

Мы окончили свои выписки изъ статьи Піотровскаго, и спрашиваемъ тебя, вся честная, добросовѣстная, читающая Россія, духовная и свѣтская: что это — факты дѣйствительные, или, говоря языкомъ Піотровскаго, «*легенды изъ свѣтлаго царства*» литературнаго творчества?.. Гдѣ это, въ какихъ приходахъ гуртомъ крестятъ по 30, 40, а иногда по 50 младенцевъ? Гдѣ это за тѣмъ для 40, 50 младенцевъ считаютъ нужнымъ ставить 40 или 50 купелей; автору по видимому неизвѣстно, что въ одной купели можно крестить многихъ младенцевъ, какъ въ одной рѣкѣ крестились тысячи вдругъ. Гдѣ это совершается таинство крещенія такимъ образомъ, что «загонять всѣхъ въ придѣлъ, и дьячекъ или другой кто положить начало и начнетъ каждого младенца окутать, а священника весьма часто и видомъ не видать и слыхомъ не слышать... что священникъ явится къ такъ называемому *пополненію крещенія*, что когда онъ явится, поставятъ уже среди церкви купель, поютъ, читаютъ, какъ слѣдуетъ; потомъ поставятъ каждого младенца по колѣни въ воду, поддерживаютъ, а священникъ накладываетъ въ это время на младенца руку», гдѣ, спрашиваемъ, г. Піотровскій видалъ подобный образъ совершенія крещенія? Онъ рассказываетъ такіа диковинки, что право невольно думаешь, ужъ не описываетъ ли онъ православнаго крещенія по воспоминаніямъ, сохранившимся у него о своемъ собственномъ крещеніи, и что онъ послѣ того, какъ самъ крещенъ былъ, уже ни раза не видалъ совершенія этого таин-

ства. Гдѣ это за тѣмъ исповѣдываютъ въ Россіи дьячки, гдѣ это таинство покаянія совершается такъ, что «поставятъ налой, выйдетъ дьячекъ и начнетъ грѣхи перебирать, прочтетъ правило, велитъ за собой повторять (правило, или грѣхи?...), идетъ исповѣдь, а тамъ выйдетъ священникъ, прочтетъ отпущкъ и дѣлу конецъ»? Если г. Піотровскій православный, въ такомъ случаѣ къ дьячкамъ никогда онъ пусть не ходитъ на исповѣдь, они не имѣютъ на это права, да кромѣ того, ему легче будетъ найти священника для исповѣди своей, чѣмъ дьячка, который бы взялся это сдѣлать. Въ какой это подмосковной глуши свадьбы вѣнчаютъ не по одиначкѣ, и гдѣ это было, что въ крайній день передъ постомъ вѣнчалъ священникъ двадцать свадебъ—вдругъ, да притомъ еще въ часовнѣ? Гдѣ это въ православной Россіи «священники благословляютъ простыхъ иноковъ исповѣдывать и приобщать св. тайнамъ, а по деревнямъ не рѣдко случается, что и простые міряне—старики приобщаются?» И гдѣ это иноки, отправленные съ такими цѣлями, сочиняютъ легенды о святости своего протектора и рассказываютъ о совершенныхъ имъ чудесахъ? Гдѣ это въ Россіи бываетъ *общая исповѣдь*, послѣ которой *попу всѣ въ руки суютъ деньги, чуть не до драки*? Истинно чудныя исторіи рассказываетъ г. Піотровскій; а еще въ своей же статьѣ нападаетъ на легенды и разные вымыслы. Вѣдь подобнымъ выдумкамъ могутъ повѣрить только тѣ, которые или до того озлоблены противъ духовенства, что, какъ французскіе судьи во времена терроризма, не повѣряютъ вводимыхъ обвиненій, а прямо подписываютъ преступнику прекращеніе существованія, или которые

послѣ того, какъ сами были крещены, никогда не присутствовали при совершеніи крещенія, и не только никогда не исповѣдывались и не вѣнчались, а и не видали, какъ это совершается надъ другими.... Вы, г. Піотровскій, ратуете за свои идеи, вы глумитесь надъ христіанствомъ; все это пусть такъ; можетъ быть ваши идеи и хороши, можетъ быть вашему невѣрью предстоитъ слава—смѣнить собою христіанство, а вамъ—сдѣлаться *апостоломъ новой вѣры*: но поймите, что вы замедляете, портите свое дѣло, мѣшаете ему, отнимаете силу у своихъ идей, смѣшивая ихъ съ вымыслами своей фантазіи. Вѣдь вы даете знать, что ваши идеи далеко не такъ цѣнны сами по себѣ, чтобы постоять за себя своимъ внутреннимъ достоинствомъ, когда для утвержденія ихъ въ умахъ читателей считаете нужнымъ прибѣгать къ недобросовѣстнымъ и клеветливымъ описаніямъ сословія, держащагося противоположныхъ вашимъ убѣжденій. Мы не можемъ сказать, чтобы вся ваша статья состояла изъ однихъ ложныхъ показаній; здѣсь попадаются свѣдѣнія и истинныя; тѣмъ хуже и для этихъ свѣдѣній, что вы соединили ихъ съ прямо-нелѣпыми показаніями. Преступленія противъ своихъ обязанностей, встрѣчающіяся въ каждомъ сословіи, вы возводите въ общія преступленія всего духовенства русскаго; пороки, существующіе въ расколѣ, вы безразлично относите къ православному духовенству ⁽¹⁾;

---

(1) Напримѣръ, говоря объ епископахъ очевидно православной господствующей Церкви, вотъ что говоритъ г. Піотровскій: «посмотримъ, кто иногда попадаетъ во епископа. Жилъ на Руси поць Егоръ, по большей части, въ кельѣ у матери Пульхеріи и началъ пить запоемъ. Попечители видятъ, что дѣло плохо, препоручили его Стефану Трифонову, который только тѣмъ и занимался, что съ бѣглыми попами

то, что есть худого въ нашемъ духовенствѣ, вы преувеличили, то, что есть хорошаго, скрыли, приписали пороки и преступленія несуществующіе, и въ результатѣ вышли не люди дѣйствительные, а мифологическія чудовища. «Темнаго вашего царства,» какъ вы его описали, нѣтъ на нашей планетѣ, и все, что непредубѣжденный читатель можетъ вынести изъ вашей статьи, такъ это понятіе о фанатической приверженности вашей къ новымъ идеямъ, въ силу которой вы, какъ нѣкогда испанскіе инквизиторы, готовы приписать людямъ несогласнымъ съ вашими убѣжденіями всевозможные пороки и преступленія. Но неужели здѣсь есть терпимость, гуманность и добросовѣстность, требуемая отъ всякаго человѣка и христіанствомъ и новымъ знаніемъ? Нельзя ли къ вамъ, г. Піотровскій, и ко многимъ, разсуждающимъ и устно и печатно о религіи и духовенствѣ, отнести словъ Маколея о французскомъ невѣрїи въ эпоху первой французской революціи? «Новое невѣрїе отличалось такою же нетерпимостію, какъ и древнее суевѣрїе. Показать

по Россіи разѣзжалъ. Поѣхалъ Степанъ съ Егоромъ, провѣдалъ, что у попа деньги есть—и спровадилъ Егора въ прорубь, а самъ уѣхалъ въ Бѣлые Криницы, попиравалъ на добытыя деньги... и воротился въ Россію... епископомъ Софроніемъ» (стр. 11). Случай, очевидно, изъ исторіи раскольниковъ, а между тѣмъ авторъ «Одной изъ Кастъ» этимъ случаемъ подкрѣпляетъ свои сужденія и другой случай, касающійся нашихъ православныхъ епископовъ. Это можно объяснить или незнаніемъ различія между раскольниками и господствующей въ Россіи православной Церковію, или же намѣреннымъ искаженіемъ дѣла для краснаго ли слова, или съ другими болѣе серьезными цѣлями: во всякомъ случаѣ подобная манера сужденій г. Піотровскаго походить на то, если бы кто нибудь, говоря объ ученыхъ съ дипломами лекаряхъ, вздумалъ для большаго опозоренія ихъ смѣшать съ ними и ихъ практикой деревенскихъ знахарей и знахарокъ и ихъ леченіе, лихо-радки напр., крѣпкой водкой, сулемой, и т. д.

почтеніе къ религіи значило навлечь на себя подозрѣніе въ непреданности новымъ идеямъ. Не безъ неминуемой опасности священникъ могъ тогда крестить младенца, совершить бракосочетаніе или отправиться для исповѣди умирающаго... Церкви были заперты; колокола безмолвствовали; алтари разграблены, серебряныя распятія расплавлены. Шуты, одѣтые въ ризы и стихари, танцовали карманьолу предъ дверями самаго конвента. Бюсть Марата смѣнилъ собою статуи христіанскихъ мучениковъ. Одна развратная женщина, помѣщенная на горнемъ мѣстѣ въ алтарѣ церкви *Notre Dame*, принимала поклоненіе тысячъ народа, восклицавшаго, что наконецъ эти готическіе своды храма въ первый разъ огласились звуками истины» (1). Конечно, многія изъ дѣяній французскихъ революціонеровъ требуютъ большаго простора для своего совершенія, чѣмъ просторъ— печатно врать и клеветать, но судя по силѣ ненависти, какая наполняла вашу грудь при писаніи вашей статьи, вы, г. Піотровскій, не прочь были бы создать вмѣсто христіанскаго новое богослуженіе, а православное духовенство просто сразу же уничтожить. Вы съ грустію и отчаяніемъ пишете: «каста долго еще будетъ жить, до тѣхъ поръ, пока свѣтъ знанія и науки не укоренитъ въ массѣ людей сознанія ея нелѣпости. И сколько лѣтъ пройдетъ до того времени!» Такъ вотъ и чувствуется послѣ этихъ словъ ваше недовысказанное желаніе, чтобы будущій русскій историкъ могъ повторить слова Маколея, примѣняя ихъ къ Россіи: «пастырей, вѣрныхъ своимъ началамъ, убивали десятками безъ су-

---

(1) *Essays and Reviews*. Ed. Tauchnitz, Leipzig. tom. 4 pg. 139.

да и слѣдствія, топили, разстрѣливали, вѣшали на фонарныхъ столбахъ. Тысячи бѣжали изъ отечества искать убѣжища подъ сѣнью вражескихъ алтарей ⁽¹⁾.» Но довольно о. г. Піотровскомъ... Бываютъ выходки возмутительныя и недобросовѣстныя, но г. Піотровскій зашелъ ужъ такъ далеко, что дальше идти едвали можно. Для подобныхъ статей самымъ лучшимъ отвѣтомъ могло бы быть молчаніе или пренебреженіе къ нимъ, или же единодушныя адреса, такъ часто употребляемые въ Англіи противъ разнаго рода памфлетовъ; и мы остановились на ней не потому, чтобы она сама заслуживала этого, а потому, что она выражаетъ собою—конечно въ самыхъ дикихъ утрированныхъ формахъ—почти общее настроеніе такъ называемаго образованнаго общества относительно церкви и духовенства, настроеніе, подъ которое авторъ лишь поддѣльвался. На этомъ предметѣ мы остановимся подольше.

Откуда и какъ образовалось въ образованномъ русскомъ сословіи, представителемъ мнѣній котораго служить литература, то пренебреженіе, часто переходящее въ болѣе сильное и положительное чувство къ церкви и духовенству—въ ненависть? Вопросъ жизненный и великой важности, отъ обстоятельнаго рѣшенія коего, можетъ быть, зависѣтъ будетъ и измѣненіе ихъ взаимныхъ отношеній, а это въ свою очередь могло бы повести къ другимъ самымъ существеннымъ для православной Россіи результатамъ. На первый взглядъ вопросъ этотъ можетъ показаться вопросомъ сколько пустымъ, столько же и неудоборазрѣшимымъ. Трудность его разрѣшенія

---

(1) Таже страница.

мы признаемъ и сознаемъ сами, и не съ цѣлю окончательнo рѣшить, а лишь поднять его, мы поставили такой вопросъ. Но что это не пустой вопросъ для обѣихъ сторонъ, для презираемой и презирающей, для позорящей и позоримой, для ненавидящей и ненавидимой, — для доказательства этого достаточно сказать, что онѣ поставлены исторіей жить и дѣйствовать въ одномъ государствѣ, и это отсутствіе взаимнаго уваженія и довѣрія препятствуетъ согласному и единодушному дѣйствованію къ общимъ пользамъ.

Сознаемся, что мы принимаемся за объясненіе причинъ весьма сложныхъ—весьма сложной болѣзни. Легче было бы несравненно объяснить недовѣріе умныхъ людей и ненависть толпы къ духовенству католическому—въ началѣ XVI—въ Германіи, или въ концѣ XVIII вѣка во Франціи; тамъ духовенство своимъ деспотизмомъ, своими насиліями, своимъ корыстолюбіемъ возставило противъ себя общественное мнѣніе; положеніе нашего духовенства, въ эпохи наибольшаго его могущества, не представляло подобныхъ побужденій къ презрѣнію или ненависти. Гдѣ же причина такого грустнаго разъединенія и недовѣрія? — Последній вліятельный дѣятель изъ среды духовенства, дѣятель гениальный, съ душой суровой и сильной, былъ Никонъ патріархъ; онъ заключилъ собою эпоху, когда духовенство было въ Россіи почти единственнымъ грамотнымъ и сколько нибудь образованнымъ сословіемъ, онъ палъ въ борьбѣ съ невѣжествомъ однихъ и коварствомъ другихъ, милость царская оставила своего любимца. За Алексѣемъ Михайловичемъ слѣдовалъ Преобразователь Россіи. Реформа Петра образовала въ Россіи классъ людей об-

разованныхъ по чужестранному, по нѣмецки, по французски, только уже не по русски—и въ полномъ отчужденіи отъ вліяній церкви и духовенства. На западѣ, гдѣ получали образованіе тогдашніе русскіе, было много уже посѣяно ненависти и недовѣрія къ церкви римской и ея клиру самую церковію и ея клиромъ; не имѣя собственныхъ историческихъ причинъ ненавидѣть свое духовенство, наши образованные русскіе переносили съ запада одни слѣдствія—т. е. холодность, пренебреженіе и ненависть ко всему, походившему на клиръ и церковные уставы. А между тѣмъ самымъ естественнымъ образомъ это, болѣвшее чужою болѣзнію, общество образованное имѣло вліяніе при дворѣ и въ провинціяхъ, потому что оно было образованнѣе. За немногими исключеніями эта образованность ограничивалась одною вѣншею переимчивостію французскихъ манеръ обращенія и париковъ, нѣмецкихъ кафтановъ, западныхъ баловъ или ассамблей, а въ отношеніи къ вѣрѣ и церкви вольнодумствомъ самаго дешеваго сорта—протестантскимъ нарушеніемъ православныхъ постовъ и насмѣшками надъ вѣншними сторонами религіи. Чувство пренебреженія къ духовенству зараждалось, какъ къ словію исторически поставленному, стоять за народную вѣру противъ западныхъ обычаевъ, удержавшему прежнія формы одеждъ и т. д. Вольномысліе французскихъ энциклопедистовъ прошлаго столѣтія это вѣншее—чисто пренебреженіе къ духовенству русскому сдѣлало болѣе внутреннимъ. Въ это время все, что блестяло, что было болѣе образовано, что потому имѣло общественное значеніе, научилось уже презирать духовенство, не какъ защитника постовъ и православныхъ

старыхъ обрядовъ и обычаевъ, а какъ представителя вѣрованій, противоположныхъ совершенно убѣжденіямъ, довольно поверхностно усвоеннымъ сословіемъ, писавшимъ и объяснявшимся по французски, и всѣми, ползавшими около этого сословія. Но какъ усвоеніе французскихъ энциклопедическихъ воззрѣній, такъ и пренебреженіе къ духовенству одинаково были не глубоки и ограничивались притомъ тѣснымъ кругомъ.

Въ ту пору, когда во Франціи, Испаніи и Португаліи подѣ влияніемъ новыхъ идей, враждебныхъ іезуитскому и іерархическому порядку, отбирались отъ іезуитовъ имущества, въ ту-же пору и у насъ отобраны отъ нашихъ церквей и монастырей ихъ крестьяне и-съ землями, и потомъ и тѣ и другія розданы придворнымъ ползунамъ. Церковь страдательно покорилась этой мѣрѣ, хотя не безъ жертвъ и протестовъ съ своей стороны. Но эта мѣра вмѣсто того, чтобы возвысить духовенство въ мнѣніи образованныхъ людей уже за одно выказанное имъ страдательное терпѣніе и самоотверженіе, лишь унизила его еще глубже. Духовенство, пользовавшееся до той поры богатыми (даже больше, чѣмъ нужно бы) средствами къ жизни, теперь, за нѣкоторыми исключеніями, было предано на жертву судьбѣ и предоставлено благотворительности народа и помѣщиковъ. Изъ довольно независимаго сословія оно сдѣлалось однимъ изъ самыхъ зависимыхъ; изъ довольно богатаго — нищенствующимъ. Многіе монастыри разрушились и были оставлены; многія церкви остались безъ средствъ и разрушились, а которыя были покрѣпче построены, тѣ до сихъ поръ стоятъ въ древнихъ городахъ Россіи, какъ памятники другой эпохи жизни русской, приписанныя

къ другимъ церквамъ. Нищенство — отличная причина съ одной стороны къ невѣжеству нищенствующихъ: побужденіе къ униженію и ласкательству предъ богатыми и сильными, а для богатыхъ и сильныхъ, которые въ ту пору не слишкомъ были научены признавать за человѣка лицо, не одѣтое въ парикъ да въ золото, это же нищенство съ его послѣдствіями — невѣжествомъ и завскивающимъ раболѣпствомъ—было новымъ поводомъ презирать нищенствующихъ, невѣжественныхъ и раболѣпныхъ духовныхъ. Какую жалкую роль—нищаго попрошайки занимало духовенство не только предъ вельможами, не только предъ болѣе или менѣе состоятельными помѣщиками, но и предъ ихъ управителями, которыми бывали по большей части нѣмцы или чухонцы, и предъ бурмистрами мужиками, для сужденія объ этомъ очень много имѣетъ данныхъ современное поколѣніе сельскаго духовенства и крестьянства. И лѣсъ для постройки дома, и дрова для отопленія, и земля для пропитанія, все это зависѣло отъ каприза помѣщика, или управляющаго, или бурмистра; ловкіе духовные, умѣвшіе вкрадываться—не безъ измѣны иногда своей вѣрѣ и своему служенію—могли жить хорошо; но горе было лицамъ сколько нибудь самостоятельнымъ и сколько нибудь уважавшимъ вѣру, которой были они служителями, когда они осмѣливались возвышать свой голосъ въ виду самыхъ явныхъ несправедливостей или самыхъ ужасныхъ жестокостей помѣщика или управляющаго. Мудрено ли, что голосъ живой проповѣди, безстрашно каравшей пѣкогда народные пороки, безтрепетно провозглашавшей правду, милость и судъ, и возбуждавшей къ проповѣдникамъ уваженіе, смолкъ въ духо-

венствѣ, и что оно—въ самыхъ лучшихъ своихъ представителяхъ—начало прибѣгать къ риторическому щегольству въ проповѣдяхъ, избѣгая дѣла, а въ массѣ—напросто разучилось проповѣдывать. Въ какой мѣрѣ необезпеченность служителей вѣры препятствуетъ имъ честно служить вѣрѣ, объ этомъ лучше всего можно судить по священникамъ англійскихъ конгрегационалистовъ (1) и по шотландскому клиру. «Въ Шотландіи», замѣчаетъ Единбургское Обзорѣніе, «все такъ подстроенно, что священники вполне зависятъ отъ предрасудковъ и суевѣрій ихъ паствы; принужденная дойти до такого уровня, шотландская церковь чѣмъ дальше, тѣмъ все меньше и меньше насчитываетъ между своими служителями лицъ изъ высоко образованныхъ классовъ общества; она въ значительной степени отдалила отъ общенія съ собою высшіе классы;—даже крайне-отвлеченное направленіе шотландскаго проповѣдничества и склонность къ антиноміямъ одолжены своимъ происхожденіемъ этой зависимости клира шотландскаго отъ общины. Въ Шотландіи крайняя рѣдкость—проповѣдникъ, который бы осмѣлился съ кафедры возвѣстить горячее осужденіе тѣмъ величайшимъ поруганіямъ нравственнаго закона, къ которымъ такъ склонны оба пола въ этой странѣ. Самое шотландское богословіе слишкомъ уже поддѣляется подъ народный вкусъ; обычай и предрасудки народные въ чувствительной степени на-

---

(1) Объ англійскихъ диссидентскихъ священникахъ и низшей степени ихъ образованія сравнительно съ образованіемъ богатаго епископальнаго клира можно получить нѣкоторыя свѣдѣнія изъ статьи: «*Состояніе христіанскаго міра въ текущемъ году*», помѣщенной въ декабрьской книжкѣ «Христіанскаго Чтенія» за 1861 г. (стр. 440—502).

силуютъ высокую важность, принадлежащую истинамъ и законамъ христіанства... Самую надежную гарантію противъ крайностей народнаго фанатизма и ветеримости составляетъ образованное духовенство, съ независимымъ вѣшнимъ положеніемъ, у котораго терпимость основывается на убѣжденіи и которое всецѣло предано служенію церкви, не управляемой предрасудками низшихъ классовъ» (¹)... Правительство не могло не замѣтить страннаго положенія, въ которое оно само же поставило духовенство; двѣ мѣры нѣсколько облегчили его вѣшнее положеніе: это распоряженіе, чтобы каждая церковь имѣла *указную пропорцію* земли и потомъ выдача жалованья сельскимъ духовнымъ, мимоходомъ замѣтимъ, недостаточнаго и скуднаго. Послѣдняя мѣра простирается кромѣ того не на всѣ губерніи. Но зло легче прививается, чѣмъ истребляется: злыя послѣдствія нищенства духовенства, имѣвшаго, между прочимъ, въ результатѣ усиленіе презрѣнія къ нему, продолжаются, а слѣдствія добрыхъ, облегчительныхъ мѣръ едва—едва проявляются.

Бѣдность духовенства другимъ, еще болѣе прямымъ, образомъ содѣйствовала усиленію пренебреженія къ духовенству въ образованныхъ классахъ русскаго народа. До Петра великаго народное образованіе вообще, и образованіе духовное въ частности были предоставлены частной инициативѣ частныхъ лицъ. О послѣднемъ заботились архіереи епархіальные. Такъ въ 1706 году новгородскій митрополитъ Іовъ призвалъ въ Новгородъ Лихудовъ и открылъ въ своемъ домѣ школу для обуче-

---

(¹) The Edinburgh Review. 1861 № 231. p. p. 23—209.

нія дѣтей славянскому и греческому языкамъ. Въ заботахъ своихъ о просвѣщеніи Петръ великій указами 1714 и 1716 годовъ повелѣлъ учредить «цифирныя школы» при архіерейскихъ домахъ и при знатныхъ монастыряхъ для поповскихъ и причетническихъ дѣтей. Но потомъ постановленіями Регламента повелѣно было всякому епископу имѣть въ домѣ или при домѣ «своемъ школу для дѣтей священническихъ и прочихъ въ надежду священства опредѣленныхъ и соединить съ ними цифирныя школы, гдѣ онѣ были открыты» (¹). Епископамъ представлено было приглашать учителей, откуда кто можетъ, и обезпечить ихъ со стороны средствъ жизни. Въ такомъ положеніи оставалось духовное просвѣщеніе довольно долгое время въ Великороссіи, и о скудости его можно судить по александроневской школѣ — съ 1721 г.—и александроневской славено-греко-латинской семинаріи (²). До 1732 г. кое какъ содержалась семинарія на монастырскій счетъ, потомъ изъ вотчинныхъ монастырскихъ доходовъ повелѣно было выдавать 1607 р. и 42 четверти хлѣба. Послѣ кратковременнаго возвращенія духовенству церковныхъ имуществъ, церковныя имѣнія были въ 1764 году окончательно отобранны (³)

(¹) *Рем.* Еписк. дѣла: пункты 9, 10. *Полн. Собр. Зак.* Сен. ук. 17 окт. 1723.

(²) Болѣе подробныя свѣдѣнія объ александроневской школѣ и семинаріи находятся въ «*Исторіи С.-Петербургской Духовной Академіи*» Иларіона Чистовича (стр. 4—25).

(³) Ростовскій митрополитъ Арсеній Маціевичъ, въ своемъ протестѣ Святѣйшему Синоду отъ 6 марта 1763 года, жалуется на предположенное отобраніе церковныхъ имѣній въ казну и продолжаетъ: «а между тѣмъ духовенству нужны школы и академіи, какъ въ давности было въ Греціи и теперь есть на Западѣ, то есть, по знатнымъ мѣстамъ, въ царствующихъ градѣхъ, на государственномъ содержаніи; знаемъ

отъ него и на содержаніе всѣхъ духовныхъ училищъ положено было сперва 40,000 р. (1), а потомъ—съ 1784 г. 77,431 р. 27¹/₂ к.—Императоръ Павелъ возвысилъ этотъ окладъ до 180,000. Императоръ Александръ въ 1807 г. возвысилъ до 360,000. По причинѣ скудости средствъ мѣры усовершенствованія духовныхъ училищъ не могли быть обширными, а инныя были просто неосуществимы (2). Уровень просвѣщенія не могъ такъ быстро подниматься въ духовенствѣ, какъ онъ поднимался въ другихъ сословіяхъ высшихъ, которымъ правительство доставляло болѣе щедрыя пособія, и которыя сами, владѣя большими имѣніями, были несравненно богаче. На духовныя училища, какъ мы сказали, отпускалось до 1808г. 360,000 р. ассигн.; между тѣмъ въ томъ же году комитетъ, учрежденный для разсмотрѣнія плана объ усовершенствованіи духовныхъ училищъ, призналъ необходимою для академій, семинарій и низшихъ училищъ въ 36 тогдашнихъ епархіяхъ сумму болѣе чѣмъ

бо всѣ, яко ученіе свѣтъ есть, а неученіе тьма. Но какъ свѣтъ, отъ вачала созданія всюду разсѣянный и колеблющійся, приведенъ въ порядочное состояніе тѣмъ, что сосредоточенъ въ одномъ солнцѣ: такъ и свѣту духовнаго просвѣщенія, т. е. академіямъ, не надлежитъ быть по грязямъ и болотамъ, но по знатнымъ царствующимъ городамъ, какъ то и Духовный Регламентъ, ежели его внятно и въ тонкость прочесть, повелѣваетъ академія быть при Синодѣ на государственномъ содержаніи... А при архіереяхъ быть школамъ для священническихъ дѣтей... Нужно усилить проповѣдь слова Божія, потому что жатва многа, а дѣлателей мало... Число церквей умалается, а не уменьшается; инвалидами наполнили и наполняютъ монастыри, и только одни монастыри, какъ будто для нихъ только служили и за нихъ только сражались инвалиды». Газета *День*. № 15; статья И. Чистовича: Арсеній Маціевичъ.

(1) Высочайш. указъ 11 авг. 1765.

(2) Исторія С.-Петербурга. Д. Ак. стр. 163.

въ четверо бѣльшую, именно 1,669,450 р. (').—Духовенство изъ передоваго сословія попало въ отсталые, и въ какой мѣрѣ оно еще отстало бы, трудно и представить, если бы блаженной памяти графъ Сперанскій, самъ произшедшій изъ духовнаго сословія, не вывелъ его изъ рабства невѣжеству и нищетѣ, воспользовавшись для просвѣщенія его тѣми скудными источниками, которые еще оставались въ распоряженіи церкви. Мы имѣемъ здѣсь въ виду его знаменитый проэктъ о содержаніи духовныхъ училищъ на счетъ прибыли отъ продажи церковныхъ свѣчей. Что было бы безъ этаго проэкта, до какой степени дошло бы невѣжество духовенства, мы затрудняемся и опредѣлить; намъ, какъ болгарамъ, пожалуй пришлось бы брать въ священнослужители грамотныхъ грековъ. Умножились приходскія и уѣздныя училища, преобразовались и увеличились въ числѣ семинаріи, образовались по новой методѣ духовныя академіи; мы на время опять сравнялись съ образованными русскими сословіями; но, увы, что въ проэктѣ было хорошо, то въ осуществленіи впоследствии встрѣтило большія затрудненія. Нѣтъ добра, въ которое бы обстоятельства или человѣческая воля не прибавили значительной доли зла. Церквей много, особенно въ городахъ, приходы сельскіе слишкомъ разбросаны или слишкомъ бѣдны, свѣчная продажа служила до той поры средствомъ къ ремонту и содержанію церквей и къ благоукрашенію ихъ; и духовенство русское было поставлено въ необходимость — не всю свѣчную прибыль представлять на содержаніе

(') Тамже стр. 173—178.

духовныхъ училищъ. Съ начала еще, когда и любовь къ просвѣщенію не такъ сильна была въ духовенствѣ, когда семинаріи были не такъ многолюдны, когда еще составъ наставниковъ въ духовныхъ училищахъ не былъ такъ великъ, свѣчная прибыль еще была достаточна для удовлетворенія нуждъ духовно-учебныхъ заведеній; но въ послѣднюю пору, когда проценты съ накопившихся въ ту пору учебныхъ капиталовъ уменьшились, а потребности жизни удвоились или утроились по цѣнности, и процентовъ и свѣчныхъ сборовъ едва достаетъ на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній ⁽¹⁾. Нужно на мѣсто ветхихъ строить новыя зданія, поправлять разваливающіяся, а денегъ нѣтъ; нужно завести болѣе стро-

---

⁽¹⁾ Что процентовъ съ духовно-учебнаго капитала, накопленнаго отъ остатковъ прежнихъ годовъ, и ежегодно собираемой свѣчной прибыли недостаточно не только на улучшеніе духовно-учебныхъ заведеній, но и на содержаніе ихъ въ настоящемъ видѣ и по давно составленнымъ штатамъ, что въ послѣдніе годы духовно-училищное начальство вынуждено было истрачивать по нѣскольку сотъ тысячъ изъ основнаго капитала, кромѣ процентовъ на него, — это фактъ, о которомъ свидѣлствуютъ отчеты оберъ-прокурора Св. Синода, о которомъ не разъ упоминали духовные журналы, который служитъ исходной точкой разсужденій въ комитетахъ, составленныхъ для разсмотрѣнія *новаго проекта Духовно-Учебныхъ заведеній*. А между тѣмъ нашелся же какой-то господинъ, который въ 135 № С.-Петербургскихъ Вѣдомостей 1863 г. серьезно увѣрялъ, что на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній идутъ одни только проценты съ основнаго духовно-учебнаго капитала, и что свѣчная прибыльная сумма вполнѣ могла бы обезпечить существованіе духовенства, нисколько не обременяя правительство. Вотъ собственныя разсужденія безыменнаго публициста по поводу задуманнаго правительствомъ намѣренія улучшить бытъ православнаго духовенства: «Если бы свѣчная прибыльная сумма обращалась въ пользу священниковъ, а слѣдовательно была бы въ непосредственномъ вѣдѣніи мѣстнаго духовенства, то въ короткое время она увеличилась бы значительно и вполнѣ могла бы обезпечить существованіе духовенства, нисколько не обременяя пра-

гій нравственный надзоръ за дѣтьми сельскихъ священниковъ и причетниковъ, поставленныхъ на квартиры къ мѣщанамъ или къ солдаткамъ въ разныхъ мѣстахъ города, а установить его нѣтъ средствъ; нужно усилить учебныя пособія, увеличить жалованье наставникамъ, чтобы они не выходили изъ духовно—училищной службы и всецѣло на всю жизнь посвящали себя своему дѣлу, — недостатки духовныхъ училищъ слишкомъ бросаются въ глаза, но средствъ, именно матеріальныхъ средствъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ не представляетъ нынѣшній порядокъ сбора и представленія свѣчныхъ суммъ. Картина мрачная стелется предъ глазами всякаго, кто искренно заинтересованъ судьбою духовнаго сословія и духовнаго образованія и тѣсно связанною съ ними судьбою родины и Церкви Православной. Здѣсь можетъ быть единственный

вительство. Намъ возразятъ (и основательно, замѣтимъ), что въ такомъ случаѣ свѣчной капиталъ, изъ процентовъ котораго содержатся семинаріи и нѣкоторые изъ духовенства, можетъ изсякнуть безъ постоянной прибыли (и въ короткое время изсякнетъ, примѣрно гдѣтъ въ 5—6). Но упомянутый капиталъ уже достаточно великъ (?); семинаріи и другія содержатся только изъ процентовъ (?), такъ что самъ капиталъ остается неприкосновеннымъ. Къ тому же, если священники будутъ пользоваться свѣчною прибыльною суммой, то значительная часть процентовъ, шедшая на вспомошествованіе многимъ изъ нихъ (очень не многимъ и самая незначительная!) будетъ сберегаться и увеличивать собою капиталъ. Наконецъ за то правительство могло бы ежегодно и значительно увеличивать этотъ капиталъ, обязавъ лавры и монастыри вносить извѣстный процентъ отъ прибыли, получаемой съ земли, лѣсовъ и капиталовъ, которыми они владѣютъ». Проектъ улучшения и полнаго обезпеченія быта православнаго духовенства, составленный публицистомъ, ужъ слишкомъ простъ; только авторъ рѣшительно ничего не знаетъ относительно дѣла, о которомъ судить и вразумляеть публику, онъ не знаетъ ни количества ежегодно собираемой свѣчной прибыли, ни численности православнаго духовенства, ни какъ великъ духовно-учебный капиталъ, ни того, на что содержатся духовно-учебныя заведенія....

случай, гдѣ духовенство само нѣсколько виновато въ отсталости и недостаткахъ своихъ учебныхъ заведеній. Удерживать большую часть свѣчной прибыли, причисляя ее къ кошелековымъ суммамъ, для того, чтобы слить колоколь пудовъ въ 200, построить колокольню повыше, или просто, чтобы хранить побольше денегъ въ церкви: да поймите, пастыри церкви, что это съ вашей стороны есть какъ бы нравственное самоубійство. Мы не хотимъ сказать, что непременно всю свѣчную прибыль нужно представлять, знаемъ, что въ такомъ случаѣ не на что было бы содержаться церквамъ; мы только противъ копленія суммъ при церквахъ и употребленія на вещественныя только постройки, а не на духовное благоустройство и образованіе. Твоего еще довольно сноснаго сына, почтенный о. іерей или причетникъ, выгоняютъ изъ семинаріи или изъ училища—часто не потому, чтобы онъ былъ безнадежно плохъ и неспособенъ, а просто потому, что начальство находить болѣе справедливымъ изъ скудныхъ средствъ, скупно доставляемыхъ духовенствомъ отъ свѣчной прибыли, давать вспоможеніе лучшему, чѣмъ твой сынъ, воспитаннику. Вашихъ дѣтей дурно кормятъ въ семинаріяхъ, плохо одѣваютъ, отъ дурной пищи они страдаютъ куриной слѣпотой, часто простуживаются, пріѣзжаютъ домой на горе и слезы матерей оборванные и испытые: поймите же, что на 34, а въ училищахъ 3-го разряда дажена 22 рубля, трудно, если не совершенно невозможно, содержать воспитанника годъ, давая и одежду и обувь и столъ, поймите, достопочтенные сельскіе и градскіе іереи, что вы, именно вы виновны въ большей части бѣдъ и лишеній, претерпѣваемыхъ вашими дѣтьми, обращая большую часть свѣчной прибыли, долженствующей итти на

еодержаніе духовно-учебныхъ заведеній, въ кошельную сумму. Вы, отдавая вашихъ дѣтей въ училище, принуждены поручать ихъ надзору солдатокъ и мѣщанъ, потому что нѣтъ казенныхъ училищныхъ зданій для житья имъ; вы бросаете ихъ воспримчивыя души среди грязи, пьянства, разврата и невѣжества; безъ просвѣщеннаго надзора они портятся: а кто виноватъ, что нѣтъ средствъ выстроить зданія для помѣщенія учениковъ? Наставники и въ училищахъ и въ семинаріяхъ и въ академіяхъ часто мѣняются къ явному вреду образованія вашихъ дѣтей; они ищутъ мѣстъ болѣе выгодныхъ, потому что на жалованье 128—214 р. (какъ въ училищахъ, и отъ 257 до 429, какъ въ семинаріяхъ и академіяхъ, трудно существовать особенно женатымъ людямъ; наука духовная вслѣдствіе этого развивается менѣе успѣшно, чѣмъ какъ желалось бы, преподаваніе не рѣдко идетъ вяло, ваши дѣти получаютъ образованіе худшее, чѣмъ какое могли бы получать при болѣе материальныхъ средствахъ нашихъ учебныхъ заведеній; наши бібліотеки скудны, потому что на суммы, ассигнуемыя на нихъ, не много можно приобрести книгъ; — зла и недостатковъ много вездѣ и главное средство къ исправленію всего заключается въ усиленіи духовно-учебныхъ капиталовъ, а это усиленіе возможно между прочимъ только при болѣе полномъ представленіи церквями свѣчной прибыли (о другомъ источникѣ усиленія духовно-учебныхъ капиталовъ мы скажемъ послѣ). Сознаніе недостатковъ нашихъ учебныхъ заведеній дошло до надлежащей степени ясности, желаніе поправить дѣло достигло требуемой степени энергій: остается найти матеріальныя средства или пока нужно по крайней

иѣрѣ доставлять честно и по назначенію тѣ, которыя указаны проектомъ графа Сперанскаго.

Заговоривъ объ упадкѣ и недостаткахъ духовно-учебныхъ заведеній, мы не много удалились въ сторону отъ предмета своего разсужденія, т. е. отъ объясненія причинъ происхожденія и усиленія въ образованномъ русскомъ сословіи пренебреженія и даже ненависти къ духовенству. Въ началѣ настоящаго столѣтія университеты едва ли были лучше въ какомъ бы то ни было отношеніи академій, гимназій-семинарій; съ тѣхъ поръ въ подстолѣтія много утекло воды. Правительство гражданское, отобравши имѣнія у духовенства, оставило его на его собственныя средства. Съ 1808 г. по 1816 казна государственная отпускала еще по 2,000,000 руб. на духовно-учебныя заведенія; но это временное пособіе отъ казны, дававшееся до увеличенія собственныхъ духовно-учебныхъ суммъ, пресѣклось въ 1816 году ⁽¹⁾. Уровень просвѣщенія въ духовенствѣ не могъ такъ прогрессивно подниматься, какъ онъ поднимался въ свѣтскихъ училищахъ, чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше получавшихъ поощреній. Профессоръ университета получаетъ теперь содержанія около 1500 р. ⁽²⁾; профессоръ академіи около 850; не знаемъ, сколько ассигнуется на бібліотеки университетовъ, а на академическую—всего идетъ 571 р. 40 коп. вмѣстѣ и съ фи-

---

⁽¹⁾ *Исторія С. Пет. Д. Акад.* см. стр. 178.

⁽²⁾ Въ настоящемъ году государство вдвое увеличило содержаніе профессоровъ университета: по Высочайше утвержденному и въ іюлѣ обнародованному штату профессору университета назначается 2,400 годоваго жалованья и 600 руб. квартирныхъ; въ соразмѣрности съ этимъ увеличены оклады экстр. профессорамъ и адъюнктамъ университетовъ. Говорятъ, въ скоромъ времени послѣдуетъ увеличеніе не-

вическимъ кабинетомъ. Свѣтскому образованному міру—большинству его неизвѣстны всѣ эти обстоятельства и всѣ эти причины недостаточности нашего образованія; ему извѣстны только слѣдствія причинъ, только дурныя внѣшнія манеры духовенства, незнаніе имъ иностранныхъ языковъ, тѣсный кругъ свѣденій по предметамъ общаго образованія, нѣкоторые пороки, и оно ставитъ себя въ положеніе пренебреженія къ намъ. Въ какой бы формѣ ни являлось это пренебреженіе къ духовенству, въ формѣ ли обиднаго сожалѣнія, какъ высказалъ его г. Чернышевскій, предложивши своими книгами доучить бывшаго профессора кievской академіи г. Юркевича, или въ холодномъ пренебреженіи во всѣхъ произведеніяхъ духовной литературы, или въ намѣренномъ искаженіи всѣхъ дѣлъ духовенства или по меньшей мѣрѣ въ прохожденіи ихъ свѣтскою литературою молчаніемъ,—источникъ его между прочимъ скрывается въ убѣжденіи свѣтскаго образованнаго сословія, что духовенство мало знаетъ, что оно мало цивилизовано, что не способно вслѣдствіе недостатковъ своего образованія идти на ряду съ вѣкомъ. Въ какой мѣрѣ въ существенныхъ сторонахъ образованія духовенство отстало отъ другихъ сословій, и кто больше дѣлалъ и дѣлаетъ для развитія народнаго, — объ этомъ мы скажемъ послѣ, а теперь перейдемъ къ другимъ причинамъ уже не пренебреженія только, а нѣ-

---

аквно увеличеннаго жалованья учителямъ гимназій. А наставники духовно-учебныхъ заведеній по прежнему остаются при старыхъ окладахъ 1820 и 1836 годовъ и только поощряются питать зависть къ щедро о отечески поощряемымъ наставникамъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній, какъ пасынки, носящіе старыя лохмотья. съ завистію посматривая на новыя и модныя одежды своихъ сводныхъ братьевъ. Точно будто мы и въ самомъ дѣлѣ пасынки, а не родныя дѣти государства!..

которой довольно желчной ненависти къ духовенству въ образованныхъ сословіяхъ вообще и въ литературѣ въ особенности.

Мы сказали уже, какое вліяніе имѣла французская энциклопедическая философія на воззрѣнія нашего образованнаго, главнымъ образомъ придворнаго, класса и на его отношенія къ духовенству. Французская революція нѣсколько просвѣттила глаза нашимъ обезьянствовавшимъ энциклопедистамъ на счетъ послѣдствій боготворимыхъ ими воззрѣній; слѣдовавшій за тѣмъ 1812 годъ порвалъ въ сердцахъ франкофиловъ тѣ философскія симпатіи, которыя они только для моды и питали, — философскія воззрѣнія были оставлены, но языкъ французскій, но французскіе обычаи отвоевывали все больше и больше нѣмцевъ себѣ. Французская литература была больше литературой русскаго образованнаго сословія, чѣмъ русская; въ русскомъ образованномъ обществѣ не рѣдкость были лица, не могшія объясняться по русски, а писать еще меньшее количество умѣло, хотя эти лица и писали и говорили по-французски хорошо. Духовенство и воспитывалось и жило далеко не по-французски; французскій языкъ знали немногіе, и знали какъ-то по своему, т. е. знаніе знавшимъ давало возможность читать книги французскія и заставляло затыкать уши при малѣйшемъ покушеніи съ ихъ стороны сказать какую нибудь французскую фразу; одежда на духовенствѣ осталась старая національная; языки греческій и латинскій, здравый смыслъ не могли замѣнить въ глазахъ свѣтскихъ людей незнанія послѣдняго французскаго романа или послѣдней парижской силетни. Между тѣмъ и русская беллетристика вторила тѣмъ же воззрѣніямъ высшихъ классовъ; начи-

ная съ романовъ Нарѣжнаго и комедій Фонъ-Визина до произведеній современнаго намъ «Пѣвца Бурсы и Барда семинарій» г. Помяловскаго, за немногими исключеніями, выводимый на сцену театра или въ повѣсти семинаристъ непремѣнно лице глупое, съ безобразными манерами, съ дикою рѣчью, — лицо окаррикатуренное; то, что въ верхнихъ слояхъ общества утверждалось на основаніи фальшивыхъ воззрѣній на достоинство человѣка образованнаго, то въ среднихъ классахъ воспитывалось беллетристикой.

Но все еще пренебреженіе къ семинаристамъ и духовенству не восходило до пренебреженія къ содержанию ими ученію. Этимъ мы уже обязаны позднѣйшему періоду развитія русской литературы. Цивилизація мѣнѣе развитая, когда она встрѣчается и приходитъ въ соприкосновеніе съ цивилизаціею болѣе развитою, страдательно покоряется послѣдней и рабски изумляется въ ней каждой частности. Здѣсь же первая, по мѣткому выраженію Боккля, способна *просматривать золото и подбирать ржавчину!* Въ такомъ отношеніи въ средніе вѣка находилась цивилизація западная къ древне-классической, въ такомъ отношеніи находится теперь цивилизація турецкая къ христіанской; именно въ такомъ же положеніи была и находится доселѣ русская жизнь къ западно-европейской. Реформой Петра великаго поставленная въ соприкосновеніе съ западною Европою; Россія начала перенимать именно виѣшнее, и нерѣдко виѣшнее или неприложимое или даже дурное; начавши съ бюрократіи, съ централизаціи, съ кафтановъ, съ париковъ, съ ассамблей, съ созданія роскошныхъ палатъ, она потомъ перенесла къ себѣ для поэзіи сперва клас-

сическіе образы, потому романтическіе. Но вѣтнее какъ скоро перевимается, такъ же скоро и даетъ чувствовать свою несостоятельность; парики оставлены, кафтаны и мундиры нѣсколько разъ измѣнились. Неравномерно дольше продолжается, точно также какъ довольно поздно воспринимается, внутреннее содержаніе высшей цивилизаціи низшею; послѣднія степени первой туго и какъ то странно входятъ въ жизнь второй. Въ этомъ случаѣ позже всего развивается и трудѣе всего усвоется философія, которая составляетъ высшее самопознаніе цивилизаціею самой себя. Раньше всего литература воспринимающей цивилизаціи обнаруживаетъ свою самостоятельность въ поэзіи; позже всѣхъ въ философіи. Законъ этотъ имѣлъ полную свою силу и въ нашемъ литературномъ развитіи. Поэтовъ мы имѣемъ уже нѣсколько вполне самостоятельныхъ и народныхъ, и ни одного самостоятельнаго философа. Настоящее современное поколѣніе Россіи, требующее уже народности и самостоятельности творчества и отъ живописцевъ и отъ поэтовъ, въ отношеніи къ философствованію находится въ состояніи рабской покорности западу. Еще живо то поколѣніе, которое запомнитъ господство у насъ Шеллинговой философіи; Гегелева философія, не принимаемая теперь въ цѣломъ, снабдила многія науки своими началами, на которыхъ онѣ до сей поры у насъ создаются; новѣйшая, такъ называемая *индуктивная*, или материалистическая германская философія по праву можетъ считать себя неограниченной властительницей русской мысли, по крайней мѣрѣ большинства молодого поколѣнія. Общее, что мы замѣчаемъ въ царствованіе каждаго изъ трехъ смѣвившихся

преимущественно неограниченныхъ монарховъ нашей мысли съ сопутствовавшими имъ учеными историками, геологами ист. д.,—это то, что подвластные имъ русскіе образованные люди никогда не задавали себѣ труда отнестись къ нимъ самостоятельно и свободно, а напротивъ по ихъ указанію калѣчили и увѣчили все, враждебное ихъ ученію. Мы уже довольно близко подошли къ выясненію своей мысли касательно происхожденія ненависти къ духовенству и церкви и остальное можемъ договорить словами Хомякова: «Нѣтъ сомнѣнія, что показанія нѣкоторыхъ наукъ положительныхъ, какъ геологія, фактическихъ, какъ исторія, или умозрительныхъ, какъ философія, кажутся не вполне согласными съ историческими показаніями священнаго Писанія или съ его догматическою системою. Тоже самое было и съ другими науками и иначе быть не могло. Науки не совершили круга своего, и мы далеко еще не достигли до ихъ окончательныхъ выводовъ. Точно также мы не достигли и полнаго разумѣнія свящ. Писанія. Сомнѣнія и кажущіяся несогласія должны являться: но только смѣлымъ допущеніемъ и вызовомъ наукъ къ дальнѣйшему развитію можетъ вѣра показать свою твердость и непоколебимость. Заставляя другія науки лгать или молчать, она подрываетъ не ихъ авторитетъ, а свой собственный. Въ системѣ инквизиціи религіозной вредны не столько ея жестокости, сколько робость и безвѣріе, которыя въ ней скрываются. Многое, что считалось противнымъ Закону Божію, теперь допущено и—безвредно. Папское богословіе запрещало землѣ вертѣться, а мы всѣ повторяемъ за Галилеемъ: *«и все таки она вертится»*; и знаемъ, что движеніе планеты не

уничтожаетъ священнаго Писанія; но негѣпый приговоръ духовныхъ судей былъ повторяемъ нерѣдко невѣрующими прошлаго и нынѣшняго столѣтія, и нерѣдко увлекалъ слабые умы къ безвѣрію. Опасна не свобода наукъ: она необходима столько же для ихъ успѣха, сколько для достоинства вѣры; а опасно нѣмецкое суевѣріе въ непреложность наукъ на каждомъ шагу ихъ развитія. Это суевѣріе, вредное для науки и еще вреднѣйшее для религіи, должно быть устранено изъ всякаго преподаванія; но какъ устранить ошибку, къ которой склонны преподаватели по своему ремеслу, а ученики по молодости, довѣрчивости и по самой любви къ наукѣ? Средство просто. Семейство и общество должно имѣть свободный доступъ въ училища, особенно высшія. Суевѣріе въ наукѣ и безвѣріе въ религіи не распространятся и не устоятъ предъ надзоромъ общества вѣрующаго (ибо таково еще большинство), общества уже знакомаго съ наукою, и для котораго она не имѣетъ ни соблазна новизны, какъ для учениковъ, ни соблазна ремесленности, какъ для преподавателей» ⁽¹⁾. Это «нѣмецкое суевѣріе въ непреложность и неизмѣнность науки и ея выводовъ на всякой данной степени ея развитія», это рабское отношеніе русскаго образованнаго ума къ западному съ одной

⁽¹⁾ Газета «День» № 1. Отъ души радуемся, что наконецъ и среди свѣтской литературы нашелся самостоятельный органъ, честно и прямо ратующій и противъ рабства русской мысли вообще, и противъ матеріалистическихъ воззрѣній въ особенности,—органъ, считающій ниже своихъ высокихъ задачъ—говорить о духовенствѣ и семинаристахъ съ сочувствіемъ. Несмотря на единодушное почти порицаніе новой газеты прежними журналами, мы все таки считаемъ ее лучшимъ и самымъ жизненно-либеральнымъ періодическимъ изданіемъ, и смѣло рекомендуемъ ее своимъ читателямъ.

стороны и его вовсе ужъ не рабское, даже мало деликатное, а чисто деспотическое и доктринёрское отношеніе къ вѣрованіямъ русскаго народа и къ складу русской жизни, первѣе всего должны были коснуться самыхъ яркихъ и выпуклыхъ сторонъ русской жизни, прямо противоположныхъ ихъ рабски принятымъ иноземнымъ воззрѣніямъ. Виднѣе всѣхъ, можетъ быть, другихъ особенностей русской жизни зрится русское духовенство, съ своимъ кодексомъ ученій, правилъ, и кромѣ того составляющее какъ бы замкнутую касту, такъ что его нельзя не замѣтить всякому усердствующему поклоннику той или другой западной теоріи, и посылному распространителю ея. Духовенство кромѣ того, составляя организованное сообразно съ своимъ ученіемъ сословіе, представляя вѣкоторымъ образомъ твердыню—оплотъ противъ новыхъ ученій, который защищать примется пожалуй все необразованное наше простонародье, естественнымъ образомъ вызываетъ на себя вниманіе нашихъ «передовыхъ мыслителей», на него обращаютъ и серьезные и холостые залпы клеветъ и острогъ и профессоръ съ кафедръ и публицистъ въ бѣглой статейкѣ, Піотровскій въ «Одной изъ кастъ», Антоновичъ въ «Старыхъ и новыхъ философахъ». Безсиліе нападенія, недостойнаемаго даже отвѣта со стороны осаждаемыхъ, вызываетъ злобу у нападающихъ и новыя, болѣе уже ожесточенныя, нападенія. Болѣе робкіе изъ—за угла и мимоходомъ, болѣе ретивые прямо бросаются на духовенство и содержимое имъ святое ученіе. Вотъ, напри- мѣръ, г. Піотровскій, основавшись на одной изъ теорій—на теоріи Конта о трехъ степеняхъ развитія каждаго народа: *теологической* или вымышленной (?!), *ме-*

тафизической или отвлеченной, и *научной* или положительной, основавшись на этой теоріи—еще не провѣренной, которую, можетъ статья, послѣ завтра же смѣнить другая теорія, и укрѣпившись за ней; какъ за твердымъ фортомъ, съ усердіемъ дисциплинированнаго артиллериста, сыплетъ холостые залпы сперва по христіанскому ученію за то, что оно, видите, какъ ученіе теологическое, «постоянно обращаетъ вниманіе на отношеніе чловѣка къ Богу, какъ своему первообразу.... что оно признаетъ грѣховность чловѣческаго рода, чувствительность его первой природы и необходимость спасенія, возрожденія (sic), превращенія животной природы въ духовную»; потомъ—по духовенству за то, что оно «проповѣдуетъ, какъ цѣль жизни, любовь и служеніе Промыслу». Нападеніе безсильное, это конечно сознавалъ и самъ авторъ; немногіе развѣ назовутъ въ самомъ дѣлѣ дурнымъ ученіе, которое, какъ нелѣпое, выставляетъ Піотровскій; и онъ уже потомъ на пользу ученія Конта начинаетъ клеветать на духовенство. Но г. автору этому, какъ и всѣмъ другимъ, не мѣшало бы помнить, что между «старообрядцами», равно какъ и между людьми держащими новыхъ «научныхъ или положительныхъ» воззрѣній, могутъ быть и хорошіе и дурные люди, и что дурной не порочитъ ученія, содержамаго имъ, и что христіанское ученіе не такого рода вещь, чтобы истина его зависѣла отъ качества лицъ, содержащихъ его, точно также, какъ истина ученія Конта не зависитъ отъ того, что г. Піотровскій, вѣрующій ему, не совѣмъ честно и добросовѣтно говоритъ о русскомъ духовенствѣ. Вообще, если только вѣрно то, что у насъ образованный «чловѣкъ» отрывается такъ сказать отъ почвы, на которой

выросъ, и становится пришельцемъ на своей землѣ» (1), всецѣло покоряя весь запасъ своей собственной душевной энергіи той или другой, попавшейся ему въ руки книгѣ, Боккля или Милля, Конта или Шопенгауера, то для всѣхъ другихъ книгъ, для всей русской жизни, для самаго откровенія и для проповѣдующаго оноо духовенства не можетъ быть никакого другаго отношенія, какъ отношеніе невниманія, презрѣнія, ненависти или злобы. Только лице свободное и самостоятельное можетъ быть въ дружбѣ и пріязни со многими и многимъ оказывать вниманіе и услуги: настоящій рабъ даже двумъ господамъ не можетъ работать. О русской жизни съ какихъ бы точекъ зрѣнія ни судили, кромѣ точки зрѣнія самостоятельной, съ точки ли зрѣнія Гегелевской философіи, Бюхнеровской ли, Миллевской ли, всегда она во всѣхъ своихъ сторонахъ, и въ духовенствѣ между прочимъ, покажется безобразной и требующей страшной ломки, а въ случаѣ ея безмолвнаго и стойкаго сопротивленія, заслуживающей пренебреженія, ненависти, или чегонибудь похожего на эти чувства.

Этотъ прогрессъ въ закрѣпленіи между русскою мыслию и западною отношеній раба къ господину начался довольно давно, и первые законоположники такого порядка (свалимъ вину хоть въ этомъ на другихъ!) были выписанные изъ — за моря — для насильственно цивилизуемой Россіи — профессора разныхъ академій, университетовъ, училищъ. Потомъ ихъ насажденіе утверждали и поливали посыланные за границу особенно даровитые и прилежные, много общавшіе воспитанники разныхъ

---

(1) Слова Хомякова. Тамъ же.

учебныхъ заведеній, занимавшіе по возвращеніи профессорскія мѣста; чѣмъ даровитѣе были лица, тѣмъ больше они успѣвали въ данномъ направленіи. Между тѣмъ, какъ эти ученые наставники переносили и пересаживали теоріи западныя со всею ихъ точностію и равняющеюся точности неприложимостію и враждебностію началамъ русской жизни, подспорьемъ имъ въ ихъ *полезныхъ* трудахъ послужило издавна укоренившееся убѣжденіе въ русскомъ образованномъ сословіи — вводить, какъ необходимую принадлежность порядочнаго воспитанія, знаніе новѣйшихъ языковъ — французскаго, нѣмецкаго и англійскаго, значительно облегчавшее для самыхъ посредственныхъ головъ усвоеніе уроковъ и послѣднихъ выводовъ западной жизни и науки. «Преподаваніе языковъ живыхъ раскидываетъ мысль; преподаваніе языковъ древнихъ сосредоточиваетъ ее въ самой себѣ. Одно изнѣживаетъ и расслабляетъ; другое трезвитъ и укрѣпляетъ. Тотъ, кто учится французскому и другимъ евронеискимъ языкамъ, пріобрѣтаетъ только новое средство читать журналы и романы и лепетать въ обществѣ на разныхъ ломаныхъ нарѣчіяхъ; тотъ, кто учится языкамъ древнимъ, пріобрѣтаетъ знаніе не языковъ, но самыхъ законовъ слова, живаго выраженія человѣческой мысли. Одного знанія древнихъ языковъ достаточно, чтобы русскій человѣкъ превосходно владѣлъ своимъ собственнымъ языкомъ, а знанія многихъ живыхъ языковъ достаточно, чтобы русскій совершенно раззнакомился со всѣми живыми особенностями роднаго нарѣчія» (1). Человѣкъ *многоязычный* столько же

---

(1) Замятка Хомякова, Тамъ же.

проигрываетъ относительно самодѣятельности мышленія и самостоятельнаго усвоенія чужихъ мнѣній, сколько выигрываетъ относительно многознанія и многочитанія. И можетъ быть достаточно одной этой особеннoсти воспитанія нашихъ образованныхъ юношей и дѣвицъ, чтобы понять, насколько мы еще успѣемъ въ работѣ предѣ западнымъ развитіемъ и насколько съумѣемъ отрѣшиться отъ способности мыслить свободно о предметахъ, подлежащихъ разсмотрѣнію и обсужденію, если подобный порядокъ воспитанія будетъ еще продолжаться. Вкусъ къ иновѣрнымъ пронаведеніямъ у насъ въ Россіи развился тѣмъ быстрѣе, чѣмъ бѣднѣе была наша отечественная литература, и чѣмъ строже и подозрительнѣе была русская цензура. «Если выраженіе мыслей въ отечествѣ затруднено и жизнь словесная подавлена, мысль общественная и мысль молодого возраста дается вполнѣ и безъ защиты вліянію чужеземцевъ и ихъ словесности, вредной даже въ произведеніяхъ самыхъ невинныхъ по общему мнѣнію.... Иностранная словесность сама по себѣ, безъ противодѣйствія словесности русской; вредна даже въ тѣхъ произведеніяхъ, которыя по общему мнѣнію заслуживаютъ наибольшей похвалы и особеннаго поощренія. Для русскаго взглядъ иностранца на общество, на государство, на вѣру превратенъ: неуправляемая добросовѣстною критикою русской мысли слова иностранца, даже когда онъ защищаетъ истину, наводятъ молодую мысль на ложный путь и на ложные выводы; а между тѣмъ при оскудѣніи отечественнаго слова, русскій читатель поневолѣ долженъ пробавляться произведеніями заграничными (1).»

---

(1) День, № 1: ст. Хомякова.

Иностранная литература незамѣтно ставила уже русских читателей на чуждую русской жизни и исторіи точку зрѣнія на русскую жизнь и ея явленія. Русское образованное общество долго бы еще читало и восхищалось пресметвенно любимыми писателями — мадамъ Жанлисъ, Бальзакомъ, Дюма и Сю, Полемъ Февалемъ и Жоржъ-Сандомъ, и соотвѣтствовавшими имъ учеными, если бы нѣсколько свободныхъ гениальныхъ поэтовъ не привлекли его вниманія къ русской печати и не заставили его допустить, что иногда и на русскомъ языкѣ попадаются порядочныя вещи, стоящія прочтенія, если бы за тѣмъ произведенія Вальтеръ Скотта, Диккенса, Теккерея и другихъ англійскихъ писателей не показали фальши французскихъ рассказчиковъ и ходульности тамошнихъ ученыхъ и если бы наконецъ ваша отечественная письменность не сдѣлалась богаче и разнообразнѣе, вмѣстѣ съ облегченіемъ цензурныхъ правилъ.

Но уже привыкшая, не трудясь, судить и рядить все западными умами, русская литература въ короткій срокъ не могла приучиться къ самостоятельности воззрѣній. Долго стѣсняемая и останавливаемая русская мысль вырвалась наконецъ на просторъ и, почувявъ себя на свободѣ, пустилась бѣжать уже безъ оглядки — по пути прогресса, готовая мигомъ насадить на родинѣ все доброе, что есть на западѣ, воспринять за одинъ разъ всѣ выводы науки и жизни западной, и разомъ истребить въ народѣ все кажущееся злымъ и худымъ, забывая, что передовыя страны запада далеко не такъ быстро бѣжали по тому пути, который привелъ ихъ къ теперешнему совершенству, что «въ Англии, на примѣръ, никогда не было и нѣтъ теперь легкомысленнаго отношенія

къ прошедшему, что она, напротивъ, съ почтеніемъ смотритъ на прожитое ею. Оставляя одно и переходя къ другому, она медлитъ, и только исчерпавъ, изживъ всю жизнь одной исторической минуты, переходитъ она какъ будто не охотно, какъ будто съ сожалѣніемъ къ другой. Это есть высшая *добросовѣстность прогресса*. Вотъ почему, сдѣлавъ шагъ впередъ, она не дѣлаетъ шага назадъ. Залогъ этого постоянного хода впередъ въ непрерывной связи съ прошедшимъ... А мы разорвали нашу связь съ прошедшимъ, снялись съ корня, и вотъ причина бѣлаго и вѣтреннаго хода нашей литературной и всяческой дѣятельности. Мы было прильнули къ чужому самостоятельному развитію, но, лишившись всякой своей почвы, своего дна, такъ сказать, — мы ничего и чужаго удержать въ себѣ, какъ въ рѣшетѣ, не можемъ. Все бѣжить сквозь; ничего не остается; или лучше постоянно остается пустота... Литература наша (говоря вообще) мчится съ необыкновенною быстротой: она ѣдетъ *на легкѣ*. На легкѣ и не мудрено мчаться. Есть залогъ, что она не все будетъ скакать на легкѣ, что будетъ авось въ ней клажа поважнѣе и потяжелѣе кучи иностранныхъ и переводныхъ этикетовъ, объявленій и оглавленій, которыя большею частію составляютъ весь грузъ ея. Пусть уже себѣ скачетъ скорѣе! пусть проскачетъ весь путь, какой проскакать она можетъ, стараясь догнать западъ: пусть догонитъ и попробуетъ опередить западъ, оставаясь на западной дорогѣ... Авось доскачетъ она до того, что и шагу ступить будетъ нельзя, потому что не будетъ знать, куда же дальше идти... Авось пойметъ она, что такое отношеніе къ истинѣ, къ просвѣщенію ложно, что самый путь ея оши-

бочень, потому что не свой, что каждый народъ своимъ радіусомъ доходить къ центру, что даже готовую мысль надо перенимать своимъ умомъ, что жить *чужимъ умомъ* значить отказаться отъ *своего*, что, однимъ словомъ, для всякой духовной человѣческой дѣятельности необходима самобытность. Авось пойметъ это наша литература, доскакавъ по прежней чужой дорогѣ до предѣла и не зная, куда идти дальше,—пойметъ и выдетъ на другую, новую для ней, но самобытную дорогу. А пока обратимся къ нашей литературѣ—какъ она есть—и къ ея скачущему во весь опоръ прогрессу. Постараемся разсмотрѣть дѣло поближе. И такъ эта быстрота смѣны явленій, это бѣгомъ совершающееся развитіе имѣетъ еще мало въ себѣ утѣшительнаго, доказывающаго только отсутствіе почвы, отсутствіе того вѣса, который умѣряетъ движеніе и дѣлаетъ каждый шагъ прочнымъ и полезнымъ. Наивныя слова: «какъ быстро мы идемъ впередъ!» очень смѣшны. Съ другой стороны иначе и быть не можетъ, какъ скоро литература оторвалась отъ самаго ея начала, отъ союза съ народомъ, который одинъ даетъ значеніе дѣлу, степенность и силу. Въ то же время литература наша на бѣгу отдѣляется легко и отъ разныхъ ошибочныхъ увлеченій... Мы высказали и повторяемъ наше желаніе, а вмѣстѣ и надежду, что въ своемъ вѣтренномъ движеніи литература наша добѣжитъ до того предѣла, съ котораго начнется для нея серьезная дѣльная дѣятельность. Пусть же быстрѣе смѣняются ея оттѣнки и видоизмѣненія, быстрѣе именно для того, чтобы пришла скорѣе та дѣятельность, гдѣ будетъ все глубже исчерпываться, взвѣшиваться и давать прочныя плоды». Это было писано

покойнымъ К. Аксаковымъ еще въ концѣ 1859 г., но замѣтки, справедливыя для того времени, не утратили ни мало справедливости и въ 1863 г.—четыре года спустя. Наша литература свѣтская вообще еще не перебрала всѣхъ отгѣнковъ и видоизмѣненій западнаго развитія, не добѣжала еще до своего урочнаго предѣла, и для нея еще не настало время самостоятельнаго и зрѣлаго обсужденія своихъ собственныхъ явленій—безъ предварительныхъ предубѣжденій въ пользу тѣхъ или другихъ западныхъ воззрѣній. По крайней мѣрѣ въ объявленіи объ изданіи журнала «Время» въ 1862 г. Редакція почти слово въ слово повторила приговоръ надъ русской литературой, произнесенный въ 1859 г. Аксаковымъ; она тоже обвиняетъ русскую мысль въ отчужденіи отъ родной почвы, въ пареніи въ воздухѣ, въ страданіи по идеямъ, чуждымъ намъ, и въ лицемѣрномъ болѣзнии чуждыми болѣзнями. Ту же самую мысль на нѣсколько родовъ и ладовъ повторяютъ почти всѣ русскіе свѣтскіе журналы, особенно часто Русскій Вѣстникъ и еще чаще День. «Въ то время», пишетъ наприм. послѣдняя газета, «какъ наша литература (по крайней мѣрѣ въ лицѣ значительной части своихъ представителей), отрѣшившись отъ чернорабочаго труда, требуемаго суровыми задачами современной дѣйствительности, облегчившись отъ груза исторіи, — убѣгаетъ далеко впередъ или въ сторону отъ дороги, на просторъ отвлеченности, гдѣ безъ помѣхи и препятствій созидаетъ разные воздушные замки, — исторія продолжаетъ свое дѣло, созидая изъ историческаго матеріала разныя, не отвлеченныя, но практически - жизненныя, не рѣдко уродливыя явленія. Литература становится и рѣшаетъ не существую-

шіе вопросы, переживаетъ сотый или двухсотый фазисъ своего ускореннаго отвлеченнаго развитія... Такое направленіе литературы легко объясняется разными историческими причинами, но, какъ бы то ни было, въ то время, когда мы заняты мечтами несбыточными или осуществимыми чрезъ тысячи лѣтъ,— у насъ предъ глазами незамѣтно вырастаютъ крупныя явленія и готовы возникнуть важныя государственныя мѣры ⁽¹⁾... «Странное, на примѣръ, мѣсто занимаетъ въ нашей столичной жизни и въ литературѣ тотъ громадный, социальный переворотъ, который извѣстенъ у насъ подъ скромнымъ названіемъ «крестьянскаго вопроса», или «крестьянскаго дѣла». Совершаясь въ дѣйствительной, а не въ отвлеченной средѣ, охватывая събою своихъ могучихъ корней всѣ слои нашей исторической почвы, проникая во всѣ изгибы нашего общественнаго быта, онъ тѣмъ не менѣе въ области тѣхъ отвлеченныхъ, досужихъ, призрачныхъ интересовъ, которыми живеть, по большей части, и пробавляется наше столичное общество, а съ нимъ и наша литература, представляется какимъ-то жесткимъ, постороннимъ тѣломъ, упорно не разлагающимся, не уступающимъ никакимъ усиліямъ химиковъ-теоретиковъ.... Въ немъ, въ этомъ крестьянскомъ вопросѣ есть та грубость дѣйствительности, та дикость и сырость самородка, полнаго внутренней органической силы, которая ставятъ въ неловкое къ нему отношеніе нашихъ прогрессистовъ, доктринеровъ и либераловъ» ⁽²⁾. «Большая часть изъ нихъ и невѣжды и

⁽¹⁾ День № 11.

⁽²⁾ День № 10.

деспоты. Невѣжды они потому, что не знаютъ и не хотятъ знать органической силы того матеріала, изъ котораго они думаютъ строить свое либеральное зданіе. Предъ ними сосна и береза, которымъ они велютъ быть мраморомъ, а такъ какъ это невозможно, то они и красятъ дерево подъ мраморъ! Предъ ними гранитъ, они воображаютъ его паллисандромъ и красятъ подъ дерево.... Они деспоты потому, что истинный либерализмъ долженъ состоять въ признаніи правъ самой жизни, слѣдовательно въ смиренномъ отношеніи къ требованіямъ ея, въ искреннемъ стремленіи понять ея часто темный, неразгаданный языкъ, въ уваженіи, наконецъ, къ историческимъ началамъ русскаго народа, — а всего этого и не замѣчается у нашихъ псевдо-либераловъ. Они деспоты потому, что считаютъ весьма извинительнымъ для своихъ либеральныхъ насажденій безпощадно терзать землю деспотическимъ заступомъ и лопатой ⁽¹⁾.» Такимъ образомъ совершенно справедливо мы замѣтили, что литература наша, выигравъ относительно богатства и разнообразія, по прежнему занимается вопросами непрактическими, отвлеченными, не своими, и свои рѣшаетъ, какъ диктуютъ ей западные экономисты, философы и публицисты. Единственно, что она успѣла выиграть въ этомъ случаѣ, это то, что она наконецъ понимаетъ, что рабствуетъ, что ея вѣщанія широкія и диктаторскія, волнуя лихорадочно умы, не ведутъ ни къ чему доброму. Но отъ сознанія нецѣпости до исправленія еще очень длинный путь; и этотъ путь еще особенно длиненъ для тѣхъ сторонъ рабства, ко-

---

(1) День № 11.

торыя касаются болѣе внутреннихъ сторонъ жизни, касаются нравственнаго міросозерцанія ; здѣсь рабство долго можетъ продолжаться, не давая даже знать о себѣ, долго еще могутъ лелѣяться теоріи и доктринерски предлагаться прежде, чѣмъ онѣ заявятъ свою неприложимость и свой вредъ. Акціонерныя компаніи разныхъ родовъ, введенныя по указанію литературы и открывшія свою дѣятельность подъ ея хвалебно-торжественный хоръ, успѣли уже показать, на сколько онѣ приложимы и полезны въ русской землѣ, потому что это дѣло слишкомъ внѣшнее и скоро можетъ проявить свою несостоятельность. Не такова судьба философскихъ теорій; онѣ долго могутъ проповѣдываться и выдаваться литературою, какъ непреложныя, годныя для всѣхъ странъ и народовъ, системы міровоззрѣнія и нравственной дѣятельности, которыхъ истинность придаетъ уже имъ обязательность, которыхъ непринятіе означаетъ невѣжество не принимающихъ, которыя, говоря языкомъ современной литературы, суть «послѣднія слова науки», — прежде, чѣмъ жизнь заявитъ свои права и ложность этихъ истинныхъ теорій. Мы уже слишкомъ близко подошли опять къ основному предмету своихъ разсужденій, удалившись отъ него по необходимости для большаго разъясненія дѣла. Наша литература со всѣмъ усердіемъ переноситъ политическія, социалистическія, отвлеченно — философскія теоріи, историческія, геологическія, и на бѣду въ каждой почти теоріи видитъ стороны, принятіе которыхъ должно ставить ее, можетъ быть, больше, чѣмъ къ другимъ сословіямъ, въ оппозицію сословію духовному и проповѣдуемому имъ ученію. Отдаваясь беззавѣтно западной наукѣ, какъ не

отдаются сами западные писатели и читатели, — о цѣлыхъ народахъ уже и не говоримъ, — наши публицисты и журналисты нѣтъ-нѣтъ да и прихватятъ сторонной или прямо въ лобъ духовенство и христіанскія вѣрованія. Они не ждутъ, что теоріи могутъ оказаться ложными, а противное имъ ученіе вѣры истиннымъ; безотчетно вѣруя сами и на вѣру принимая слова своихъ учителей, они вооружаются противъ всякой вѣры религіозной. «Вся эта теологія — вздоръ, говорятъ они, порожденіе невѣжества, — а проповѣдывающая ее каста — это настоящее *«темное царство»*. Мы естествоиспытатели, мы проповѣдуемъ послѣднія слова западной науки, а противники наши мраколюбцы, дармоѣды, и для насъ и для блага Россіи, о которомъ болѣютъ наши сердца день и ночь, это самые опасные, потому что крѣпко организованные противники. Они, правда, молчатъ, когда мы даже Бога отвергаемъ и человѣческую душу, — народъ, значить, смиренный, — они даже надѣются въ нѣкоторыхъ изданіяхъ примирить насъ съ собой, т. е. безбожіе съ христіанскими вѣрованіями, доктринами, основанныя на эгоизмѣ, съ евангельскимъ ученіемъ о самоотверженіи и любви, — что же, пусть занимаются этимъ *полезнымъ* дѣломъ, успѣхъ будетъ, конечно, таковой же, какой имѣли искатели философскаго камня. Но все-таки эта сила страшна, это молчаніе едва ли не знакъ молчаливаго упорства, съ какимъ держится это сословіе своихъ стародавнихъ вѣрованій, да еще омрачаетъ ими народъ, закрывая отъ него всѣ лучи научныхъ рѣшеній, безъ устали проводимыхъ нами въ русской народъ для его блага. Это самая ненавистная каста съ самымъ антипрогрессивнымъ ученіемъ о какомъ-то воз-

рожденіи, о какомъ-то *грѣхопаденіи*, о какомъ-то *пре-
вращеніи чувствекмой природы въ духовную*, которая при-
томъ ставитъ человѣка въ *ближайшее отношеніе къ Богу*;
какъ своему первообразу, проповѣдуетъ *служеніе Промыс-
лу и любви еще*. Послѣднія слова европейской науки не
таковы». А пожалуй, гг. литераторы, что и таковы,
только европейскую мысль не нужно опредѣлять по тѣмъ
книжкамъ, которыя вамъ случилось приобрести и про-
читать, чтобы потомъ безусловно подчиниться ихъ воз-
зрѣніямъ, а если брать даже европейскую литературу
во всей ея сложности, и не мѣрять ее тѣми наркотиче-
скими, словесными произведеніями, которыми тамошніе
писатели пробуюгъ возбуждать притупленный вкусъ пуб-
лики. Мы укажемъ примѣръ. Вотъ напр., въ русскомъ
журналѣ читаешь восторженные похвалы «Исторіи ан-
глійской цивилизаціи» Боккля; подумаешь, что это по-
слѣднее слово западной европейской исторической на-
уки, что противъ Боккля даже не протестовалъ тамъ
никто; а посмотрѣли бы хоть въ тѣ же англійскіе жур-
налы, напр. въ Единбургское Обозрѣніе, одинъ изъ луч-
шихъ, умѣренно-либеральныхъ англійскихъ журналовъ,
и вы увидѣли бы, что Англія далеко не такъ востор-
женно относится къ произведенію Боккля, какъ отнес-
лись наши русскіе журналисты потому только, что онъ
излагаетъ исторію цивилизаціи съ самой модной для насъ
русскихъ—положительной точки зрѣнія и подобно рус-
скимъ презрительно говоритъ о вѣрѣ Христовой и о
духовенствѣ, что тамъ противъ этого *последняго слова*
исторической науки раздалось еще болѣе *последнія сло-
ва*, что тамъ нашъ авторитетъ изобличается и въ од-
носторонности, и въ искаженіи историческихъ фактовъ,

и во многих других грѣхахъ и заблужденіяхъ противъ науки и истины. Много раздавалось въ мірѣ подобныхъ послѣднихъ словъ науки; когда-то была послѣднимъ словомъ философія Канта, когда-то была философія Шеллинга, потомъ долгое время считалась философія Гегеля, а Куно Фишеръ (¹) и до сей поры считается ее послѣдней, самой полной философской системой; потомъ вошла въ моду положительная, или материалистическая философія Бюхнера и Шопенгауера; и если бы на основаніи каждой изъ этихъ философій люди, считавшіе ихъ истинными, также рабски относились къ нимъ и деспотически къ другимъ и къ явленіямъ дѣйствительности, то наступила бы въ самой философіи пора застоя, а жизнь и ея формы приходилось бы ломать при каждомъ такомъ новомъ послѣднемъ словѣ. Жизнь потому она и жизнь, что въ ней одно смѣняется другимъ не потому, чтобы первое было безусловно ложно, а послѣднее безусловно истинно; а потому, что послѣднее показываетъ недостаточность, или фальшу въ первомъ,—какъ въ свою очередь и въ немъ самомъ окажется фальша и ложь при послѣдующемъ поворотѣ жизни или сознанія: одно Евангеліе, одна святая Церковь пребываютъ среди круговорота земной жизни неподвижными, неизмѣнными съ кодексомъ истинъ—вѣчныхъ, не старѣющихъ, которымъ самыя страшныя уклоненія человеческого разума или воли лишь придаютъ новый блескъ, новую силу и новое торжество. «Въ этомъ отношеніи мнѣ представляется», пишетъ Самаринъ, кото-

---

(¹) Три вступительныя лекціи изъ Исторіи Новой Философіи. Переводъ Соляникова. С. П. Б. 1861 г. стр. 3.

раго за его статью: *О Матеріализмъ*, такъ осмѣяли нѣкоторые русскіе журналы, — «въ будущемъ огромная польза отъ строго послѣдовательнаго матеріализма. Я уже не говорю о томъ, что онъ призванъ покончить со всѣми попытками на чемъ нибудь утвердить идею нравственности (понятіе долга, чувство человѣческаго достоинства и т. под.) внѣ православія (разумѣя подъ этимъ словомъ не одну доктрину, но Церковь, какъ живой организмъ), что противъ него не устоитъ ни безцвѣтный, безкостный, дряблый гуманизмъ, ни социализмъ со всѣми его бреднями и полуистинами, но для нашего положительнаго, религіознаго сознанія онъ, мнѣ кажется, имѣетъ особенную важность. Матеріализмъ—это острая кислота, которая обмоетъ тусклый ликъ православія и возвратитъ ему блескъ и чистоту» (¹). Мы русскіе въ короткую пору столько переѣли западныхъ философскихъ, историческихъ и всяческихъ теорій, сколько китайцы не переѣли англійскаго опіума, и быть можетъ болѣзненно расположены уже время отъ времени перемѣнять теоретиковъ для возбужденія и усиливать приемы, чтобы не было скучно. Матеріалистическая философская система, безспорно нравящаяся больше всѣхъ другихъ русскому юношеству, одна изъ самыхъ наркотическихъ одуряющихъ теорій. Мудрено ли, что за ней бѣгаетъ наше скучающее, современное образованное, особенно молодое, общество?

Надѣмся, что мы довольно уяснили возникновеніе, переходныя степени, и настоящее возбужденное состояніе презрѣнія образованныхъ классовъ общества къ

(¹) День № 2.

духовенству, показавъ, какъ сперва изъ-за парковъ, да изъ-за кафтановъ, потомъ изъ-за французскихъ энциклопедистовъ, потомъ изъ-за нашей невольной бѣдности и нищеты съ ихъ послѣдствіями, потомъ изъ-за разныхъ иноземныхъ теорій и воззрѣній, и наконецъ изъ-за общепринятой почти матеріалистической философіи насъ презирали, насъ бѣгали, насъ наконецъ стали ненавидѣть. Послѣдняя причина еще слишкомъ близка къ намъ, чтобы не остановиться на ней нѣсколько долѣе. Философія эта также нова, какъ нова знаменитая поэма Лукреція, и ея эпиграфомъ можетъ быть стихъ этого эпикурейца: *arctis Relligionum animos podis exsolvere pergo* (*). Она не слишкомъ-то много льститъ человѣческой гордости—въ нашъ гордый самолюбивый вѣкъ, чтобы этою стороною завлекать умы общества. Принимая ее, вы должны отказаться отъ того, что ваша жизнь есть художественная драма, слагающаяся изъ взаимодействія верховной правящей силы и личной вашей свободы, что вы — живое средоточіе, къ которому извѣстнымъ образомъ относится все окружающее, надобно вычеркнуть понятіе добра и зла, предназначенія и долга, совершенствованія и упадка, оставить всѣ привычки, которыя только въ этихъ понятіяхъ и находятъ себѣ оправданіе, на примѣръ—допрашивать свою совѣсть, судить себя и другихъ, вообще порицать и хвалить что бы то ни было;... не очевидно ли, что въ этомъ *свѣтломъ царствѣ* новой науки или положительности вы должны были бы немедленно задохнуться; въ немъ нѣтъ возможности ни думать, ни дѣй-

---

(*) «Я иду освободить души отъ тѣсныхъ цѣпей релігіозныхъ».

ствовать, ни чувствовать, ни говорить по человѣчески. Какъ же объяснить себѣ то явленіе, что такая безотрадная философема находитъ себѣ и самоотверженныхъ проповѣдниковъ, и честныхъ ратоборцевъ, что ей слѣдуетъ большинство, чѣмъ объяснить ея громадныя успѣхи? Подобный же вопросъ задавалъ себѣ г. Самаринъ, и отвѣтъ его на него — отвѣтъ не полный, но очень меткій. Вотъ онъ: «мнѣ кажется, что вся сила матеріализма не въ немъ, а внѣ его, въ томъ, что онъ отвергаетъ; онъ силенъ воздѣйствіемъ на него отрицаемой силы. Эта зависимость утверждаемаго отъ отрицаемаго ясно и наглядно выражается въ приемахъ матеріалистовъ, въ ихъ тонѣ и во всемъ ихъ личномъ образѣ. Вы чувствуете, что все ихъ одушевленіе, весь пафосъ ихъ, вся сила и увлекательность ихъ есть одушевленіе, пафосъ, сила и увлекательность борьбы. Они потому только не падаютъ, что обѣими руками обхватили своего врага, впились въ него когтями и запустили въ него зубы; не будь его, они не въ состояніи были бы удержаться на ногахъ. Все, что въ нихъ есть сочувствующаго, жгучаго и обаятельнаго, есть только блескъ того солнца, противъ котораго они вопіютъ, какъ дикари верховьевъ Нила. Но это послѣдніе лучи свѣтила для нихъ заходящаго. Скоро будетъ темно и холодно, скоро все замретъ, посохнетъ и съжигется. Прослѣдите вліяніе ученія въ живыхъ образахъ преемственно развивающихъ его поколѣній, и вы согласитесь со мною. Возьмите для примѣра хоть нашу Москву. У насъ еще въ свѣжей памяти типы старшихъ учителей Г. и Б; отъ нихъ пошли N и N, а вѣдь ужъ послѣдніе выродились въ такихъ, на которыхъ сами учи-

тели смотрять теперь съ тоскливымъ изумленіемъ—смотреть и видять, яко се не добро. Скажите, когда же это кончится? Близка ли реакція; или надобно ожидать еще худшаго? Вотъ что тяжело и грустно. Ученіе развивается своимъ порядкомъ, по своимъ законамъ, но люди изнашиваются и портятся; пропадаетъ безвозвратно кровь и мозгъ цѣлыхъ поколѣній. По поводу чужихъ, я невольно вспомнилъ о своихъ. Возьмите Бюхнера и N N, забудьте, что за первымъ есть богатая, ученая подготовка, а второй неучъ, проповѣдующій въ невѣжественномъ обществѣ, у обоихъ одна общая черта. Главное побужденіе, главная двигательная пружина ихъ дѣятельности—это наслажденіе тою нестерпимою досадою, которую они въ силахъ причинять казеннымъ законоучителямъ, педагогамъ, блюстителямъ всякаго рода благоустройства и т. п. Сами они ничего не любятъ, или лучше любятъ свою мысль, какъ палку, которою можно больно бить другихъ, любятъ въ ней ту безсильную злобу, которую она противъ себя возбуждаетъ. Это свойство мелкихъ и жиденькихъ, почему-либо прокисшихъ натуръ. Книга Бюхнера вызвала ропотъ досады и негодованія. Въ этомъ ропотѣ значительная доля страха. Нѣмецкіе Theologen, Schulgelehrten переглянулись съ безпокойствомъ: того и гляди, каѣдра, паства, акциденціи, Богъ, совѣсть, добро и зло, кормленіе, затвержденные учебники, все это вывалится у нихъ изъ рукъ и разлетится въ дребезги. И страшно, и досадно до нельзя. А ему только это и нужно: тутъ-то онъ и торжествуетъ. Онъ прислушивается къ оглушительному ропоту и какая-то сладострастная дрожь пробѣгаетъ по всѣмъ его жиламъ. Но вотъ онъ собрался говорить, послушайте: «Такъ

вотъ что, добрые люди! Вы спрашиваете: куда же дѣваться съ вашимъ Богомъ, съ вашею совѣстію, съ вашею нравственною свободою, съ откровеніемъ, и т. п. Вы спрашиваете: нельзя ли всей этой ветоши отвести хоть какой нибудь уголокъ въ безконечномъ Reich der Natur. Такъ знайте же, друзья мои: нѣтъ этому мѣста нигдѣ, все занято червями, инфузоріями и мокрицами; да по правдѣ сказать, съ чего вы и взяли, что дѣло науки гладить васъ по шерсти, да потакать вашимъ бреднямъ, да усыплять васъ дѣтскими сказками? Скучно вамъ, тяжело, больно, душа рвется на части... Ага! Намъ то и любо!» Вотъ его отвѣтъ на отзывы о его книгѣ, и въ этихъ строкахъ онъ вылился весь, обнаружилась до послѣднихъ изгибовъ эта эгоистическая натура. Какъ все это намъ знакомо! Кажется, читаешь нѣмецкую книгу, а точно писано по нашему, по русски... ('). Изъ этого, довольно длиннаго отрывка, приведеннаго нами, читатели могутъ видѣть, что г. Самаринъ производитъ торжество матеріализма изъ силы спиритуализма, отвергаемаго имъ, изъ досады и ропота, какіе онъ возбуждаетъ въ людяхъ солидныхъ и занимающихъ тѣ или другія должности, основанныя на спиритуалистическихъ воззрѣніяхъ. Едва ли здѣсь все сказано, что можно сказать въ объясненіе этого явленія. Вообще производить то или другое историческое направленіе изъ одной причины—дѣло остроумное, но едва ли справедливое; всякое крупное явленіе, въ томъ числѣ и торжество матеріализма, имѣетъ слишкомъ сложныя причины, изъ которыхъ каждая въ извѣстной мѣрѣ

(') День № 2.

участвовала въ произведеніи его. «Христіанское Чтеніе» высказало справедливый взглядъ на ходъ и повороты западно-европейской жизни ⁽¹⁾. Не повторяя того, что сказано этимъ журналомъ, мы скажемъ только, что сначала XVI вѣка жизнь западнаго христіанскаго міра слѣдовала преимущественно реальному направленію, улучшенію удобствъ частной, семейной, общественной, политической, международной, вообще внѣшней жизни, что жизнь, значить, уже раньше носила сама въ себѣ сѣмена этой теоріи, которая служитъ лишь ея сознаніемъ и освященіемъ; положительность теоріи вызвана была положительностію западнаго развитія, такъ что умы встрѣтили ее, какъ нѣчто родное. Ребяческій развратъ двора Людовиковъ XIV и XV и регентовъ еще ранѣе самой жизни отвергалъ всякіе нравственные принципы, которые потомъ въ *Systeme de la Nature* отвергнуты были неизвѣстнымъ ея составителемъ теоретически, или что потомъ философски отвергали д'Аламберъ, Дидро и застольная дружина барона Гольбаха. Точно также реальное, но уже болѣе сознательное направленіе XIX вѣка съ своими уже организованными, болѣе широкими улучшеніями государственными, частными, въ торговлѣ, въ промышленности, въ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ—произвело и дало торжество теоріи философскаго реализма. И какъ всякое направленіе начинаетъ уже переставать въ жизни, какъ скоро оно сознается философскимъ манеромъ и возводится въ теорію; такъ точно будетъ, надѣмся, и съ философіей

---

(1) См. статью: «Въ воспоминаніе 19 февраля». Христ. Чт. 1861 г. Май.

материалистической. Мы—русские, при перенятіи съ запада образованія, взяли именно его реальную сторону; мы заимствовали усовершенствованія военныя, административныя, торговыя, промышленныя, усовершенствованія въ увеселеніяхъ и удовольствіяхъ, удобства жизни и предметы роскоши. Наше образованное общество раньше еще сдѣлалось материалистическимъ, положительнымъ: мудрено ли, что теорія положительно-сти, реализма нашла отзывъ въ сердцахъ его. Она освящаетъ и возводитъ въ систему тѣ правила жизни, которымъ слѣдовали мы доселѣ, а это не можетъ не быть пріятно для принимающихъ теорію, хотя можетъ быть опасно для самихъ правилъ; потому что въ тиши—подъ рукой можно еще слѣдовать этимъ правиламъ, но приведенныя въ систему они имѣютъ очень неуклюжій видъ, какой получили, по суду Шлоссера ⁽¹⁾, правила

⁽¹⁾ Шлоссеръ во 2 томѣ исторіи XVIII столѣтія пишетъ о «Системѣ Природы» слѣдующее: «достоверно, что это сухое сокращеніе мрачной доктрины, мертвящей фантазію и чувство, издано было Гольбахомъ и его друзьями. Книга эта явилась въ 1770 г. и своимъ успѣхомъ обязана преимущественно оппозиціонному духу и прелести, какую имѣетъ для толпы все тайное и запрещенное; написана же она вяло и дурно. Въ сущности Система Природы только возводитъ въ теорію безнравственныя ученія и правила, которыя съ самаго основанія міра господствовали въ богатыхъ, знатныхъ и веселыхъ кругахъ. Издавъ ее, эти люди, которые осмѣивали весь свѣтъ, сдѣлались сами смѣшны. Известно, что правила, которыхъ держится каждый въ свѣтѣ, которыхъ и нынѣ инстинктивно прилагаются къ жизни, каждый по возможности старается прикрыть одеждой софистики и ужасается, когда тѣ же самыя правила высказываются въ трактирахъ или въ обществахъ знатныхъ гулякъ. Эти умные люди поступили очень нерасчетливо, составивъ систему правилъ, которыхъ держится всякій: правила эти въ системѣ имѣютъ очень неуклюжій видъ и сами разрушаютъ себя. Въ этой книгѣ, опровергающей саму себя, совершенно отвергается и провозглашается обольщеніемъ—всякій спиритуализмъ и идеализмъ. Природа въ ней—машина; нравственность—предрассудокъ, привычка или инстинктъ».

Французской аристократіи, когда *Система Природы* возвела ихъ въ философскую теорію. Здѣсь уже видны стали и пошлость и односторонность правилъ,—и непослѣдовательность теоретиковъ: вотъ почему возведеніе какого нибудь направленія жизненнаго въ философскую законченную теорію есть уже граница его развитію и поворотъ къ другому направленію. Это одно прибавленіе къ объясненію торжества матеріалистической философіи на западѣ и у насъ. Другое,—что также нѣсколько объясняетъ успѣхъ матеріалистовъ,—это ихъ непослѣдовательность. Они не прочь отъ принятія и проповѣданія высокихъ нравственныхъ правилъ, хотя эти послѣднія не вытекаютъ изъ ихъ теоріи; не прочь, на примѣръ, говорить объ эмансипаціи негровъ, женщинъ, о гражданской свободѣ, о правахъ личности,—о правилахъ, уничтожаемыхъ ихъ теоріею, но принимаемыхъ ими потому, что правила эти имѣютъ современный интересъ ⁽¹⁾. Такъ поступалъ нѣкогда и Вольтеръ, нападъ

---

(1) Въ какой мѣрѣ эти ученія не вжуются съ послѣдовательнымъ матеріализмомъ, это очень мѣтко объясняетъ Самаринъ въ указанной уже нами статьѣ. «Только при двухъ условіяхъ», пишетъ онъ, «матеріалистическое направленіе можетъ быть дѣйствительно опасно: при грубомъ на него гоненіи и при слабости въ обличеніи его непослѣдовательностей. Этихъ непослѣдовательностей и теперь ужъ не обещаться. Разверните любую книжку любого изъ модныхъ журналовъ. Одинъ и тотъ же борзописецъ, на одной и той же страницѣ, объявитъ вамъ, что такъ называемый духъ и матерія одно и то же, что мы употребляемъ слово духъ для обозначенія тѣхъ явленій, обусловленныхъ законами вѣщественной необходимости, которыхъ мы еще окончательно не успѣли изслѣдовать всѣми и вѣброу, и онъ же приходитъ въ негодованіе при одной мысли о тѣлесныхъ наказаніяхъ; другой скажетъ вамъ, что у женщины меньше мозга, чѣмъ у мужчины, и вслѣдъ за тѣмъ впишется въ ряды поборниковъ равноправности прекраснаго пола и его эмансипаціи; третьему положительно извѣстно, что между обезьяною и негромъ существуетъ только количественная,

давший на догматическую сторону христіанства и восхитавшіеся нравственными правилами его. Особенное господство этой безотрадной философіи между молодежью—и заграничной и нашей—объясняется именно этимъ приравненіемъ ея проповѣдниковъ къ современному вкусу, къ моднымъ современнымъ вопросамъ, къ «либерализму» (1). Кроме того воображеніе у молодости такъ живо, здоровье такъ свѣжо, и эти два преимущества юношескаго возраста способны накинуть поэтическій покровъ на мертвый скелетъ; а разсудокъ между тѣмъ такъ слабъ еще, и не привыкъ къ серьезному, послѣдовательному разбору чужихъ мнѣній и можетъ остановиться на полдорогѣ, не выведши всѣхъ слѣдствій изъ теоріи и не замѣтивъ противорѣчій въ ней, что юноша можетъ считать лишь то принадлежащимъ

а не качественная разница, что обезьяна гораздо ближе къ негру, чѣмъ негръ къ англо-саксонцу, и онъ же, разумѣется, отъ всей души проклинаетъ рабство в южные штаты и т. д. и т. д... Единственный во всемъ мірѣ послѣдовательный и стройный матеріалистъ—это безсловесное животное.»

(1) Шлоссеръ именно этимъ объясняетъ успѣхъ сочиненій Ла-Метри, де'Прада, д'Аргу, д'Аржана, Эльвесиуса и другихъ энциклопедистовъ XVIII вѣка. Объ Эльвесиусѣ онъ пишетъ, напримѣръ, слѣдующее: «для насъ еще понятно, что парижское общество весельчаковъ, утопавшихъ въ чувственныхъ наслажденіяхъ у барона Гольбаха, могло издавать подобныя книги; но печальной чертой этой эпохи надобно признать то, что человѣкъ съ характеромъ Эльвесиуса, человѣкъ добрый и щедрый, могъ искать и найти удовлетвореніе своему самолюбію въ книгѣ «*O Dugle*»—въ этой системѣ эгоизма. Чтобы объяснить себѣ это, надобно припомнить, что тогда считалось благороднымъ дѣломъ—выказывать свободный образъ мыслей среди всеобщаго раболѣпства,—независимость духа среди всеобщаго рабства,—дерзость среди всеобщаго лицемерія. Тогда считалось дѣломъ достойнымъ благороднаго человѣка, при всякомъ случаѣ, осмѣивать систему, насильственно поддерживаемую полиціей и безчеловѣчными судами, школами, правитель-

къ этой теоріи, что высказано, хотя бы многое и было намѣренно скрыто, а другое насильственно приставлено къ ней. Но когда блеснетъ сѣдина въ волосахъ и вѣки сморщась почернѣютъ у этихъ юношей, когда воображеніе поослабѣтъ и не будетъ способно разукрасить безобразнаго, когда разсудокъ наконецъ терпѣливо доберется до послѣднихъ заключеній, подразумеваемыхъ этою теоріей; вотъ тогда обыкновенно и у насъ и за границей наступаетъ пора тоски, пора сознанія, въ какой мѣрѣ отравляетъ эта теорія лучшія и самыя живучія силы въ человѣкѣ, тогда либералы и материалисты становятся людьми степенными, благочестивыми, бесѣдамъ съ Вольтеромъ или съ Бюхнеромъ или книжкамъ модныхъ журналовъ предпочитаютъ домашнюю бесѣду съ людьми благочестивыми или полуофициальную бесѣду съ священникомъ. Поворотъ бы-

---

ствомъ, духовенствомъ, записными учеными и хитрыми софистами. Эльвесіусъ, какъ свѣтскій человѣкъ, хотѣлъ пріобрѣсти славу въ свѣтѣ, и мы не будемъ удивляться тому, что онъ достигъ ее своею сухою и грустною книгою—«О Духѣ». Всѣ нѣмецкіе князья, имѣвшіе притязанія на образованность, русскіе вельможи, всѣ прославившіеся на войнѣ пруссаки, шведская королева сдѣлали сочиненіе Эльвесіуса своей настольной книгой. Итальянцы были въ восторгѣ отъ книги: въ Германіи одновременно вышло два изданія ея. Книга правилась всѣмъ единственно своимъ содержаніемъ, потому что изложеніе ея чрезвычайно сухо. Вся она проповѣдуетъ материализмъ—самый крайній. По отношенію къ нравамъ того времени, она съ одной стороны раскрываетъ всю испорченность и безнравственность великосвѣтскихъ кружковъ, среди которыхъ обращался авторъ, а съ другой показываетъ среди испорченности истинную любовь къ людямъ и живое умственное движеніе во всѣхъ лучшихъ людяхъ тогдашняго времени, показываетъ энтузіазмъ къ прогрессу человѣчества, одушевлявшій поколѣніе, для котораго писались подобныя книги». Эта длинная выдержка, кромѣ торжества материализма, многое и другое можетъ объяснить въ нашей общественной и литературной жизни.....

васть крутъ, и потому не всегда искренень и твердъ. Тогда-то нерѣдко образуются старики-ханжи, благочестивые по виѣшности и мало вѣрующіе внутренно, потому что тайныя силы души уже отравлены. Избави насъ Богъ отъ этихъ ханжей, хотя годовъ черезъ 30, когда лѣта, недуги и житейскія невзгоды произведутъ надлежащія превращенія въ убѣжденіяхъ современнаго молодого поколѣнія, ихъ будетъ не мало у насъ. Это еще одно прибавленіе къ объясненію г. Самарина. Наконецъ не можемъ вслѣдъ за Хомяковымъ не прибавить въ заключеніе, что въ послѣднее время наша литература, такъ усердно проводящая матеріалистическія теоріи, приняла нѣсколько коммерческой, ремесленной характеръ. Люди проповѣдуютъ безотрадную философію, издѣваются надъ самыми святыми вѣрованіями и убѣжденіями, вооружаются противъ духовенства, каррикатурятъ все не потому, чтобы ихъ убѣжденія были таковы, по крайней мѣрѣ тогда, когда они начали литературную свою дѣятельность, а потому, что на это мода, что разсчетливый редакторъ приказываетъ или проситъ (что одно и тоже для лицъ, изъ печатнаго слова сдѣлавшихъ промыселъ, дающій средства къ жизни) коснуться дѣла съ самой модной стороны и какъ можно покраснорѣчивѣе и посильнѣе, потому что редакціи стали тѣми же модными магазинами, которые пришлось бы закрыть, если бы въ нихъ производить хотъ очень теплыя и удобныя платья, но не имѣющія интереса новости и не бросающіяся въ глаза особенною яркостію красокъ или особеннымъ оригинальнымъ покроємъ. По крайней мѣрѣ на такія мысли навелъ насъ г. Піотровскій, недостаточно знающій православное духовенство, его бытъ и его подвиги на

пользу народную, чтобы судить объ немъ, и между тѣмъ, согласно съ современнымъ вкусомъ, съ пренебреженіемъ и злобной ненавистью отнесійся къ нему.

Защищая духовенство, мы, какъ нельзя больше, далеки отъ признанія въ немъ темныхъ явленій; или отъ признанія за обществомъ или литературою права судить о немъ и его дѣлахъ. Духовенство, какъ и всѣ другія сословія государства, должно подлежать общественному и печатному суду; оно даже нуждается въ этомъ судѣ,—можетъ быть болѣе, чѣмъ другія сословія, сообразно большей важности тѣхъ великихъ интересовъ народа, которые находятся подъ его смотрѣніемъ; въ этомъ общественномъ судѣ оно можетъ найти для себя поощреніе, возбужденіе, совѣты, внушенія, можетъ найти энергію и для усиленія добра въ себѣ и для искорененія зла въ своей средѣ и въ другихъ. Но чтобы судъ былъ честенъ и чуждъ предубѣжденій, для этого необходимо историческое знакомство съ судьбами духовенства, знаніе его положенія, его матеріальныхъ средствъ, знакомство съ совершенствами и недостатками его воспитанія, съ его устройствомъ, для этого наконецъ необходимо не пропускать намѣренно или по невниманію его послѣднихъ усилій на пользу бѣднаго сельскаго населенія Россіи. Писанье о духовенствѣ по слухамъ, безъ изученія его, можетъ противъ воли повести писателя къ клеветамъ на него и сочиненію нелѣпостей, къ карикатурному описанію его устройства, его поведенія, въ которомъ оно, какъ на примѣръ въ статьѣ Піотровскаго, не узнаетъ себя и которое потому совершенно бесплодно пройдетъ для него, возбудивъ лишь неправильное воззрѣніе на него въ лицахъ—тоже мало знакомыхъ съ нимъ.

Сказавши, что для вѣрнаго сужденія о духовенствѣ и для избѣжанія осужденія его необходимо историческое знакомство съ его судьбами, мы не намѣрены, однакожь, въ настоящей статьѣ подробно касаться историческихъ услугъ его цивилизаціи Россіи; это потребовало бы больше мѣста для себя, чѣмъ сколько можемъ удѣлить въ настоящей статьѣ. Все, что мы намѣрены сдѣлать, это будетъ самый бѣглый очеркъ того значенія, которое оно въ разныя времена занимало въ общественномъ развитіи отечества. Но здѣсь мы гораздо полезнѣе считаемъ говорить не своими, а словами извѣстнаго нашего историка. «Общество можетъ существовать только при условіи жертвы, когда члены его сознаютъ обязанность жертвовать своимъ частнымъ интересомъ обществу. Первоначальное, естественное общество человѣческое—семейство—уже основано на жертвѣ: отецъ и мать перестаютъ жить для себя и живутъ для существъ отъ нихъ рожденныхъ. Общество тѣмъ сильнѣе, чѣмъ члены общества яснѣе сознаютъ, что основа общества есть жертва. Греція была наверху своего могущества, когда за нее умиралъ Леонидъ; Римъ, когда за него умиралъ Децій. Но если основа общества есть жертва, если общество тѣмъ крѣпче, чѣмъ яснѣе сознаетъ эту основу, то понятно, какъ могущественно должна была въ средніе вѣка содѣйствовать укрѣпленію обществъ новоевропейскихъ христіанская религія, проповѣдующая Великую Жертву, принесенную за міръ. Менѣе, чѣмъ по прошествіи 150 л. послѣ основанія русскаго государства, религія христіанская провозглашена была господствующею на Руси, и легко замѣтить, какъ эта религія въ трудныя времена государ-

ственного младенчества поддерживала русское общество въ его основѣ. Юный народъ, при сильномъ кипѣніи страстей, при отсутствіи тѣхъ сдержекъ, которыя могутъ выработаться обществомъ только послѣ долгой государственной жизни, юный народъ часто увлекался къ нарушенію нравственныхъ законовъ; но та же самая сила молодости, которая съ неудержимою силою влекла къ паденію, помогала человѣку встать послѣ паденія и загладить дурныя дѣла подвигомъ покаянія. Какъ сильны были нравственные безпорядки, какъ часты были насилія, такъ же сильны и велики были нравственные подвиги лучшихъ людей, такъ же сильна была борьба ихъ со страстями, съ требованіями матеріальной природы, такъ же велики были лишенія, которымъ они подвергали себя во имя природы нравственной. На встрѣчу богатырю, гордому своей вещественной силой, выходилъ другой богатырь, ополченный нравственной силой, величіемъ нравственного подвига, славою торжества духа надъ плотію, выходилъ монахъ, и въ борьбѣ этихъ двухъ богатырей юное общество было на сторонѣ втораго, потому что хорошо понимало, что его подвигъ выше, труднѣе, и этимъ сочувствіемъ заставляло перваго богатыря признавать себя побѣжденнымъ, снимать съ себя свой желѣзный панцырь и просить для себя другаго—мантіи монашеской... Въ монастыри сбывала Европа среднихъ вѣковъ избытокъ безпокойныхъ, неугомонныхъ силъ. Таково же (между прочимъ) было общественное значеніе и нашего древняго монашества, нашего древняго монастыря. Подлѣ городовъ и острожковъ, строившихся для защиты матеріальной, мы видимъ рядъ монастырей,

этихъ твердынь, явившихся для нравственной охраны общества; то были свѣтлыя точки при тогдашнемъ мракѣ; къ нимъ обращались лучшіе люди за совѣтомъ, за подкрѣпленіемъ нравственнымъ. Отсюда преимущественно исходили голоса, напоминавшіе о высшихъ духовныхъ началахъ, которыми должно спастись общество, отсюда исходило нравственное назиданіе, не словомъ только, но и дѣломъ, слѣдовательно болѣе дѣйствительное, болѣе благотворное. И общество древле—русское спасалось тѣмъ, что внимало этой проповѣди... И на востокѣ и на западѣ общество поддерживалось тѣмъ, что члены его имѣли способность, имѣли силу быстро переходить отъ зла къ добру, сохраняли при этомъ силу не мириться съ зломъ, сохраняли способность покаянія—признакъ нравственнаго могущества, залогъ преуспѣянія; общество поддерживалось тѣмъ, что силы нравственныя и матеріальныя уравнивались, что противъ сильной болѣзни выставлялось и сильное лекарство, подлѣ рыцаря или богатыря, представителя силы матеріальной, общество могло выставить монаха, представителя силы нравственной, подвижника духовнаго..... Не странно послѣ этого, что въ первыхъ рядахъ русскаго войска на Куликовомъ полѣ мы различаемъ двухъ монаховъ».... Таковы сужденія спеціалиста (¹) о вліяніи вѣры Христовой и ея служителей на общественный бытъ древней Россіи. Нравственный элементъ, связывавшій и скрѣплявшій общественный союзъ древней Россіи,—вотъ первое, что внесла вѣра Христова въ юную Россію, и вотъ самая внутренняя, самая прочная услуга, оказанная

(¹) С. Соловьева.

проповѣдниками вѣры и служителями церкви дѣлу отечественной цивилизаціи. Но это слишкомъ ужъ глубокое и слишкомъ внутреннее пониманіе цивилизаторской дѣятельности отечественнаго духовенства. Взглянемъ на это дѣло попроще и попонятнѣе для нашихъ читателей.

Россія современная относительно древней Россіи не то, что нынѣшняя Шотландія относительно Шотландіи XIII или XIV в. Если милліона три русскаго народонаселенія, вслѣдствіе особенныхъ условій жизни своей, созданныхъ реформой Петра, ушли далеко отъ своихъ прежнихъ обычаевъ, то остальная, многочисленнѣйшая часть русскаго народа едва ли значительно разнится отъ своихъ древнихъ предковъ, такъ что мѣсто, какое занимало отечественное духовенство въ древнюю эпоху русской жизни, въ существѣ дѣла остается тѣмъ же доселѣ. Было время, когда единственно-грамотное сословіе было духовенство, когда единственная литература была духовная, когда все, что доставляетъ народу знаніе, выходило отъ духовенства, когда ни гимназій, ни университетовъ и вообще свѣтскихъ училищъ не существовало, и когда единственными распространителями грамотности были монастыри или школы при архіерейскихъ домахъ. Тогда самую организованною отраслю управленія русскаго была отрасль администраціи церковной. «Во всѣхъ епархіяхъ удѣльно-вѣчевой Россіи», — мы приводимъ слова другаго русскаго ученаго, — «было значительное количество монастырей; многіе изъ нихъ владѣли богатствами, нѣкоторые славились своею ученостію и чистотою жизни спасавшихся въ нихъ иноковъ. Духовенство древней до-Монгольской Руси имѣло значеніе политическое, оно вмѣшивалось въ качествѣ

миротворца въ уособицы, опираясь въ своихъ дѣйствіяхъ на свѣтскую власть; всячески старалось поддержать ее; наконецъ, представляя собою твердое цѣлое, значительно содѣйствовало соединенію разрозненныхъ племенъ въ одну народность. Замѣтимъ также, что древнѣйшая наша церковь была въ свое время единственнымъ проводникомъ просвѣщенія.... Обучение сосредоточивалось въ рукахъ духовенства. Въ то время существовали однѣ монастырскія школы, мужскія и женскія (при женскихъ обителяхъ). Все духовенство было грамотное. Между людьми свѣтскими, даже князьями и боярами, грамотность была менѣе распространена.... Духовенство, особенно черное, не только дѣломъ, своимъ житіемъ, но и словомъ старалось поучать паству. Отъ отдаленной эпохи, о которой идетъ рѣчь, уцѣлѣли замѣчательные памятники письменности: богословскія сочиненія; слова епископа новгородскаго Луки Жидаты, митрополита Иларіона, игумена Кіево-Печерскаго Феодосія; Кирилла, епископа туровскаго; посланія митрополита Никифора къ Владиміру Мономаху, инока Кирилла къ Нифонту, Симеона къ Поликарпу, и послѣдняго къ Акиндину; паломники (напр. игумена Даніила); сказанія; житія; областныя лѣтописи, прототипомъ которымъ служила лѣтопись преподобнаго Нестора»⁽¹⁾. При этомъ обиліи произведеній духовной литературы почтенный ученый упоминаетъ лишь о трехъ свѣтскихъ: о сочиненіи князя (завѣщаніе Владиміра Мономаха дѣтямъ), о сочиненіи Даніила Заточника и объ одномъ поэтическомъ произ-

---

⁽¹⁾ См. въ Приложеніяхъ къ Мѣсяцеслову на 1862 г. статью г. Павлова: » Тысячелѣтіе Россіи,» стр. 12. 13.

веденіи (Слово о полку Игоревѣ). Въ эту пору духовенство было въ Россіи тоже, что европейскіе колонисты на дѣйствиномъ—вновь открытомъ—островѣ; только вліяніе его на Россію было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе духовные, какъ одноплеменники, говорившіе однимъ языкомъ съ окружающимъ его народомъ, могли находить довѣрія къ себѣ и средствъ къ дѣйствованію на другихъ, и чѣмъ удобнѣе, какъ единовѣрные съ греками, они могли переносить изъ Византіи на русскую землю плоды исторической жизни. Въ это время, когда не было ни баловъ, ни театровъ, ни другихъ позднихъ общественныхъ развлеченій, сословія сближались между собою только во время церковныхъ церемоній, при торжественныхъ богослуженіяхъ, и духовенство было нѣкоторымъ образомъ связующимъ звѣномъ князя съ народомъ, бояръ съ земствомъ; тогда жители отдаленныхъ предѣловъ сходились и обмѣнивались мыслями у угодниковъ кіевскихъ или новгородскихъ. Тогдашнее духовенство шло иногда вслѣдъ, а иногда впереди княжескихъ ратей, на покореніе язычествующихъ племенъ вѣрѣ христіанской и на распространеніе между ними болѣе кроткихъ, болѣе цивилизованныхъ нравовъ христіанскихъ, и подлѣ острожковъ, строившихся для распространенія русской власти на покоренныя племена, воздвигало церкви и монастыри для распространенія на нихъ нравственной власти, поддерживавшей организмъ общественный и устанавливавшей добрыя отношенія родителей къ дѣтямъ, подчиненныхъ къ начальникамъ и указывавшей на зависимость всѣхъ и cadaго отъ общаго нравственнаго Міроправителя. Въ ту пору, когда никакіе почти положительные законы не защищали силь-

наго отъ притѣсненій слабаго, когда не были отъ правительства выдаваемы мѣры и вѣсы и люди торговые могли сколько угодно обвѣшивать и обмѣривать, нравственные законы, проповѣдуемые духовенствомъ, замѣняли для Россіи почти все письменное законодательство, и къ духовенству, какъ сословію болѣе образованному, обращались люди за разборомъ своихъ жалобъ и обидъ: оно своимъ пастырскимъ словомъ вооружалось противъ лихоимства купцовъ и жестокости сильныхъ. Въ ту пору, когда еще не было типографій и самый Гуттенбергъ еще не далъ міру въ своемъ изобрѣтеніи могущественнѣйшаго рычага цивилизаціи, духовныя лица сами списывали прежде переведенныя богослужебныя книги и творенія отеческія, вновь переводили, сами назидались и назидали другихъ. Они же оставили бытописаніе родины на память и поученіе потомкамъ и положили первые вклады въ отечественную исторію, такъ что безъ ихъ трудовъ мы не имѣли бы теперь науки историческаго самопознанія, столь необходимой для сознательнаго развитія народной цивилизаціи. Памятниками признательности древней Россіи къ своимъ первымъ цивилизаторамъ оставались во множествѣ до поздняго времени и отчасти еще остаются доселѣ богатые помѣстья въ пользу монастырей и церквей, разныя льготы духовенству, а памятниками прямой заботливости духовенства о благосостояніи народномъ—посланія разныхъ русскихъ іерарховъ къ народу и священникамъ.

Такое широкое участіе духовенства въ цивилизаціи древней Россіи съ малыми видоизмѣненіями и съ небольшими сокращеніями продолжалось до самой реформы Петра. «Въ періодъ отъ монгольскаго нашествія до Пет-

ра великаго, какъ и прежде, духовенство играло значительную политическую роль; митрополиты «*печаловались*» за «опальныхъ» предъ государями; по приглашенію засѣдали вмѣстѣ съ высшимъ духовенствомъ въ боярской и великой земской думѣ, являлись посредниками въ борьбѣ разныхъ партій, — придворныхъ и политическихъ; черное духовенство также принимало участіе въ борьбѣ партій, особенно въ смутныя времена; имя патріарха, отца перваго царя изъ дома Романовыхъ, на всѣхъ грамотахъ писалось рядомъ съ государевымъ... Духовенство въ Московскомъ государствѣ было самымъ просвѣщеннымъ сословіемъ. Только при монастыряхъ и церквяхъ существовали школы. Вліяніе Церкви на общество въ старину было огромное» (1). Развитіе русской цивилизаціи въ прогрессивномъ порядкѣ было замедлено грубой татарщиной. Сколько неоцѣненныхъ услугъ поддержанію народнаго духа оказывало духовенство въ эти тяжелыя времена порабощенія Россіи татарами, когда у русскихъ людей, начиная съ бояръ и князей до послѣдняго холопа, не оставалось никакихъ утѣшеній и ободреній, кромѣ утѣшеній и ободреній вѣры, когда самой нужной добродѣтелью было для всѣхъ христіанское терпѣніе, а самымъ нерѣдкимъ явленіемъ — смерть за вѣру и родину съ надеждой на страдальческій вѣнецъ, когда татарскіе ханы, надѣясь снискать расположеніе русскаго духовенства, глубоко уважаемаго въ народѣ, освободили его отъ дани и милостиво выслушивали его ходатайство за угнетенныхъ и обиженныхъ! Потомъ, когда параллельно съ распаденіемъ

---

(1) Слова П. Павлова. Тамъ же; стр. 43. 44.

емъ татаръ на отдѣльныя орды и царства начало совершаться объединеніе русскихъ областей и княжествъ около Москвы, имѣвшее въ результатъ сверженіе монгольскаго ига, духовенство, еще болѣе усилившее въ смутное время свое вліяніе на общество, усердно помогало необходимой въ то время политической централизаціи Россіи. Политика Іоанна Калиты—объединить Русь опиралась на православное духовенство, въ особенности на митрополита, вооруженнаго правомъ церковнаго запрещенія противъ враговъ первопрестольной Москвы. Троицко-Сергіева лавра со времени своего основателя благословляетъ каждую попытку преемниковъ Калиты—собрать около себя Русь, и первая побѣда надъ татарами, не могшая освободить Россіи, но давшая уже почувствовать имъ силу *сбранной* Россіи, была одержана съ благословенія преподобнаго Сергія и при участіи двухъ иноковъ. Духовенство, больше всѣхъ сословій взысканное благорасположеніемъ хановъ, не измѣнило своему долгу — относительно единоплеменныхъ единовѣрцевъ и, ненавида *поганыхъ* поработителей, всегда возбуждало противъ нихъ князей и народъ. Имя протопона Сильвестра неразрывно связано съ обращеніемъ Іоанна Грознаго отъ безпорядочнаго образа жизни и со всѣми мудрыми мѣрами первыхъ лѣтъ его царствованія, точно также, какъ имя митрополита Филиппа, пострадавшаго вслѣдствіе своего заступничества за опальныхъ бояръ, — съ концемъ его царствованія. За тѣмъ въ стоявшую монгольскаго ига эпоху междуцарствія, когда безпорядки грозили государству гибелью, когда всевозможныя партіи и шайки обольщали, обманывали другъ друга, чтобъ поживиться и пожить на счетъ другихъ, когда алчность

казаковъ запорожскихъ и донскихъ, стремленіе поляковъ, а отчасти и шведовъ увеличить свою государственную область на счетъ Россіи, происки іезуитовъ, ненависть къ Россіи татаръ казанскихъ и астраханскихъ, эгоизмъ разныхъ честолюбцевъ и невѣжество и грубость народа — дѣлали спасеніе невозможнымъ, — сперва грамоты Гермогена, потомъ краснорѣчивыя воззванія архимандрита Діонисія и келаря Авраамія Палицына образумили лучшую патріотическую часть населенія и повели чрезъ Минина и Пожарскаго Россію къ спасенію. Поляки, находившіеся въ Москвѣ, стали принуждать патріарха Гермогена запретить низовому ополченію походъ. Твердый старецъ не посмотрѣлъ на угрозы враговъ и вмѣсто запрещенія посылаетъ благословеніе: Гермогенъ принесъ себя въ жертву за спасеніе родины, — голодная насильственная смерть его была высокимъ актомъ служенія духовенства независимости и счастію Русской земли. Затѣмъ слѣдуютъ безцѣнныя услуги патріарха Филарета по руководству сына своего царя Михаила въ залеченіи язвъ отечества послѣ между-царствія, и — патріарха Никона по руководству Алексѣя Михайловича. Литература, архитектура, скульптура, музыка и живопись по прежнему развивались или духовенствомъ или въ учрежденіяхъ, принадлежащихъ ему, въ церквахъ и монастыряхъ. Новгородскій—Софійскій, Московскіе—Успенскій и Архангельскій—соборы и много другихъ церквей и монастырей сохранились до нашего времени почти единственными памятниками архитектуры и живописи того времени. Терема бояръ, самые дворцы до Іоанна III не отличались особенною художественностію; все развитіе, какое дѣлали до Петра

великаго строительное, орнаментальное и живописное искусства, сдѣлано было въ монастыряхъ или церквахъ: глазъ древняго русскаго человѣка только въ святыхъ мѣстахъ видѣлъ что-то лучшее, высшее его бѣдной, деревянной хаты, только здѣсь онъ встрѣчалъ произведенія живописи и только здѣсь слышалось пѣніе болѣе искусственное, чѣмъ престолярное. Училищами грамотности и въ періодъ Московскій были училища духовныя, чтеніемъ—чтеніе духовное; златоусты, патерики, прологи, четъ-минеи, палеи, лѣтописные сборники и своды, и большая часть историческихъ записокъ принадлежать духовенству или лицамъ, воспитавшимся у него. Все, что есть самаго высшаго и благороднѣйшаго въ цивилизаціи вообще, всѣмъ тѣмъ допетровская русская цивилизація одолжена духовенству. Прогрессъ умственный, художественный, какой тогда былъ, совершался при болѣшемъ, чѣмъ со стороны другихъ сословій, участіи духовенства.

Русское духовенство кромѣ того никогда не старалось, какъ западное, поддерживать стараго порядка потому только, что онъ былъ выгоднѣе для него, не вооружалось противъ нововведеній и новыхъ идей своего правительства. Все благое находило въ немъ поддержку и ободреніе, было ли то уничтоженіе мѣстничества, изданіе писцовыхъ книгъ, составленіе стоголава, защита нѣмцевъ отъ самовольной расправы новгородцевъ, уничтоженіе разъединенія Россіи и противодѣйствіе оставшимся отъ удѣльно-вѣчевой Россіи воспоминаніямъ о старинѣ. Когда въ царствованіе Алексѣя Михайловича защитники старины въ разныхъ мѣстахъ возстали противъ нововведеній и тогдашняго прогрес-

са жизни, когда старовѣры религіозные и гражданскіе, идеаль которыхъ былъ одинъ и тотъ же—*старика*, дружно подавали другъ другу руки къ войнѣ противъ общаго врага—наступавшаго новаго порядка вещей, духовенство не затруднилось приняться за очищеніе своихъ богослужебныхъ книгъ отъ ошибокъ и искаженій, хотя огромное количество православныхъ грозило отдѣлиться отъ общенія съ нимъ, и всѣми своими симпатіями стало за новыи порядокъ—противъ религіозныхъ и политическихъ старообрядцевъ. На этомъ пунктѣ отечественная цивилизація еще получила со стороны духовенства жертву—астраханскаго митрополита Іосифа, замученнаго религіознымъ и политическимъ старовѣромъ и разбойникомъ Васькой Усомъ.

Въ слѣдующихъ статьяхъ мы надѣемся показать, что духовенство и въ самую прогрессивную часть отечественной исторіи, начавшуюся съ Петра великаго, не измѣняло своему древнему характеру и не покидало своей цивилизаторской дѣятельности, и что оно теперь больше, чѣмъ когда нибудь и чѣмъ какое нибудь другое словіе, дѣлаеть для успѣховъ народнаго развитія.

СТАТЬЯ 2-Я.

Реформа Петра I; положеніе духовенства послѣ Петровой реформы; ея цивилизаторскія и прогрессивныя усилія и новый характеръ ихъ и новыя препятствія; больницы и богадельни при монастыряхъ и церквяхъ; миссіонерская дѣятельность и обращеніе язычниковъ и магометанъ ко Христовой вѣрѣ—подъ ея цивилизующее вліяніе; духовно-учебныя заведенія послѣ Петра, увеличеніе числа ихъ и числа воспитанниковъ въ нихъ, значеніе духовно-учебныхъ заведеній XVIII вѣка въ исторіи образованія этого столѣтія; ниже ли было образованіе духовенства сравнительно съ образованіемъ другихъ сословій? Духовно-учебныя заведенія распространяютъ образованіе въ свѣтскомъ обществѣ; ихъ услуги при открытіи свѣтскихъ училищъ. Переходъ духовныхъ воспитанниковъ въ свѣтскія учебныя заведенія—по распоряженію правительства и по собственному желанію — и въ свѣтское званіе; множественность лицъ такого рода въ настоящее время. Невѣжественныя выходы нѣкоторыхъ періодическихъ свѣтскихъ изданій противъ отечественнаго духовенства и много ли въ этихъ выходахъ историческаго смысла и знакомства съ судьбами отечественной цивилизаціи?...

Въ своемъ бѣгломъ историческомъ обзорѣ услугъ русскаго духовенства отечественной цивилизаціи мы достигли реформы Петровой, которою начинается новая *пора* (эпоха) русской исторіи.

«Сдѣлавшись царемъ, Петръ повялъ, что ему, какъ государю, предстоитъ трудная борьба съ сосѣдними державами, вооруженными обще-европейскимъ знаніемъ, сильными европейскимъ искусствомъ на сушѣ и на мо-

рѣ. Чтобы одолѣть враговъ, царю надлежало усвоить западное^е образованіе для своихъ подданныхъ: того требовала безопасность Россіи. Слѣдовательно государственное преобразованіе возникло изъ сознанный потребности *политическаго и государственнаго самосохраненія* (¹)... Совершая свою реформу въ виду этой потребности, Петръ естественно долженъ былъ обращать главное свое вниманіе на тѣ стороны жизни, которыя ближе всего вели къ этой цѣли. Такимъ образомъ армія и флотъ были самыми первыми предметами заботливости Петровой и на нихъ потратилъ онъ главнымъ образомъ и силы генія своего и къ нимъ направилъ главныя средства государственныя. Цивилизація прежде всего коснулась военнаго сословія; но какъ военное, такъ и гражданское, такъ равно и духовное сословіе понуждаемы были цивилизоваться только для цѣлей усиленія государства; такой характеръ имѣла не только реформа Петрова, но и послѣдующія царствованія до Екатерины II. Государство завѣдывало цивилизаціей, и цѣлю всѣхъ дѣйствій правительства было не общество, но государство, т. е. само правительство, на сколько оно находилось въ связи съ обществомъ. Въ царствованіе Екатерины II, Александра I и Николая I цѣлю распоряженій правительства было общество, т. е. благосостояніе подданныхъ, впрочемъ только свободнаго состоянія, особенно высшаго класса. Въ настоящее царствованіе отношеніе государства къ обществу измѣнилось. Цѣлю государственныхъ распоряженій стало не само государство, какъ было при Петрѣ и его бли-

---

(¹) Слова Павлова. См. приложенія къ мѣсяцеслову 1862 г. стр. 49.

жайшихъ преемникахъ; не часть общества, не одна его высшіе классы, какъ при Екатеринѣ II и Александрѣ I, но все общество, всѣ его сословія, какъ высшія, такъ и низшія, потому что при Александрѣ II низшее сословіе должно быть свободно, какъ свободны средній и высшій классы. Участіе духовенства въ цивилизаціи отечественной видоизмѣнялось, сообразно измѣненію въ характерѣ правительственныхъ распоряженій: дѣятельность его становилась тѣснѣе или обширнѣе, смотря по направленію правительственныхъ распоряженій, но она никогда не принимала характера ретрограднаго. Отечественное духовенство послѣ Петра до настоящаго времени ни на одну минуту не покидало своего древняго значенія въ русскомъ народѣ, не смотря на многія неблагопріятныя для себя условія. Слѣдующіе факты подтверждаютъ это общее наше сужденіе.

Полагая силу правительства въ единствѣ дѣйствій, а силу государства въ единствѣ направленія народной жизни, Петръ I все, что прежде управлялось само собою, что не входило въ кругъ общаго государственнаго управленія, хотя и не враждовало съ нимъ, ввелъ подъ строгую форму единоисточнаго управленія. Духовенство подпало этой общей участи и, съ уничтоженіемъ патріаршества, получило во внѣшней сторонѣ жизни своей характеръ чиновническій, и, оставаясь самостоятельнымъ собственно въ дѣлахъ Вѣры, въ распоряженіи внѣшними своими дѣйствіями подпало одинаково со всѣми другими сословіями контролю государства. Добрыя, свободныя цивилизаторскія предпріятія его, прежде въ немъ находившія и побужденіе и утвержденіе себѣ, теперь или диктовались и предписывались,

или, по меньшей мѣрѣ, утверждались высшею властію. Духовенство потеряло свое видное мѣсто въ государственномъ быту, но потеряло не потому, чтобы его мѣсто тотчасъ же заняло другое болѣе образованное сословіе, а потому, что мѣсто всѣхъ сословій заняла высшая централизирующая правительственная власть. Государство стало расти на счетъ общества и сословій, или *«рости въ кору, стлсняя сердцевицу»*, по меткому выраженію К. Аксакова. Въ пору преимущественной заботливости правительства о войскѣ и внѣшней самостоятельности русскаго царства, монастыри служили прибѣжищемъ для раненыхъ и изувѣченныхъ воиновъ. Такъ было въ шведскую войну. Занятый положеніемъ своихъ воиновъ, Петръ I указалъ монастырямъ на предметъ ихъ сострадательной дѣятельности, заставляя открыть въ монастыряхъ госпитали. Указомъ 1724 года предписывалось: «иноки должны принимать въ монастыри больныхъ солдатъ или уволенныхъ отъ службы и неспособныхъ къ работѣ, равно и другихъ бѣдныхъ; для нихъ должны быть выстроены больницы». При Биронѣ въ тѣхъ же видахъ (въ 1734 г.) предписано было не постригать въ монашество никого, кромѣ вдовыхъ священнослужителей и отставныхъ солдатъ. Это опредѣленіе было уничтожено въ 1740 г. Но монастыри по прежнему оставались госпиталами для раненыхъ и увѣченныхъ солдатъ. При Елисаветѣ монастыри не разъ наполняли отставными солдатами и офицерами, и эта повинность выполнялась съ жестокостію; Арсеній Маціевичъ жалуется въ своемъ протестѣ Синоду, что «инвалидами наполнили и наполняютъ монастыри, и только одни монастыри, какъ будто для нихъ только служили

и за нихъ только сражались инвалиды». Еще Петръ I предписалъ, чтобы при приходскихъ церквахъ заводимы были богадѣльни, въ которыхъ призрѣвались бы бѣдные— и прихожане и пришлые богомольцы; мало сохранилось доселѣ этихъ первыхъ въ Россіи благотворительныхъ и гуманныхъ учрежденій, точно также, какъ монастыри перестали быть госпиталями для солдатъ. Но все таки эти больницы и богадѣльни существуютъ еще въ нѣкоторыхъ монастыряхъ и при нѣкоторыхъ церквахъ доселѣ, оставаясь памятниками того времени, когда духовенство предупредило позднѣйшія казенныя и общественныя больницы и богадѣльни, заведенныя по образцу западному и подѣ диктовку западной цивилизаціи, самостоятельными проявленіями гуманности и челоуѣколюбія. Причина, почему русское духовенство перестало оказывать эти услуги общественному благосостоянію, заключалась главнымъ образомъ въ томъ, что спустя меньше, чѣмъ полвѣка, послѣ смерти преобразователя, оно было обобрано и само предоставлено государственной и общественной благотворительности.

Другую, болѣе широкую и важную услугу отечественной цивилизаціи духовенство оказывало тѣмъ, что продолжало начатое имъ издавна дѣло распространенія и утвержденія христіанства между разными племенами и въ отдаленныхъ мѣстностяхъ Россіи. Никто изъ самыхъ рьяныхъ прогрессистовъ не станетъ спорить противъ того, что христіанская вѣра, болѣе всѣхъ другихъ, располагаетъ къ цивилизаціи. Но отъ прежняго времени много еще оставалось даже во внутреннихъ областяхъ имперіи магометанъ и язычниковъ, особенно въ губерніяхъ казанской и нижегородской. Начиная съ

преосвященнаго Пятирима (1719) до позднѣйшаго времени духовенство дѣятельно приготавлило цивилизаціи новое поле обращеніемъ язычниковъ и магометанъ ко Христу. Съ Петра до Елисаветы включительно обращено въ трехъ губерніяхъ казанской, нижегородской и воронежской около милліона. Духовенство заводило для новообращенныхъ школы; особенно много школъ открыто было въ царствованіе Елисаветы, и издержки на миссіи и на школы шли съ церковныхъ имуществъ, пока тѣ не были отобраны. Кромѣ школъ духовенство переводило на языки новообращенныхъ книги, давая полудикимъ племенамъ первые начатки и сѣмена письменности и образованія; такъ въ 1805 г. изданъ былъ краткій катихизисъ съ молитвами на языкахъ татарскомъ, черемисскомъ, чувашскомъ, мордовскомъ, корельскомъ и персидскомъ, а въ 1814 г. — 1820 г. Новый Заветъ. Особенно прямо содѣйствовало усиленію цивилизаціи обращеніе калмыковъ, потому что это обращеніе сопровождалось въ нихъ перемѣной кочевой бродячей жизни на осѣдную. Еще раньше вступленія Грузіи въ составъ Россіи, русская церковь уже исправляла и печатала богослужебныя книги и библію для грузинъ на ихъ языкѣ, и начала миссіонерскую дѣятельность тамъ, заводила училища среди осетинъ, и къ 1824 году было просвѣщено Евангеліемъ нѣсколько семействъ самыхъ упорныхъ кавказскихъ магометанъ Удовъ. На далекомъ сѣверѣ, у камчадаловъ, въ Сибири, въ Якутскѣ, у чукчей и самоѣдовъ, на американскихъ островахъ, вездѣ миссіонерская дѣятельность русскаго духовенства углаживала пути гражданственности; первыя школы тамъ были школы миссіонерскія, и теперь въ Новоархан-

гельскѣ, до котораго даже неизвѣстно и разстояніе отъ нашихъ цивилизованныхъ столицъ, заботами духовенства устроена духовная семинарія.

Распространяя по окружающей средѣ *«истинную вѣру и неразлучныя съ нею образованность и гражданственность»* ⁽¹⁾, духовенство въ своей еобственной средѣ не коснуло въ невѣжествѣ и долго было впереди всѣхъ другихъ сословій какъ по развитію внутренняго содержанія образованія, такъ и по распространенію его по массѣ своего сословія, не смотря на самыя неблагопріятныя условія. Камеръ—контора, Департаментъ при Синодѣ, Коллегія экономіи, преемственно завѣдывавшія церковными имуществами и составлявшія родъ государственнаго контроля за ихъ употребленіемъ, уже значительно затрудняли свободныя усилія духовенства къ своему просвѣщенію, не давая ему самостоятельно распорядиться своими имуществами. Но наконецъ въ 1764 г. эти имущества были совершенно отобраны. Чтобы можно было судить о томъ, въ какой мѣрѣ государство вознаградило церковь за отобранныя духовныя имущества, мы укажемъ здѣсь соотвѣтствіе положеннаго вмѣсто имуществъ жалованья. Всѣхъ крестьянъ за всѣми монастырями и кааедрами, не считая Малороссію, по ревизіи 1764 года числилось 910,866 душъ, а на все духовенство вмѣсто этого комиссія положила сперва 365,203 р., т. е. по 36 коп. за душу. Не смотря однако на то, что гражданская власть своимъ вмѣшательствомъ въ церковныя имѣнія много стѣснила самостоятельность дѣйствій духовенства относи-

---

(1) Фраза Грановскаго. Т. 1 стр. 411.

тельно образованія своего, вмѣсто 5 училищъ патриаршаго періода къ 1764 г. было 26 духовныхъ училищъ и въ нихъ до 6,000 учениковъ. И послѣ отобранія имѣній на скудное жалованье и стольже скудные свои средства духовенство не только не уменьшило, а напротивъ увеличило число училищъ духовныхъ, такъ что къ 1808 году было уже четыре академіи, 36 семинарій и 16 малыхъ училищъ. Духовный Регламентъ полагалъ собирать на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній съ монастырскихъ имѣній двадцатую, а съ церковей тридцатую долю хлѣба ⁽¹⁾: но можно уже составить понятіе, въ какой мѣрѣ неудобенъ былъ этотъ сборъ. Когда отобраны были церковныя имущества въ 1764 г., то пресѣклись прежніе способы содержанія училищъ, а новые были слишкомъ скудны: на всѣ духовныя заведенія назначено было отпускать 38,000 р.; число учениковъ все-таки въ слѣдующіе 20 лѣтъ удвоилось; — по монастырямъ отыскивались и употреблялись на содержаніе училищъ остатки прежняго довольства. Средства содержанія конечно дорожали съ годами, но не въ такой же мѣрѣ, чтобы въ 40 лѣтъ отъ 1764 до 1804 г., когда Императоръ Александръ I повелѣлъ отпускать 360,000 р. асс. на духовно-учебныя заведенія, дороговизна возвысилась почти въ десять разъ Юношество духовное тогда «по состоянію родителей скудное въ средствахъ образованія, болѣе терпѣніемъ и неутомимостію, нежели обиліемъ пособій приготавливалось къ служенію церкви, въ самыхъ обыкновенныхъ степеняхъ важному» ⁽²⁾.

⁽¹⁾ Регл. о епископахъ ст. 11. 12.

⁽²⁾ Слова изъ рѣчи бывшаго ректора петербургской академіи, нынѣ митрополита московскаго.

Сдѣланнаго не воротишь и фактовъ исторіи, конечно, не переиначишь: но мы не можемъ оставить факта отобранія церковныхъ имуществъ безъ нѣкоторыхъ размышленій, — конечно бесполезныхъ, и сожалѣній тоже позднихъ, — тѣмъ болѣе, что по поводу статьи: *Арсеній Мацѣевичъ* г. И. Чистовича ⁽¹⁾, высказано было нѣсколько новыхъ мыслей объ этомъ фактѣ Р. С. Т. въ газетѣ—*День*. «Государство», пишется въ этой газетѣ, «взяло у монастырей не только крестьянъ, но и земли съ угодьями, и самые крестьяне взяты были не съ цѣлю освобожденія, ибо тотчасъ же раздавались десятками, чуть не сотнями тысячъ въ частное владѣніе..... За отобранныя имущества дано было не вознагражденіе, опредѣляемое стоимостію того, что отобрано, а, такъ сказать, обязательство государства принять содержаніе духовенства на свой счетъ»... ⁽²⁾ Здѣсь, въ этомъ пунктѣ исторіи русской лежитъ поворотная точка въ исторіи нашего образованія. Поступивъ на казенное содержаніе, духовныя заведенія, подобно другимъ заведеніямъ, сдѣлались на время государственными, а не сословными, какими были, не общинными, какъ германскіе, и не коллегіями, представляющими изъ себя самостоятельныя общины, какъ англійскіе университеты. Неберемъ угадывать, какое бы употребленіе сдѣлало духовенство изъ своихъ имуществъ, если бы они не были отобраны; но самое лучшее, конечно, было бы, если бы часть земли, принадлежавшей 910,000 монастырскихъ крестьянъ, по надлежащемъ надѣлѣ самихъ крестьянъ, была назначена

⁽¹⁾ День № 15.

⁽²⁾ День № 16.

на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній. Тогда, можетъ быть, направленіе и вообще русскаго образованія измѣнило бы свой характеръ, и тогда не было бы тѣхъ бездушныхъ, безъ преданій, безъ славы, безъ историческихъ воспоминаній духовныхъ заведеній; можетъ быть, тогда бы церковь въ параллель свѣтскимъ-государственнымъ учрежденіямъ учебнымъ выставила свои университеты, свои коллегіи, поставивъ ихъ въ тоже самое отношеніе къ казеннымъ свѣтскимъ заведеніямъ, въ какомъ находятся оксфордскій и кембриджскій университеты къ лондонскому. Два первыхъ англійскихъ университета образовались именно такимъ образомъ, т. е. владѣя собственными имуществами. Русское просвѣщеніе могло бы развиваться тогда болѣе самостоятельно и болѣе широко, и безъ того антагонизма, какой существовалъ и существуетъ доселѣ между свѣтскою образованностію и духовной. Государство было бы тогда въ прямой выгодѣ, потому что пріобрѣтало бы образованныхъ людей, образованіе которыхъ не стоило бы ему ни гроша, и церковь занимала бы болѣе почетное и независимое положеніе. Но, увы, много хорошаго могло бы быть сдѣлано изъ церковныхъ имуществъ, и сдѣлано было, кажется, самое худшее и самое непроизводительное употребленіе изъ нихъ; можетъ быть, сто аристократическихъ семействъ обогатились на счетъ церковныхъ имуществъ и получили обильныя средства для своей цивилизаціи, но за то обдѣляло цѣлое сословіе, а государство взяло на себя новую тягость—содержать духовенство и духовно-учебныя заведенія, народъ же, особенно сельскій, лишился близкихъ ему благотворительныхъ заведеній. Но, что дѣлать, тогда уже было такое направленіе почти во

всей Европѣ и у насъ, что и государственные и сословные и народные интересы приносились въ жертву интересамъ высшихъ классовъ, которые одни считались имѣющими право на благоденствіе и цивилизацію.

И при всемъ томъ, что духовенство такъ обобрали, у одного его въ 1783 году было около 15,000 учащихся, едва ли не болѣе, чѣмъ учащихся другихъ сословій во всей тогдашней Россіи; потому что въ это время существовалъ одинъ только университетъ и только что основана была *коммиссія для учрежденія народныхъ училищъ* въ государствѣ. За исключеніемъ высшаго богатаго и еще больше обогащеннаго церковными имуществами класса, которому частыя поѣздки въ чужіе края и множество чужестранныхъ гувернеровъ и гувернанокъ насильно, такъ сказать, давали образованіе, духовенство все-таки было самымъ образованнымъ сословіемъ. «Въ XVIII вѣкѣ, когда гимназій почти не существовало, а элементарныя школы находились въ весьма неудовлетворительномъ состояніи, единственный въ то время московскій университетъ оказывалъ мало вліянія на публику за недостаткомъ основательно подготовленныхъ слушателей. При Александрѣ I правильная система подготовительныхъ училищъ едва успѣла устроиться и установиться, а потому не была въ состояніи подготовить достаточное количество слушателей для университетовъ. Плоды мѣръ, предпринятыхъ при Александрѣ I для распространенія просвѣщенія, успѣли созрѣть только во второй четверти текущаго столѣтія. Въ царствованіе императора Николая было уже довольно много студентовъ, способныхъ слѣдить за высшими курсами. Тогда же во всѣхъ университетахъ заняли кафедры молодые

профессоры, возвратившіеся изъ-за границы, куда были посланы правительствомъ для усовершенствованія себя въ наукахъ. Вотъ причина болѣе зрѣлости русской публики въ тридцатыхъ и въ сороковыхъ годахъ »⁽¹⁾ Эта выдержка изъ свѣтскаго писателя освобождаетъ насъ отъ необходимости доказывать, что духовенство XVIII вѣка въ своей средѣ было болѣе образовано, чѣмъ другія сословія, исключая конечно придворныхъ и аристократовъ.

Въ 1808 году составила комиссия для преобразованія духовныхъ училищъ, которая начертала новый планъ устройства ихъ и изыскала способы къ содержанію духовныхъ заведеній на счетъ свѣчныхъ суммъ. Духовныя заведенія опять получили самостоятельность заведеній сословныхъ и почти общинныхъ, хотя развитію послѣдняго характера ихъ много препятствовало и до сихъ поръ препятствуетъ то, что и на нихъ простерся централизаторскій и чиновническій характеръ управленія, заведенный для государственныхъ учебныхъ заведеній. Съ 1809 года по 1824 открыто было три академіи и преобразованы были всѣ семинаріи, и число учащихся въ продолженіи 16 лѣтъ возрасло отъ 30,000 до 46,000, а число училищъ отъ 150 до 344. Въ 1859 году число учащихся духовнаго вѣдомства простиралось до 54,170 ⁽²⁾. Это возрастаніе учениковъ въ средѣ собственно духовенства даетъ знать, что одно изъ условій цивилизаціи имъ постоянно выполнялось, именно—распространеніе образованности по большому количе-

---

⁽¹⁾ Замѣчаніе П. Павлова—въ статьѣ *Тысячелѣтіе Россіи* стр. 65.

⁽²⁾ Отчетъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода за 1859 годъ.

ству лицъ, принадлежащихъ къ сословію духовному. Лучшимъ подтвержденіемъ этого можетъ служить то, что къ концу царствованія Александра I и въ селахъ много было священниковъ, получившихъ полное семинарское образованіе, тогда какъ при Екатеринѣ бывали «неученые» священники и въ городахъ, что въ 1840-хъ годахъ принято за правило не поставлять во священники лицъ, не получившихъ полнаго семинарскаго образованія, что въ настоящее время не рѣдкость—въ городахъ не только столичныхъ и губернскихъ, а въ уѣздныхъ, даже, хотя еще рѣдко, въ селахъ—священники, получившіе академическое образованіе. Что касается до другаго условія цивилизаціи, т. е. до роста знанія въ самомъ себѣ, до развитія внутренняго содержанія цивилизаціи, то и здѣсь духовенство никогда не измѣняло своему прогрессивному характеру. Постоянно все болѣе и болѣе увеличивающееся число духовныхъ книгъ и періодическихъ духовныхъ изданій, начиная съ Камня Вѣры Стефана Яворскаго и проповѣдей Θεοφана Прокоповича, продолжая трудами Платона и Евгенія, Филарета и Иннокентія и оканчивая послѣдними трудами Макарія харьковскаго и Филарета черниговскаго, служить нагляднымъ подтвержденіемъ сказаннаго нами. Въ 1821 году существовалъ одинъ только духовный журналъ во всей Россіи; съ тѣхъ поръ до 1862 г. число періодическихъ духовныхъ изданій увеличилось до 11, не включая въ это число епархіальныхъ вѣдомостей, издающихся въ нѣсколькихъ епархіяхъ. Стоить сравнить любыя епархіальныя вѣдомости съ любыми губернскими, чтобы понять, гдѣ больше разсѣяно образованія, въ губернскомъ ли духовенствѣ,

или въ свѣтскомъ губернскомъ обществѣ въ настоящее время. Духовенство занималось не однимъ только развитіемъ богословской науки; наука свѣтская, особенно русская исторія и отрасли знанія философскаго и классическаго, находили много способныхъ и усердныхъ дѣятелей, не только слѣдившихъ за свѣтской наукой и ея успѣхами, а самостоятельно и самодѣтельно способствовавшихъ ея дальнѣйшимъ успѣхамъ. Изъ множества лицъ, потрудившихся для литературы свѣтской, достаточно вспомнить имена митрополита Евгенія, переводчика Мартынова, Павскаго и Карпова, и многихъ другихъ вкладчиковъ, въ родѣ Іакинѣа, Голубинскаго, Юркевича, Надеждина, Кедрова, Новицкаго. «С. Петербургская, напимѣръ, Академія»,—мы приводимъ слова проф. И. А. Чистовича изъ рѣчи его 17 февраля 1859 года,—«въ продолженіи 50 лѣтъ дала прочимъ академіямъ и семинаріямъ болѣе тысячи наставниковъ... Не менѣе отрадное явленіе представится нашему взору, когда мы вспомнимъ труды и заслуги здѣшнихъ воспитанниковъ, посвятившихъ себя на служеніе алтарю Господню. Нѣтъ ни одной самой высокой чреды духовнаго служенія, на которой бы академія не видѣла своихъ воспитанниковъ. Члены святѣйшаго правительствующаго Синода и присутствующіе въ немъ, первостоятели старѣйшихъ святительскихъ кафедръ новгородской и кievской, наставники въ семействахъ государей, многіе архіепископы, законоучители университетовъ, лицеевъ, академій, институтовъ, училища правовѣденія и прочихъ высшихъ учебныхъ заведеній всѣхъ вѣдомствъ украшаютъ собою списки воспитанниковъ с. петербургской духовной академіи. Въ столицахъ европейскихъ госу-

дарствъ наши священники служатъ достойными представителями нашего духовнаго сословія и духовнаго образованія. Они приобрѣли уваженіе отъ иностранныхъ правительствъ и иностраннаго духовенства, являясь даже для пристрастнаго суда вполне достойными своего званія... Въ Іерусалимѣ и на Аѳонѣ, въ отдаленныхъ государствахъ Японіи и Китая духовные воспитанники академій съ честью и успѣхомъ исполняютъ возложенныя на нихъ порученія. Наконецъ, многіе изъ ея воспитанниковъ, занимая скромныя мѣста священнослужителей въ разныхъ мѣстахъ нашего обширнаго отечества, представляютъ собою утѣшительное явленіе истинно образованныхъ пастырей и учителей православнаго народа, особенно отрадное при воспоминаніи о томъ, какъ живо чувствовалась въ прежнее время потребность въ *учительныхъ* пастыряхъ. Вліяніе академій простиралось и за предѣлы Россіи. Въ духѣ той тѣсной связи и того живаго участія, которыя всегда соединяли русскую церковь съ единовѣрными ей церквами Греціи, Сиріи и южнославянскихъ странъ, академія съ любовью принимала на свое попеченіе образованіе молодыхъ людей, предназначенныхъ заботливостію представителей тамошняго православнаго духовенства на служеніе святой Церкви въ качествѣ наставниковъ духовнаго юношества и ученыхъ защитниковъ православія. Считая образованіе юношества главнымъ своимъ назначеніемъ, академія однакожь не ограничивала своей дѣятельности трудами и предѣлами школы. На ней лежитъ долгъ содѣйствовать великому дѣлу церкви распространеніемъ духовнаго просвѣщенія во всѣхъ классахъ и сословіяхъ общества, уященіемъ для нихъ пред-

метовъ христіанскаго вѣроученія, устройствомъ ихъ нравственныхъ понятій и убѣжденій, обличеніемъ или опроверженіемъ заблужденій или только обольщеній, разсѣваемыхъ противниками истиннаго ученія. Съ другой стороны, развивая свою дѣятельность въ постоянномъ и живомъ соприкосновеніи съ представителями современнаго образованія, академія всегда принимала участіе въ умственномъ движеніи и стремленіяхъ образованнаго общества, выражая это участіе разработкою тѣхъ наукъ и отраслей знанія, которыя входятъ въ кругъ ея занятій... Не выступая изъ предѣловъ, указываемыхъ самою цѣлію академическаго образованія, академія старалась дать своимъ воспитанникамъ полное умственное и нравственное образованіе, — старалась развить въ нихъ самостоятельное мышленіе, приучить къ умственному труду и возбудить стремленіе къ постоянному самоусовершенствованію, заботясь въ тоже время объ укорененіи въ ихъ душѣ нравственныхъ убѣжденій, составляющихъ основу нашей жизни, и о внушеніи имъ того духа порядка, который бы потомъ могъ сроднить ихъ съ всякимъ мѣстомъ и положеніемъ въ обществѣ. Изучая во всемъ пространствѣ православное богословіе и судьбы христіанской Церкви, они въ тоже время и съ такою же основательностію знакомятся съ предметами общаго образованія, выслушивая полный высшій курсъ наукъ философскихъ, словесныхъ, историческихъ, физико-математическихъ и древнихъ и новѣйшихъ языковъ... Объ успѣхѣ, съ которымъ достигается собственно нравственная цѣль образованія, невозможно судить съ такою же опредѣленностію, какъ о плодахъ умственнаго образованія. Ученые труды, явленія ума подлежатъ виѣшней оцѣнкѣ,

но нравственная жизнь и нравственное влияние на общество большею частию незримо для вѣшняго наблюдателя. Посему несправедливо было бы требовать отъ духовнаго воспитанія такихъ же видимыхъ плодовъ и такого же осязательнаго примѣненія, каковыхъ нужно требовать отъ обыкновенной учености и отъ разработки наукъ, имѣющихъ предметомъ вѣшнюю жизнь человѣка или вѣшній бытъ общества» (1). Что почтенный профессоръ говорилъ о здѣшней академіи, то съ равною силою должно быть сказано о другихъ, и хотя съ меньшею о семинаріяхъ и духовныхъ училищахъ. Всѣ они распространяли массу знаній по сословію своему, и всѣ, а особенно академіи, способствовали и способствуютъ приращенію знанія въ самомъ себѣ.

Стремясь образовать себя, духовенство наше, не смотря на разныя неблагопріятныя вѣшнія обстоятельства, не смотря на крайнюю скудость средствъ матеріальныхъ, постоянно увеличивало число воспитанниковъ въ своихъ заведеніяхъ, постоянно развивало науку въ самой себѣ, внося новые предметы въ кругъ семинарскаго и академическаго образованія, часто, какъ напр. медицину и сельское хозяйство, именно съ цѣлію способствовать общему народному благосостоянію. Исключая столицъ и особенно-многолюдныхъ губернскихъ городовъ, число духовныхъ воспитанниковъ въ семинаріяхъ превышаетъ число учениковъ губернскихъ гимназій. Кромѣ того духовенство уже съ довольно давняго времени воспитываетъ въ своихъ заведеніяхъ большее количество молодыхъ людей, чѣмъ какого требуютъ его прямыя сословныя потребности, и, какъ видимъ, при самыхъ настоятельныхъ

(1) Христ. Чт. 1859 г. № 3.

нуждахъ въ образованныхъ священнослужителяхъ отпущало своихъ воспитанниковъ въ другія сословія, и такимъ образомъ распространяло цивилизацію и образованность не только въ своей собственной средѣ, но и по другимъ сословіямъ. Объ этой услугѣ духовенства отечественному образованію мы и намѣрены теперь говорить. Въ древнія времена монастырскія школы были единственными распространителями грамотности въ Россіи, какъ мы и замѣтили въ первой своей статьѣ. Со времени Петра I завелись и школы свѣтскія, но церковь не отказалась совершенно отъ своего древняго обычая—просвѣщать желающихъ учиться въ ея училищахъ. Въ 1721 году учреждена была при александровскомъ монастырѣ словенская александровская школа, превратившаяся послѣ разныхъ видоизмѣненій въ нынѣшнюю с. петербургскую духовную академію; это новое учебное заведеніе не ограничивало своей дѣятельности чисто сословными интересами: въ немъ учились не одни духовные мальчики, а даже *большою частію* дѣти канцелярскихъ чиновниковъ и монастырскихъ служителей, дѣти дворянскіе и купеческіе, одинъ индеецъ и одинъ калмыкъ, хотя школа содержалась на счетъ монастыря. Монастырская типографія, заведенная въ 1720 году, не только снабжала свою школу учебными книгами, но «общей ради въ великороссійскомъ народѣ пользы» по всей Россіи разсылала букваріи, богослужебныя, священныя и отчасти богословскія книги. Обученіе *разночинцевъ*, не принадлежащихъ къ духовному сословію, продолжалось въ этой александровской школѣ во все продолженіе XVIII столѣтія, и тогда, значить, когда школа переименована была сперва въ семинарію, потомъ

въ академію; количество разночинцевъ обучаемыхъ простиралось отъ 30 до 60 (4). Не смѣемъ утверждать, но очень вѣроятно, что и другія—провинціальныя—духовныя училища XVIII вѣка тоже воспитывали лицъ другихъ сословій; по крайней мѣрѣ, это несомнѣнно въ отношеніи кievской академіи.

Раньше еще половины прошлаго вѣка начался переходъ лицъ, получившихъ образованіе въ духовныхъ училищахъ, въ заведенія свѣтскія или въ свѣтскую службу, иногда по распоряженію правительства, иногда по собственному желанію. Будущій историкъ русской цивилизаціи оцѣнить должнымъ образомъ эту услугу, оказанную духовными училищами XVIII в. отечественному просвѣщенію; мы съ своей стороны замѣтимъ только, что въ ту пору и умѣющихъ учить и желающихъ учиться было очень мало. Петръ I не даромъ запрещалъ безграмотнымъ дворянамъ жениться; Синодъ слалъ указы за указами, чтобы священники представляли своихъ сыновей въ школы. Въ это время, понятно, какъ дороги были не только сколько нибудь образованные, а просто грамотные люди! Длинный рядъ духовныхъ воспитанниковъ, перешедшихъ въ свѣтское званіе со второй четверти XVIII в. до нашего времени, открываетъ *Григорій Тепловъ*, одинъ изъ учениковъ школы *Феофана Прокоповича*, основанной имъ по желанію Петра Великаго. По смерти *Феофана*, *Тепловъ* поступилъ въ академію наукъ переводчикомъ; выучившись

---

(4) Ббльшія подробности касательно этой школы можно извлечь изъ «Исторіи С. Петербургской Духовной Академіи» И. Чистовича Главнымъ образомъ этия сочиненіемъ пользовался составитель настоящей статьи, при указаніи историческихъ данныхъ касательно перехода духовныхъ воспитанниковъ въ свѣтскія сословія и заведенія.

здѣсь естественнымъ наукамъ и получивъ званіе адъюнкта, какъ надзиратель за воспитаніемъ молодаго графа Разумовскаго, онъ путешествовалъ вмѣстѣ съ нимъ до западной Европѣ. Потомъ, когда графъ въ 1745 году сдѣланъ былъ президентомъ академіи наукъ, Тепловъ много содѣйствовалъ ему въ дѣлѣ преобразованія академіи, составивъ *«Новый академическій регламентъ»*; при Екатеринѣ II онъ былъ ея статсъ-секретаремъ. Годъ спустя послѣ Теплова, другіе два ученика Теофановой школы, дѣти рядовыхъ, *Протасовъ* и *Котельниковъ* поступили также въ академію наукъ и были ея членами. Протасовъ извѣстенъ въ исторіи отечественнаго образованія, какъ лицо, завѣдывавшее выборомъ статей изъ иностранныхъ газетъ для русскихъ вѣдомостей и книгъ для перевода на русскій языкъ; онъ самъ участвовалъ въ переводѣ естественной исторіи Бюффона и въ составленіи словопроизводнаго Русскаго Словаря. Котельниковъ тоже былъ академикомъ, бібліотекаремъ при академіи наукъ и участвовалъ въ составленіи всѣхъ шести частей Россійскаго Словаря. Четвертый ученикъ изъ школы Теофана *Макс. Богдановъ* поступилъ въ сухопутный госпиталь для изученія хирургіи.—Переходъ этотъ духовныхъ воспитанниковъ въ свѣтское званіе чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше усиливался. Причина повятна: послѣ отобранія церковныхъ имуществъ, духовенство обѣднѣло, жалованье наставникамъ семинарій и академій производилось самое ничтожное и во всякомъ случаѣ далеко меньшее, чѣмъ какое государство назначало для наставниковъ своихъ учебныхъ заведеній и для служащихъ въ гражданской службѣ. Самые даровитые, самые энергическіе и предприимчивые

изъ духовныхъ воспитанниковъ выходили, если только они раньше не поступали въ монашество, изъ духовнаго званія искать счастья и почестей въ свѣтскомъ. Такимъ образомъ изъ посланныхъ въ 1765 г. въ оксфордскій, геттингенскій и лейденскій университеты четырнадцати воспитанниковъ духовныхъ, *Розановъ*, обучавшійся въ геттингенскомъ университетѣ, потомъ бывший наставникомъ въ здѣшной семинаріи, вскорѣ перешелъ въ гражданскую службу; *Клевецкій*, обучавшійся въ лейденскомъ университетѣ, тоже оставилъ духовное званіе и издалъ (въ 1773 г.) руководство по географіи и ландкарты съ присовокупленіемъ общихъ правилъ ариметики; — *Никитинъ*, обучавшійся въ оксфордскомъ университетѣ, опредѣлился въ морской кадетскій корпусъ сперва профессоромъ, а потомъ инспекторомъ, и наконецъ (съ 1783) былъ членомъ россійской академіи; — *Суворовъ*, тверской семинаристъ, удостоенный оксфордскимъ университетомъ рѣдкой для иностранца чести—званія магистра, по возвращеніи перешелъ на службу въ морской кадетскій корпусъ для обученія кадетовъ математикѣ, мифологіи, географіи, англійскому языку и словесности, потомъ поступилъ въ московскій университетъ ординарнымъ профессоромъ и оставилъ много собственныхъ сочиненій и переводовъ.

Очень много духовныхъ воспитанниковъ до окончанія и по окончаніи семинарскаго или академическаго курса поступило въ свѣтскія заведенія по распоряженію гражданскаго начальства. Такъ въ 1747 г., по регламенту академіи наукъ, написанному, какъ мы уже говорили, Григ. Тепловымъ, учрежденъ былъ при ней институтъ для 30 воспитанниковъ. Президентъ гр. Разу-

мовскій, облеченный правомъ набрать воспитанниковъ, откуда ему будетъ угодно, безъ сомнѣнія по указанію Теплова, остановилъ свое вниманіе на воспитанникахъ здѣшной и новгородской семинарій и московской академіи и вытребовалъ изъ нихъ по десяти человекъ, не смотря на противодѣйствіе Свят. Синода и архіепископа петербургскаго Θεодосія, дорожившихъ хорошими воспитанниками. Изъ вытребованныхъ нѣкоторые въ XVIII в. приобрѣли литературную извѣстность; такъ на примѣръ, Ст. Як. *Румовскій* былъ ординарнымъ профессоромъ въ академіи наукъ, вице-президентомъ ея, членомъ главнаго управленія училищъ и попечителемъ казанскаго университета, и оставилъ много сочиненій и переводовъ по исторіи, математикѣ и астрономіи; *Ив. Барковъ*, состоявшій переводчикомъ при академіи наукъ, перевелъ Гораціевы сатиры (1763 г.), составилъ «Русскую Исторію» (неизданную), написалъ «Жизнь Кантемира», перевелъ «Федровы басни» (1764 г.) и Гольбергову «Универсальную исторію» (1766). Конечно, многіе изъ этихъ сочиненій и трудовъ бывшихъ духовныхъ воспитанниковъ въ настоящее время имѣютъ цѣну только для археолога и историка; но въ свое время они удовлетворяли живымъ и насущнымъ потребностямъ начинавшаго свое образованіе русскаго общества. Въ 1762 г. вытребованы были въ коллегію иностранныхъ дѣлъ два воспитанника здѣшной семинарій для изученія языковъ — китайскаго и манжурскаго, потомъ въ 1770 г. также вслѣдствіе требованія еще поступило двое. Вообще, въ XVIII в. былъ такой порядокъ: лишь только гражданское правительство открывало то или другое заведеніе, точно въ мелочную лавку всегда

обращалось за первыми учениками въ духовныя училища. Слѣдующіе факты оправдаютъ наше общее замѣчаніе.

До 1782 г. правительство гражданское заводило большею частію *спеціальныя* школы, какъ напр. кадетскіе корпуса; съ этого года начали заботиться объ *общемъ* народномъ образованіи. Учреждена была *коммиссія для основанія народныхъ училищъ*. Въ четыре слѣдовавшихъ за учрежденіемъ коммиссіи года, столько было вытребовано ею воспитанниковъ изъ одной здѣшной семинаріи, что высшіе классы ея почти опустѣли и митрополитъ Гавріилъ затруднялся въ пріисканіи достойныхъ и способныхъ людей къ занятію священническихъ и діаконскихъ мѣстъ въ своей епархіи. Сряду же послѣ своего учрежденія (въ 1783 г.) коммиссія вытребовала, съ высочайшаго соизволенія, двадцать воспитанниковъ изъ здѣшной семинаріи для приготовленія ихъ къ учительскимъ должностямъ въ народныхъ училищахъ столицы. Такимъ образомъ духовенство подставило первыхъ учителей для нынѣшнихъ столичныхъ уѣздныхъ школъ и гимназій; къ духовнымъ же семинаріямъ прибѣгла коммиссія, когда вздумала устроить училища въ прочихъ городахъ имперіи и съ цѣлью приготовленія учителей для оныхъ открыла въ Петербургѣ *главное народное училище*. Училище это было наполнено главнымъ образомъ воспитанниками духовныхъ семинарій; ихъ вытребовали въ числѣ 142-хъ человекъ. Брали даромъ, а между тѣмъ требовали, чтобы высылаемые воспитанники были *«не моложе 18 лѣтъ, одарены хорошею способностію и прилежаніемъ, были хорошаго поведенія и отличались способностію передавать другимъ знанія»*, слѣдовательно требовали, чтобы высланы были лучшіе семинарскіе вос-

питанники. Эти 142 ученика, вызванных изъ духовно-учебныхъ заведеній, посланы были учителями въ тѣ народныя школы, которыя открыты были въ 1786 г. въ 25 губерніяхъ. Для низшихъ народныхъ школъ въ этихъ губерніяхъ еще было вытребовано сорокъ семинаристовъ. Съ отдѣленіемъ отъ главнаго народнаго училища *учительской семинаріи*, требованія какъ въ нее, такъ и въ другія свѣтскія учебныя и воспитательныя заведенія продолжались; въ 1794 году вытребовано было пятьдесятъ семинаристовъ. Требования были такъ часты, что духовное начальство не всегда было въ состояніи удовлетворять онымъ. Такъ въ 1804 г. на отношеніе графа Завадовскаго о высылкѣ изъ здѣшней академіи пяти воспитанниковъ къ замѣщенію вакантныхъ мѣстъ въ низшихъ классахъ здѣшнихъ народныхъ училищъ митрополитъ Амвросій принужденъ былъ отвѣтить, что не можетъ исполнить этого требованія, потому что въ академіи состоитъ небольшое количество студентовъ.

Въ 1786 г., вслѣдствіе прошенія медицинскои коллегіи, Синодъ разрѣшилъ отпускъ академическихъ и семинарскихъ воспитанниковъ въ медицинскія училища. Вслѣдствіе этого распоряженія, многіе воспитанники семинарій переходили въ медицинскія училища, которыя въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія наполнялись почти исключительно семинаристами. Въ 1797 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе ежегодно отправлять изъ семинарій въ московскую и петербургскую медико-хирургическія академіи по 50 воспитанниковъ. Кромѣ этихъ пятидесяти, ежегодно поступающихъ, многіе изъ семинаристовъ, по особенной склонности къ медицинскимъ наукамъ, а можетъ быть надѣясь лучше устроить

свою судьбу въ званіи лекарей, чѣмъ оставаясь въ духовномъ сословіи, еще до окончанія семинарскаго курса оставляли духовныя заведенія—для перехода въ медицинскія. Медицинская академія и до и послѣ своего преобразования (въ 1799 г.) охотно принимала духовныхъ воспитанниковъ, потому что съ возобновленіемъ морскихъ и сухопутныхъ штатовъ имѣла большой недостатокъ въ медикахъ, и по прежнимъ опытамъ надѣялась найти въ нихъ хорошо приготовленныхъ студентовъ. Дѣйствительно изъ духовныхъ воспитанниковъ, обучавшихся въ академіи, многіе приобрѣли въ послѣдствіи ученую извѣстность и имена ихъ не забудутся въ исторіи медицинскаго образованія въ Россіи. Изъ нихъ между прочимъ вышли: *Д. М. Велланскій, М. Мухоморовъ, Я. К. Кайдановъ, Громовъ, Бутковъ, Шпилевскій, Еношкинъ*. Множество современныхъ, военныхъ и гражданскихъ, врачей, разбѣянныхъ по Россіи, получили первоначальное, общее образованіе въ духовныхъ семинаріяхъ.

Духовенство въ выборѣ званія вообще не стѣсняло своихъ воспитанниковъ. Напримѣръ, митр. Гавріилъ предоставлялъ окончившимъ курсъ въ главной духовной семинаріи полную свободу съ однимъ только ограниченіемъ, чтобы присланные изъ другихъ епархій по окончаніи курса прослужили два года въ здѣшней или въ своей мѣстной семинаріи. Снисходительность простиралась до того, что нѣкоторые воспитанники для болѣе удобности прискаты мѣсто въ гражданской службѣ, просили митрополита назначить имъ болѣе легкіе предметы, и онъ удовлетворялъ ихъ просьбамъ. Въ разныя времена много лицъ перешло такимъ образомъ изъ духовнаго званія въ свѣтское, и между ними мы встрѣча-

емъ такихъ, которыхъ имена не забудутся въ исторіи отечественнаго образованія и отечественной литературы. Такъ, напримѣръ, изъ воспитанниковъ здѣшней академіи, бывшихъ потомъ наставниками въ ней, вышли: *Ив. Ив. Мартыновъ*, переводчикъ классиковъ, котораго труды по этой части большею частію еще не смѣнены болѣе новыми и совершенными, извѣстный литераторъ и журналистъ, издававшій «Музу» и «Сѣверный Вѣстникъ»; *Алексан. Степ. Лубкинъ*, изъ наставниковъ здѣшней семинаріи перешедшій экстраординарнымъ профессоромъ въ казанскій университетъ, составившій начертаніе логики и переведшій философію Снелля; *Петр. Андр. Словоцовъ*, преподававшій краснорѣчіе въ здѣшней семинаріи, потомъ директоръ иркутской гимназіи и литераторъ, *Анненскій*—тоже литераторъ, и *Иллчевскій*—бывшій томскимъ губернаторомъ.—Наконецъ изъ числа духовныхъ же воспитанниковъ и здѣшнихъ академическихъ наставниковъ вышелъ знаменитѣйшій изъ всѣхъ отечественныхъ государственныхъ людей, оказывавшійся мастеромъ во всякомъ дѣлѣ, какое только поручалось ему, котораго исполненная трудовъ и превратностей жизнь читается съ такимъ же удовольствіемъ, какъ хорошій романъ, и котораго проекты государственныхъ преобразованій—многіе выполнены, а другіе еще ожидаютъ выполненія,—графъ *М. М. Сперанскій*. Въ 1796 году онъ оставилъ академію и всю остальную свою жизнь, исключая времени его опалы, посвятилъ обществу преуспѣванію отечества. Указывать, сколько добра сдѣлалъ для Россіи и ея цивилизаціи этотъ бывшій владимірскій семинаристъ и профессоръ здѣшней академіи во время службы своей въ Сибири и Петербур-

гѣ, мы считаемъ излишнимъ; мы обратимъ вниманіе читателей только на слѣдующую его мѣру.

Подобно Теплому обязанный своимъ возвышеніемъ влиянію одного вельможи и безъ этого, подобно многимъ семинаристамъ и студентамъ духовныхъ академій, кончившій бы можетъ быть свою гражданскую службу безвѣстно, М. М. Сперанскій, заботясь «положить основаніе наукъ россійскаго правовѣдѣнія въ русскихъ университетахъ» (1), остановилъ свое вниманіе, какъ и поименованный предшественникъ его, на духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Это было въ 1828 г. По распоряженію Сперанскаго тогда вызвано было по три лучшихъ воспитанника изъ здѣшной и московской академій. На четвертой недѣлѣ великаго поста, тридцать четыре года назадъ, во 2-мъ отдѣленіи Императорской канцеляріи Сперанскій говорилъ представленнымъ ему студентамъ академій: «ваше назначеніе самое высокое; отъ васъ Государь ожидаетъ очень многого; я не скрою отъ васъ, что вы или нѣкоторые изъ васъ, которые лучше успѣютъ, должны сдѣлаться въ Россіи лучшими профессорами правовѣдѣнія; впрочемъ всѣ вы должны успѣть такъ, чтобы сдѣлаться профессорами.» Потомъ въ пасху того же года, когда они явились съ поздравленіемъ, Сперанскій сказалъ имъ: «вы должны положить основаніе наукъ россійскаго правовѣдѣнія. Я хочу, чтобы оно было преподаваемо въ университетахъ подлинно по ученому, а не по — приказнически. Итакъ употребите все стараніе. Ну», заключилъ онъ, «теперь вы знаете, гдѣ я живу, относитесь ко мнѣ, въ чемъ бу-

---

(1) Собственныя слова Сперанскаго. См. *Сочин. Неволина*. 1857 г. Т. I. стр. VII. въ предисловіи.

дете имѣть нужду; я не могу и не долженъ вамъ отказывать, да и не хочу.» Ихъ отправили скоро въ Берлинъ. «Такъ какъ посланные въ прошломъ (1828) г. студенты оправдали въ полной мѣрѣ выборъ ихъ и назначеніе, какъ нравственнымъ поведеніемъ, такъ и успѣхами»,—писалъ Сперавскій къ митрополиту Серафиму, — «то Государь Императоръ, принявъ съ благоволеніемъ таковой выборъ и приказавъ отправить сихъ студентовъ для окончательнаго образованія въ берлинскій университетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ высочайше повелѣть соизволилъ отнестись къ митрополитамъ московскому и с. петербургскому объ избраніи изъ московской и с. петербургской академій по три новыхъ студента для тойже цѣли» (1). Вновь избранные также отправлены были въ берлинскій университетъ и вмѣстѣ съ прежними начали свои занятія подъ руководствомъ знаменитаго ученаго Савиньи. Можетъ быть, вялые, неразвязные, запуганные и робкіе—эти духовные воспитанники на первыхъ порахъ не производили такого сильнаго впечатлѣнія на своихъ иноземныхъ профессоровъ, какое производятъ за-границей нынѣшніе бойкіе и самоувѣренные русскіе студенты—физики и химики, «которыми наполненъ Гейдельбергъ и которые, удивляя на первыхъ порахъ наивныхъ нѣмецкихъ профессоровъ своимъ трезвымъ взглядомъ на вещи, впоследствии удивляютъ тѣхъ же самыхъ профессоровъ своимъ совершеннымъ бездѣйствіемъ и абсолютною лѣнью, которые, не умѣя отличить кислорода отъ азота, исполнены однако отрицанія и самоуваженія» (2). По окончаніи сво-

(1) Исторія С.П.Б. Д. академій, стр. 388 и 389.

(2) Русскій Вѣстн. 1862 г. кн. 2-ая стр. 662. Снимаемъ съ себя от-

его ученія за границей, бывшіе духовные воспитанники возвратились въ отечество и оказали несомнѣнную пользу отечественной наукѣ. Сначала Сперанскій хотѣлъ было оставить ихъ на службѣ при 2 отдѣленіи канцеляріи Его Величества и въ тоже время профессорами при здѣшнемъ университетѣ: но министерство народнаго просвѣщенія настояло на томъ, чтобы равослать ихъ профессорами по разнымъ русскимъ университетамъ. Въ исторіи отечественныхъ университетовъ не забудутся имена И. И. *Крылова* и С. И. *Орнатскаго*, орд. профессоровъ московскаго университета, А. А. *Федотова-Чеховскаго* и С. О. *Богородскаго*, орд. профессоровъ кіевскаго университета, А. В. *Кукицына*, орд. профессора и декана харьковскаго университета, и наконецъ самаго знаменитаго русскаго законовѣда К. А. *Неволина*, орд. профессора сперва кіевскаго, а потомъ петербургскаго университета. *Энциклопедія Законовѣденія Неволлина*, — сочиненіе, которому подобнаго не было въ то время не только на нашемъ языкѣ, но котораго въ такомъ объемѣ не представляла да и теперь еще не представляетъ ни одна иностранная литература ⁽¹⁾, — вслѣдствіе разбора ея въ вѣмецкомъ лейпцигскомъ жур-

---

вѣтственность за такой строгій приговоръ, онъ произнесенъ писателемъ свѣтскимъ—именно Тургеневымъ. Этотъ поэтъ и въ его прежнихъ твореніяхъ и въ последнемъ, изъ котораго мы и взяли приведенныя слова, вмѣстѣ съ другими русскими поэтами, служить доказательствомъ высказаннаго нами въ первой статьѣ мнѣнія, что «литература восприимчивой цивилизаціи обнаруживаетъ свою самостоятельность раньше всего въ поэзіи». Святую правду о направленіи и состояніи образованнаго нашего общества высказываютъ у насъ издавна поэты, а потомъ уже она подхватывается публицистами и утверждается ими.

(1) Отзывъ опять не нашъ. См. Сочин. Невол. Предисл. стр. XIII.

нагѣ приобрѣла славу автору въ Германіи и Голландіи и вызвала отзывъ полный уваженія отъ учителя его Савиньи. Къ праху Неволина, скончавшагося 1855 г. «*не заростетъ тропа*», протоптанная провожавшими его почитателями и учениками; имя его будутъ произносить съ уваженіемъ отдаленные—будущіе русскіе законовѣды.—Рядъ лицъ, уступленныхъ духовными академіями университетамъ отечественнымъ, достойно заканчиваетъ П. Юркевичъ.—Оставляя эти фактическія указанія, сдѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній.

Едва ли когда нибудь будетъ возможность опредѣлить количество лицъ, послѣ Петровой реформы вышедшихъ изъ духовнаго званія въ свѣтское,—лицъ, которые получили или только начали свое образованіе въ духовныхъ заведеніяхъ и на средства духовенства, потомъ употребили свои способности и свои знанія на пользу свѣтской наукѣ и свѣтскому обществу. Не многихъ мы поименовали, имена другихъ опустили, чтобы не вдаваться въ большія частности, наконецъ большая часть именъ такихъ лицъ намъ неизвѣстна,—да простятъ они намъ наше невѣжество относительно ихъ неблестательныхъ, но честныхъ и посильныхъ услугъ русской цивилизаціи, точно также, какъ мы прощаемъ тѣмъ изъ нашего же сословія вышедшимъ литераторамъ, которые, стыдась какъ будто своего происхожденія и желая по видимому замаскировать его, находятъ особенное удовольствіе и славу для себя—злобно глумиться надъ Вѣрой и духовенствомъ, называя Вѣру—суевѣріемъ и баснями, а духовенство—старообрядческой кастой и темнымъ царствомъ, въ которое не проникаетъ ни одинъ лучъ свѣта и новаго знанія. Много есть въ настоящее время се-

мействъ, принадлежащихъ къ свѣтскому цивилизованному обществу, которыя своими фамиліями только даютъ знать, что первый цивилизованный предокъ ихъ былъ кутейникъ или семинаристъ. Лицъ съ фамиліями, произведенными отъ православныхъ праздниковъ, отъ селъ съ церквами, отъ греческихъ и латинскихъ словъ (смотрители нашихъ училищъ, любившіе и знавшіе эти языки, любили часто показывать свое вдохновеніе и остроуміе—въ назначеніи вновь привозимымъ ученикамъ латинскихъ и греческихъ фамилій: каллистовыхъ, аристовыхъ, аргентовыхъ, гиларовыхъ и т. п.), отъ наименованій духовныхъ должностей (дьяковыхъ, поповыхъ, діаконовыхъ), много можно найти въ современномъ цивилизованномъ свѣтскомъ обществѣ и между литераторами, и между профессорами университетовъ, между докторами, между студентами медицины и университетовъ, между воспитанниками гимназій, и между чиновниками—начиная съ департаментовъ, продолжая разными палатами, правленіями, удѣльными конторами и оканчивая станціонными смотрителями и письмоводителями при становыхъ: навѣрно уже гораздо больше въ нашемъ образованномъ обществѣ лицъ съ такого рода фамиліями, чѣмъ съ фамиліями нѣмецкими и французскими, хотя у насъ и принято за правило приписывать развитіе и успѣхи послѣ—петровской цивилизаціи заморскимъ наставникамъ. Фактъ—очень знаменательный для историка нашей цивилизаціи, и тѣмъ страннѣе для насъ слѣдующее явленіе въ современной литературѣ. Лицъ грязныхъ, пропитанныхъ началами трактирной цивилизаціи, вошло въ нѣкоторыхъ журналахъ, очень распространенныхъ къ несчастію, въ обычай называть фами-

ліями, прозвученими отъ праздничновъ и молитвъ церковныхъ. Да простятъ Господь это глумленіе и надъ народной святыней и надъ главными, можетъ статься, дѣятелями отечественной цивилизаціи, а публика пусть продолжаетъ восхищаться такимъ дешевымъ остроуміемъ своихъ современныхъ просвѣтителей и любимцевъ! Надѣмся, наступитъ время, когда читающая публика будетъ повзыскательнѣе, остроуміе писателей—поостроумнѣе и поглубже, и когда, наконецъ, знакомство съ судьбами русской послѣ-петровской и до-петровской цивилизаціи пошире и обстоятельнѣе. Тогда, можетъ быть, даже не *можетъ быть* только, а тогда *безъ сомнѣнія* отдадутъ должное и цивилизаторской дѣятельности отечественнаго духовенства, тогда фамиліи николевскихъ, трощинныхъ, успенскихъ, аргентовыхъ и аврориныхъ и т. п. перестанутъ въ лицахъ свѣтскихъ вызывать аристократическо-саркастическую улыбку, а лица, носящія подобныя прозвища, не будутъ больше красѣть и стыдиться своихъ праздничныхъ и греко-латинскихъ фамилій, какъ какого нибудь преступленія. Можетъ быть—вслѣдъ за болѣе точнымъ знакомствомъ съ судьбами и двигателями отечественной цивилизаціи—и наши будущіе беллетристы лучшихъ лицъ въ своихъ будущихъ романахъ, повѣстяхъ и разсказахъ назовутъ вознесенскими, поповыми или ключаревыми, и на такихъ—то лицахъ съ такими фамиліями, какъ на самыхъ поэтическихъ и самоотверженныхъ труженикахъ просвѣщенія и исповѣдникахъ гуманности,—будутъ отдыхать и сами писатели и ихъ будущіе читатели...

СТАТЬЯ 3-Я.

Общественныя и литературныя явленія послѣднихъ годовъ; недавно господствовавшія модныя воззрѣнія на духовенство; переворотъ въ воззрѣніяхъ и причины его; содержаніе нѣсколькихъ послѣдней статьи о духовенствѣ и его цивилизаторской дѣятельности.—Положеніе духовенства относительно правительства: сужденія объ этомъ литературнаго органа московской духовной академіи; наши замѣчанія о вредныхъ слѣдствіяхъ подобнаго положенія—для духовенства и его бытія.—Положеніе духовенства относительно общества: есть ли общество для сельскаго духовенства? духовенство уездныхъ городовъ, малочисленность уезднаго общества и отношеніе къ нему духовенства; сношенія между членами самаго духовенства и обстоятельства, уменьшающія пользу отъ этихъ сношеній; отношеніе образованнаго общества столичныхъ и губернскихъ городовъ къ духовенству,—господство въ средѣ этого общества модныхъ воззрѣній на церковь и духовенство; холодность къ интересамъ въры въ самомъ духовенствѣ и объясненіе происхожденія ея; необходимость перемѣнить духовенству характеръ своей дѣятельности.—Положеніе духовенства относительно простаго народа: тѣсная связь духовенства съ народомъ; внутреннее основаніе этой связи; внѣшнія обстоятельства, поддерживающія связь духовенства съ простымъ народомъ; постоянное, часто безсознательное, цивилизующее вліяніе духовенства на простой народъ; мѣшаетъ ли этому вліянію и въ какой мѣрѣ семинарское воспитаніе; количество образуемыхъ въ семинаріяхъ лицъ превышаетъ запросъ на нихъ,—слѣдствія этого; трудности пастырскаго служенія въ селахъ и улушъ лицъ, несущихъ это служеніе, отечественному проиравссу; надежды на облегченіе въ будущемъ трудностей—вслѣдствіе освобожденія крестьянъ и ихъ образованія; школы для простаго народа. заведенныя и заводимыя духовенствомъ: уменьшается ли заслуга духовенства отъ того, что оно завело школы по предписанію своего начальства.—Мнѣнія «Современной Лѣтописи» и «Дня» о переживаемой отечествомъ эпохѣ: чего духовенство въ такую эпоху должно ожидать отъ

правительства и отъ литературы, и идъ ему больше всего предстоитъ сдѣлать въ пользу народнаго благоденствія.—Позднѣйшая замѣтка о положеніи духовенства въ 1863 году.

Нѣтъ такой истины, которой кто нибудь не отрицалъ бы; нѣтъ такого добраго человѣка, котораго кто нибудь не ругалъ бы; нѣтъ такой недѣльности, которой кто нибудь не считалъ бы настоящей истиной, и нѣтъ пошлаго человѣка, который бы не имѣлъ поклонниковъ и почитателей. Все это въ порядкѣ человѣческой природы—конечной и способной заблуждаться и ошибаться, и въ порядкѣ жизни человѣческой съ начала до конца міра. Но бываютъ времена, когда только любимыя, лелѣемыя, лстящія затаеннымъ думамъ и наклонностямъ большинства, мысли считаются за истину, когда извѣстныя антипатіи вмѣсто разсудка и точнаго опыта заправляютъ печатнымъ и устнымъ судомъ о людяхъ и ихъ дѣлахъ, когда люди одинъ передъ другимъ стараются отличиться въ непомѣрной хвалѣ однихъ и въ озлобленномъ порицаніи другихъ. Люди въ этомъ случаѣ теряютъ, такъ сказать, свою личность, свое отдѣльное сознаніе, живутъ общею жизнію, уносятся ея порывами и тонутъ въ ея водоворотѣ; голова и сердце бываютъ у всѣхъ какъ будто общія. Много нужно самостоятельности мышленія, много нужно твердости воли и убѣжденій, чтобы среди этой суматохи найтись и во время остановиться, когда всѣ бѣгутъ куда-то, и ушедшіе впередъ хвастаются своими успѣхами, а оставшіеся назадъ изо всѣхъ силъ догоняютъ и готовы затоптать человѣка, ставшаго имъ поперегъ дороги и рѣшившагося подумать, бѣжать ему дальше или остановиться и отдохнуть.

Всѣ эти общія мысли пришли намъ въ голову, когда мы оглянулись на близкое прошлое и представили себѣ страшную суматоху въ общественной и литературной жизни послѣднихъ годовъ. Никогда столько нелѣпостей не выдавалось и не принималось за непреложныя истины, никогда клевета не встрѣчала такого общаго довѣрія, никогда самыя свѣтыя истины не находили такъ мало защитниковъ, никогда судъ о людяхъ и ихъ дѣлахъ не бывалъ такъ односторонень и несправедливъ. Согласно хоромъ пѣлись хвалебныя пѣсни молодому поколѣнію и его будущности; съ особеннымъ постоянствомъ, какъ будто получая за это жалованье, восторгались всякой строчкой *заморскаго оракула*, замѣнившаго—было для извѣстнаго класса читателей евангеліе своимъ звонкимъ «*колоколомъ*»; подъ его управленіемъ — распѣвали его же аріи, ругая Вѣру, Церковь, бракъ, собственность, существующій образъ правленія. Самые защитники того или другаго учрежденія, которыхъ на защиту вызывало ихъ официальное положеніе, какъ-то особенно мягко и нѣжно опровергали обвинителей и не охотно вступались за то, чему служатъ; случалось такъ же, что къ защитѣ противъ извѣстныхъ нападеній они сами, чтобы не отстать отъ своихъ обвинителей, присоединяли нѣсколько новыхъ обвиненій противъ защищаемой стороны, такъ что ихъ противники не знали, кто передъ ними—друзья или враги, и охотно хвалили передовыя—прогрессивныя тенденціи въ самыхъ врагахъ своихъ. Странное было время; мало было смѣльчаковъ, выступавшихъ съ крѣпкимъ словомъ убѣжденія противъ модныхъ мыслей, съ словомъ неодобренія и сожалѣнія—къ заблужденіямъ кричавшей толпы; эти достойныя лица забрызгивались грязью кле-

вотъ, ихъ домашній бытъ выдавался на позоръ міру, имъ грозили даже палками. Суматоха улеглась или улегается, воздухъ становится чище, теперь робкіе становятся смѣлыми, а смѣлые повторяютъ ученія, робко высказывавшіяся прежде и считавшіяся отсталыми.

Переворотъ быстръ. Но для этого переворота нужны были страшные пожары, нужно было вынаружиться безобразію многихъ истинъ, считавшихся за аксіомы. Пользовавшаяся привилегією на общія похвалы молодежь подвергается уже порицаніямъ не только въ обществѣ, но и въ литературѣ, которая прежде такъ слѣпо хвалила все въ ней; и даже, — какъ все вѣснчиво на свѣтѣ! — англійскій колоколъ, сзывавшій все молодое на рѣзню всего стараго въ Россіи, на звонъ котораго, точно солдаты на барабанный бой тревоги, тысячи бѣжали безъ оглядки, даже самъ пономарь и состоящіе при немъ звонари, звонившіе въ этотъ колоколъ, подверглись печатному осужденію, названы *безчестными* и въ приговорѣ дано имъ лишь право, съ обычнымъ въ подобныхъ случаяхъ русскимъ милосердіемъ, для избѣжанія казни обозвать себя *помѣшанными*. О людяхъ, своими *опасными* занятіями возбуждавшихъ нѣкогда сочувствіе въ обществѣ, теперь лишь сожальютъ, какъ о жертвахъ обмана со стороны разныхъ интригановъ, и какъ о слѣпыхъ орудіяхъ въ рукахъ *генерала отъ революціи*, стоящаго вѣв выстрѣловъ, мужественно проливающаго *чужую* кровь и призывающаго новыя массы для этого безцѣльнаго кровопролитія. Пожары петербургскіе своимъ дымомъ прогнали отъ русскихъ головъ наносную чуму революціи и умственнаго одурѣнія. Онѣ прозрѣли и выздоровѣли для суда надъ

своими прежними авторитетами, для болѣе безпристрастнаго различенія честнаго писателя отъ вздорнаго говоруна, клеветы отъ истины.

Когда мы писали свои первыя статьи въ защиту духовенства, общественное мнѣнiе, на сколько оно выражалось въ литературѣ, было въ самой сильной степени возбуждено противъ него. Тогда такіе неглѣпныя извѣсты, какъ «*Одна изъ Распъ*» г. Пiотровскаго, принимались безъ повѣрки и считались за безъапелляціонный приговоръ суда присяжныхъ. Тогда, идя послѣдовательно, матеріалистическо—соціалистическіе органы нашей журналистики доводили общественную мысль до худо скрытаго подъ строками заключенія, что духовенство не только наше отечественное, но вообще духовенство, какъ классъ служителей вѣры и совершителей таинствъ и богослуженія, составляетъ для настоящаго времени анахронизмъ, что это одинъ изъ остатковъ суевѣрной темной старины, что это сословіе рѣшительно бесполезно, потому что высшихъ религіозныхъ интересовъ у человѣка нѣтъ, мало этого, оно вредно успѣхамъ прогресса, потому что оно своимъ ученіемъ лишь омрачаетъ умы народа. Тогда духовенство, какъ говорятъ ученые, отвергалось литературою *въ принципъ*, и православные священники, будь они чисты, какъ ангелы, учены, какъ самый ученѣйшій изъ русскихъ публицистовъ, проповѣдывавшихъ подобныя ученія, честны на столько, на сколько можно быть человѣку честнымъ, все таки выходили сословіемъ лишнимъ, и должны были бы идти или въ каменьщики, или въ пивовары, потому что они тогда все таки были бы полезнѣе. Споръ защитниковъ духовенства съ противниками и порица-

телями переходилъ прямо изъ области частнаго спора, изъ-за частныхъ обвиненій, въ область спора между двумя школами: философіи матеріалистической и спиритуалистической, атеистической и теистической. Но, по особеннымъ обстоятельствамъ русскаго печатнаго слова, литература наша не ставила этихъ вопросовъ о духовенствѣ такъ прямо и рѣзко, какъ того требуетъ послѣдовательная логика. Матеріалисты не договаривали своихъ послѣднихъ выводовъ касательно духовенства, публика была довольна снисходительностію ихъ и ихъ непослѣдовательность принимала за гуманность и терпимость: защитники духовенства опровергали то, что прямо говорилось о духовенствѣ ложнаго или преувеличеннаго, какъ бы боясь выставить наружу послѣдній выводъ модной философіи и вооружиться противъ ея началъ, необходимо ведшихъ къ такому выводу. Люди имѣютъ удивительную способность обманывать самихъ себя. Они принимаютъ и рукоплещутъ началамъ, и трусливо пятятся назадъ, лишь только увидятъ честный и откровенный выводъ всѣхъ слѣдствій изъ этихъ началъ. Соціалистическія и матеріалистическія начала проповѣдывались и принимались за послѣдніе результаты общечеловѣческаго развитія: но какъ скоро *«Молодая Россія»* — одна изъ прокламацій — честно и прямодушно досказалась до послѣднихъ выводовъ, необходимо слѣдовавшихъ изъ началъ, какъ послѣдовалъ отливъ сочувствія къ самымъ началамъ. Церковь и Вѣра, а съ ними и духовенство давно уже отвергались въ принципѣ, и никто изъ самыхъ ревностныхъ и изъ самыхъ проницательныхъ защитниковъ ихъ не возвысилъ голоса противъ такого отверженія: но когда послѣднее издѣліе подпольныхъ

типографскихъ станковъ сказало, что Бога нѣтъ, что Вѣра и Церковь не нужны, общество отшатнулось и сперва какъ то робко, а потомъ чѣмъ дальше, тѣмъ смѣлѣе заговорило за Бога, за Церковь, за духовенство. Самые рьяные тогда присмирѣли, нѣкоторые, прежде изъ-подъ-тишка издѣвавшіеся надъ Вѣрой, Церковію и духовенствомъ, журналы вдругъ перемѣнили тонъ, робкіе защитники сдѣлались смѣлыми, — «День» и «Домашняя Бесѣда» какъ будто передали свой духъ всѣмъ журналамъ. Въ первой статьѣ мы выразили убѣжденіе, что какъ всякое направленіе начинаетъ уже переставать въ жизни, какъ скоро оно сознается философскимъ манеромъ и возводится въ теорію, такъ точно будетъ и съ философіей матеріалистической, что стѣдуетъ только этой философіи досказаться до послѣднихъ заключеній, подразумеваемыхъ этой теоріей, какъ кредитъ къ ней упадетъ ⁽¹⁾. Наши надежды исполнились. И «Молодая Россія», бывшая теоретическимъ торжествомъ социалистическо-материалистической философіи, на практикѣ послужила къ ниспроверженію ея ученій, потому что прокламація не остановилась на полдорогѣ.

Между второй нашей статьей и настоящей прошло не много времени, а между тѣмъ многія побужденія, прежде водившія нашимъ перомъ, уже потеряли современность и силу. Прежде мы говорили противъ невѣжества озлобленныхъ враговъ духовенства, теперь должны говорить иногда противъ невѣжества услужливыхъ друзей. Прежде мы защищались и борьба давала одушевленіе, теперь будемъ лишь холодно

---

(1) См. стр. 62 и 65.

налагать положеніе духовенства, его настоящій бытъ, его совершенства и недостатки, чтобы понять современное его значеніе въ цивилизаціи русской, причиноу уменьшенія значенія въ извѣстныхъ слояхъ общества и опредѣлить главное мѣсто его цивилизаторской дѣятельности.

Каково положеніе русскаго духовенства относительно правительства? Прекрасныя строни глубокаго пониманія положенія духовенства относительно правительства находимъ мы въ *«Твореніяхъ святыхъ отцовъ»* ⁽¹⁾. «Когда Петръ первый издалъ указъ, запрещающій монаху держать у себя въ кельи перо и чернила; когда тотъ же государь унаоумъ повелѣлъ, чтобы духовный отецъ открывалъ уголовному слѣдователю грѣхи, сказанныя на исповѣди: духовенство должно было почувствовать, что государственная власть отсель становится между нмъ и народомъ, что она беретъ на себя исключительное руководительство народною мыслію и старается разрушить ту связь духовныхъ отношеній, то взаимное довѣріе, какое было между паствою и пастырями. Духовенство повало, что дѣйствовать своимъ духовнымъ вліаніемъ для него отсель не безопасно».

«Когда послѣдовало отнятіе церковныхъ имуществъ (не однихъ крестьянъ, но и земель) и за отнятые рубли духовенство вознаграждено было грошами; когда пріобрѣтеніе новыхъ имуществъ для церкви намѣрено было обставлено разными затрудненіями; когда надъ оставшимися имуществами контроль все болѣе и болѣе

(1) 2 книжка 1862 г.

уснаивался, распоряженіе ими все болѣе и болѣе централизовалось; когда часть церковныхъ имуществъ стала употребляться на потребу не чисто церковную: духовенство должно было почувствовать, что и у собственныхъ средствъ оно не хозяйнѣ, а только приставникъ; что оно не можетъ отселѣ ни задумать назначенія своимъ средствамъ, ни тѣмъ менѣе ручаться, что первоначальное назначеніе устоитъ долгое время. Духовенство поняло, что отселѣ властно оно безъ всякой помѣхи пригласить пожертвователя развѣ только на позлащеніе церковной крыши или возведеніе ограды, безъ увѣренности впрочемъ, что крыша и ограда навсегда сохранять свое назначеніе» (1).

«Когда духовенство видитъ, что законодательство сначала можетъ быть намѣренно, а за тѣмъ и безсознательно, слѣдуя старому порядку, съ обидвой послѣдовательностію проводить такое правило: »духовное лице православнаго исповѣданія за свое служеніе не должно быть ничѣмъ вознаграждаемо, либо должно получать вознагражденіе несравненно меньшее, чѣмъ лица свѣтскія или духовныя, но не православныя, стоящія на тѣхъ же самыхъ должностяхъ» (2): къ какому заключенію должно

---

(1) «При двукратномъ сокращеніи числа монастырей, нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, были обращены въ казармы и другія вовсе не церковныя зданія».

(2) «Нужно сравнить только: содержаніе профессоровъ и учителей въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ съ содержаніемъ университетскихъ профессоровъ и гимназическихъ учителей, содержаніе православныхъ духовно-учебныхъ заведеній, вообще, съ содержаніемъ подобныхъ заведеній католическихъ; жалованье православныхъ священниковъ при полкахъ и жалованье лютеранскихъ пасторовъ на тѣхъ же самыхъ должностяхъ. Стоитъ обратить вниманіе и на то, что законоучителю вездѣ полагается жалованье меньшее, чѣмъ прочимъ наставникамъ въ томъ же заведеніи и проч.»

приходить духовенство? Къ тому, безъ сомнѣнія, что оно есть сословіе, намѣренно униженное, на которое сама государственная власть смотритъ съ презрѣніемъ, и единственно за то, что оно вѣрше другихъ осталось священнымъ началомъ своей родины. Какой же послѣ того ждатель увѣренности или одушевленія въ дѣйствіяхъ?»

«Происходитъ ли духовное движеніе въ народѣ, законъ велитъ ставить сейчасъ между духовенствомъ и народомъ полицейскую власть, съ правомъ обиднаго надзора и съ обязанностію не менѣе обиднаго содѣйствія. Устраиваетъ ли само правительство среди народа школу, оно назначаетъ туда законоучителя, но въ рядъ съ другими ставитъ его въ положеніе чиновника, подвергнутого всѣмъ мелочнымъ формальностямъ администратіи. Самую домашнюю школу, куда крестьяне и мѣщане добровольно отдають дѣтей, духовное лицо принуждено таить отъ правительства; ибо законъ требуетъ, чтобы о каждой школѣ былъ подаваемъ отчетъ, а отчетъ предполагаетъ ревизію и вмѣшательство. Не достаточно ли однихъ этихъ причинъ, чтобы сдѣлать духовенство тѣмъ, чѣмъ оно есть къ сожалѣнію теперь? А именно: сословіемъ запуганнымъ, но вмѣстѣ жаднымъ и завистливымъ, униженнымъ, но притязательнымъ, лѣнивымъ и равнодушнымъ къ своему высшему призванію, и вслѣдствіе того и не весьма безукоризненнымъ въ образѣ жизни».

«И однако изъ всѣхъ сословій просвѣщенныхъ и полупросвѣщенныхъ наше духовенство, каково оно ни есть, есть сила наиболѣе хранительная въ государствѣ. И однако, не смотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, духовная связь между имъ и народомъ не ра-

зорвана. Но, чтобы укрѣпить эту связь, нужно под-
нять, ободрить, поощрить духовенство. Стоитъ осмот-
рѣться вокругъ себя, что сдѣлано уже и теперь при
данномъ, вообще, нѣкоторомъ просторѣ общественнымъ
силамъ. Не смотря на всѣ толки, раздающіеся въ свѣт-
ской литературѣ о необходимости народнаго образова-
нія; не смотря на воскресныя школы, открываемыя съ
такими торжественными кликами: чрезъ все это, въ сущ-
ности, дѣльнаго достигнуто очень не много, и усердіе
нашего общества, сначала казавшееся столь горячимъ,
видимо хладѣетъ. А между тѣмъ духовенство считаетъ
своихъ учениковъ уже сотнями тысячъ и безъ шума
продолжаетъ свое дѣло учительства, не имѣя матеріаль-
ныхъ средствъ и, надобно сказать правду, не встрѣчая
ни малѣйшихъ признаковъ общественнаго сочувствія.
Законодательство обязано всѣми силами споспѣшество-
вать этому благому движенію». Оканчивая эту довольно
длинную выдержку, сдѣлаемъ еще нѣсколько замѣчаній
о положеніи духовенства относительно правительства.
Трудно представить сословіе, которое не смотря на то,
что ему ввѣрены самыя высшіе интересы, было бы
больше принижено администраціей въ своемъ отношеніи
къ другимъ сословіямъ. Съ крестьянами оно не можетъ
быть самостоятельно ни въ своихъ дѣйствіяхъ, ни въ
своемъ поученіи: оно должно поддѣлываться подъ ихъ
вкусъ, подъ ихъ суевѣрія, подъ ихъ дурныя привычки,
потому что отъ нихъ оно получаетъ средства своего
содержанія. Священникъ, напримѣръ, хотѣлъ бы, чтобы
крестьяне соблюдали святость воскресныхъ и праздни-
чныхъ дней, а ихъ гонить помѣщикъ на барщину или
въ лѣсъ за ягодами въ лѣтнюю пору. Онъ скажетъ

два-три слова о томъ, что праздничный день долженъ быть посвященъ Богу, слова его дойдуть до помѣщика, и священника формально обвиняють въ возбужденіи крестьянъ къ неповиновенію. Станеть ли онъ вооружаться противъ пьянства, его сперва ласкательствами, потомъ доносами останавливаютъ питейные агенты. У священника есть земля, есть семья; прихожане и рады были бы помочь ему убрать хлѣбъ или скосить сѣно, да у нихъ три дня занято помѣщичьей работой, и три своей. Священнику остается праздничный день у прихожанъ и онъ собираетъ на *толку* мужиковъ именно въ праздничный день, богоугодному превращенію котораго онъ обязанъ былъ бы и словомъ и дѣломъ поучать своихъ пасомыхъ, и однакожь вынужденъ поучать противоположному. А праздники деревенскіе! Сколько они представляютъ если не неотразимыхъ, то очень сильныхъ и потому многое извиняющихъ искушеній для причта. Это хожденіе со святой водой мимо хороводовъ, орлянокъ, другихъ разнаго рода игръ, мимо кучъ выпившихъ мужиковъ, сопровождающееся безотвязными умаливаніями со стороны хозяевъ — особенно зажиточныхъ—выпить и закусить: сколько здѣсь бываетъ смѣси святаго съ грязнымъ, сколько молодыхъ непьющихъ ничто священниковъ и причетниковъ были вынуждены колѣнопреклонными мольбами прихожанъ въ первый разъ взять въ руки сосуды съ зельемъ, впоследствии ставшимъ для нихъ потребностію, причиною несправностей, нерадѣнія о своемъ дѣлѣ, заглупленія вкуса къ чтенію и образованію себя, и наконецъ причиною отставленія отъ мѣста. А между тѣмъ упорно отказываться отъ крестьянскихъ угощеній, самыхъ ра-

душныхъ и самыхъ неотвязчивыхъ, считается приходами за проявленіе гордости въ священникѣ и причтѣ, отталкивающей ихъ отъ священнослужителей. Кто взвѣситъ всѣ эти обстоятельства, въ какихъ поставлено было духовенство къ помѣщикамъ и другимъ начальствующимъ лицамъ, не исключая бурмистровъ, старостъ и писарей, и къ народу: тотъ затруднится бросить камень осужденія одинаково какъ въ робкаго и уступчиваго, такъ и въ нетрезваго священнослужителя. Тѣсно имъ было отсюда и пріятно оно. Мудрено ли, что слово святой вранды и вротнаго обличенія смелкло среди духовенства, и что нѣкоторые, хоть и не значительные по количеству, экземпляры духовенства страдаютъ нѣкоторыми болѣзнями, происходящими отъ нечистой окружающей ихъ атмосферы.

Стѣсненное такими обстоятельствами, духовенство въ странномъ положеніи находится къ *обществу*, т. е. къ болѣе или менѣе образованнымъ классамъ русскаго народа. Для большинства русскаго духовенства, именно для всего сельскаго духовенства, *общество* не существуетъ, или почти не существуетъ. Оно живетъ и дѣйствуетъ среди безграмотнаго, совершенно необразованнаго народа. Въ рѣдкихъ мѣстахъ живутъ помѣщики, а еще болѣе рѣдкіе случаи, чтобы помѣщики снисзли до того, чтобы принять мѣстнаго священника, — о діаконѣ и дьячкахъ уже не говоримъ, — въ свое общество. Образованные болѣе или менѣе лица являются въ деревняхъ мелькомъ, то на слѣдствія, то проѣдомъ. Между тѣмъ у священниковъ есть и сознаются ими интересы духовные и общественные; между тѣмъ имъ, какъ всякому образованному человѣку, необходимъ образова-

ный кругъ, въ которомъ бы они могли прислушаться къ понатіямъ и воззрѣніямъ другихъ лицъ и подѣлится своими думами. Болѣе или менѣе частыя сношенія съ лицами образованными научали бы ихъ болѣе или меньшей изящности обхожденія, чистотѣ разговорнаго языка, опрятности въ одеждѣ, развивали бы кругъ ихъ воззрѣній, не давая уснуть мысли и потеряться всякому стремленію къ самоусовершенствованію и самообразованію. Духовенство часто обвиняютъ въ грубости манеръ, въ неопрятности, въ запуганной робости: но, спрашиваемъ, вѣдь эти блага не прирождены, а развиваются окружающею средою?—Кто можетъ смягчить манеры сельскаго духовенства, научить его — вести себя съ приличнымъ достоинствомъ и свободою, когда всей жизни его суждено проходить въ сношеніяхъ съ грубыми, запуганными и грязными крестьянами? А между тѣмъ въ причтахъ замѣтно повсюду хотя безсознательное уваженіе къ болѣе цивилизаціи, къ болѣе образованности: священники, діаконы и причетники съ удовольствіемъ знакомятся и съ радушіемъ принимаютъ офицеровъ, которымъ приходится квартировать по близости, фелдфебелей, писарей полковыхъ; оттолкнутые и презираемые помѣщиками, они охотно знакомятся съ дворецкими, съ лакеями ихъ, уважая въ нихъ болѣе выдержку внѣшнихъ манеръ и болѣе чистые костюмы. Не скроемъ, иногда именно эти связи съ полуобразованными лицами ведутъ къ болѣе огурубнѣнію духовенства: но чтожь дѣлать, когда лица, стоящія болѣе высоко въ отношеніи къ усвоенію плодовъ цивилизаціи, или живутъ далеко, или хотя близко, но держатъ себя далеко отъ духовенства!...

Въ нашихъ уѣздныхъ городахъ положеніе духовенства относительно общества измѣняется не много. Общество собственно и здѣсь существуетъ въ очень ограниченномъ количествѣ. Городничій, исправникъ, десятокъ чиновниковъ, два три инвалидныхъ офицера, десятка два купцовъ: вотъ весь составъ общества уѣзднаго города для пяти—двадцати священниковъ; да еще развѣ смотрители и учителя уѣздныхъ и духовныхъ училищъ, если есть училища въ городѣ. Но лица начальствующія, лица болѣе или менѣе достаточныя, точно также, какъ въ деревняхъ помѣщики, держатъ себя и въ уѣздныхъ городахъ на благородной дистанціи отъ духовенства и допускаютъ до себя раза два-три въ годъ, въ большіе праздники, для служенія молебновъ и—по поводу семейныхъ событій—для крестинъ, похоронъ и т. д. Купцы и мѣщане—тѣ охотнѣе поддерживаютъ сношенія съ священниками и охотнѣе вступаютъ въ болѣе или менѣе частыя сношенія съ своимъ духовенствомъ. Городское духовенство большею частію не получаетъ жалованья, и содержится пожертвованіями за требоисправленія. А надобно сказать правду, что, какъ ни скудно содержаніе уѣзднаго городского духовенства,—все-таки оно собирается главнымъ — да почти что исключительнымъ — образомъ съ мѣщанъ и купцовъ. Очень естественно священнику сближаться съ тѣми, которые даютъ ему средства содержанія для него и его семейства. Предоставляемъ всѣмъ обвинителямъ духовенства—посудить самимъ, на сколько благопріятствуетъ городскому уѣздному духовенству—облагородить свои виѣшнія манеры и внутренній свой духовный строй—общество уѣздныхъ городовъ, котораго одна половина отшатывается отъ него сама и ничѣмъ

почти не заставляет сблизаться съ нею, а другая, — будучи болѣею частію ниже духовенства по образованію, можетъ лишь припнжать его — тѣмъ болѣе, чѣмъ чаще и тѣснѣе оно станетъ съ нею обложаться.

И то и другое духовенство — и сельское и городское — отдаленное отъ возвышающахъ и цивилизующихъ вліяній общества, кто знаетъ, какъ далеко могло бы загодить по пути одичанія, если-бы оно, хоть не часто, не сходилось съ членами своего же сословія — то на приходскихъ праздникахъ, то на семейныхъ торжествахъ своихъ. Равные, вообще говоря, по образованію, съ одинаковыми призваніями дѣятельности, съ одинаковыми воспоминавіями о своихъ школьныхъ и дѣтскихъ годахъ — духовные съ удовольствіемъ проводятъ время вмѣстѣ, и могли-бы и съ болѣею пользою собираться другъ къ другу, если бы стороннее, болѣе цивилизованное и благо-рожденное — общество своимъ вліаніемъ возвысило и облагородило ихъ вкусъ къ лучшимъ удовольствіямъ, если бы постоянное презрѣніе высшихъ къ ихъ званію не охлаждало ихъ ревности и уваженія къ прямымъ своимъ занятіямъ, и еслибы между духовными поменьше была развита страсть доносить другъ на друга и добровольно стѣснять и безъ того ограниченный кругъ знакомства.

Отношеніе духовенства губерискихъ и столичныхъ родовъ къ мѣстнымъ образованнымъ людямъ страдаетъ отъ другихъ причинъ. Въ первой статьѣ своей мы уже указали эти причины, когда рѣшали вопросъ: «откуда и какъ образовалось въ образованномъ русскомъ сословіи то пренебреженіе, часто переходящее въ болѣе сильное и положительное чувство къ церкви и духовенству — въ ненависть?» Мы указали тамъ, что начиная съ

Петра Великаго чѣмъ дальше, тѣмъ все сильнѣе и острѣе становилось пренебреженіе къ духовенству, что сначала это было безсознательнымъ рабскимъ подражаніемъ презрѣнію западныхъ народовъ къ ихъ духовенству, потомъ оно стало презрѣніемъ, основаннымъ на началахъ французской энциклопедической философіи, презрѣніемъ богатыхъ и независимыхъ лицъ къ бѣднымъ и пресмыкающимся, наконецъ стало презрѣніемъ, основаннымъ на принимаемой модною матеріалистическою философіею за несомнѣнную той истинѣ, что вѣра—сборъ суевѣрій, а духовенство — *темная*, омрачающая народное сознаніе, *каста*. Въ такомъ положеніи находятся или по крайней мѣрѣ весьма и весьма недавно стояли многіе изъ образованныхъ людей обществъ губернскихъ и столичныхъ городовъ къ Вѣрѣ, Церкви и духовенству. Тогда не рѣдкость было услышать отъ молодого ученаго, разбирающаго и рѣшающаго не задумываясь самые сложные вопросы иностранной и внутренней политики, что для него, какъ для Боккля, непонятно, какъ это умные люди могутъ еще поступать въ духовное сословіе, когда отечественный — общественный прогрессъ такъ нуждается въ образованныхъ дѣтеляхъ, что чѣмъ служить панихиды, да молебны, да проповѣдывать истины или извѣстныя испоконъ вѣка, или столь же бесполезныя, какъ рѣшеніе вопроса *о происхожденіи Руси* и *о Ярославль серебрь*, лучше бы духовнымъ для блага общества сдѣлаться земледѣльцами, каменотесами, духовно-учебныя заведенія закрыть или присоединить къ свѣтскимъ, а изъ свѣтскихъ изгнать преподаваніе вѣры. Дивная была пора, существованію которой наши потомки въ XX столѣтіи

съ трудомъ повѣрять!.. А между тѣмъ современное поколѣніе признавало полную законность подобныхъ воззрѣній на духовенство, между тѣмъ число недоброжелателей его расле въ быстрой прогрессіи, между тѣмъ школьникъ, едва выучившійся читать, признакомъ своей неотсталости считалъ не слушать лекцій по Закону Божію, поиздѣваться надъ храмомъ и святынями, ругнуть «вопа» и «семинариста», между тѣмъ вражда и презрѣніе къ духовенству изъ свѣтскихъ образованныхъ кружковъ проникали въ самое духовное сословіе — въ молодыхъ наставниковъ и молодыхъ учениковъ и вели ихъ къ полному самоосужденію себя и къ безудловному удивленію къ свѣтскимъ учебнымъ заведеніямъ и къ свѣтской наукѣ, между тѣмъ предъ этимъ натискомъ извнѣ — предъ этой измѣной внутри себя, духовныя лица, имѣвшія въ самомъ своемъ званіи побужденія, въ своемъ положеніи возможность — отражать клеветы и нападенія, смолкли или изрѣдка и то какъ-то уклончиво и особенно ласково проговаривали нѣсколько апологетическихъ сентенцій, и всегда считали своимъ долгомъ и въ обществѣ и въ печати напасть на смѣльную и мужественную статью за вѣру и духовенство. Фактъ замѣчательный, и на немъ не мѣшаетъ остановиться. Откуда это равнодушіе въ отечественномъ духовенствѣ къ интересамъ Вѣры, надъ которою ругались, къ своимъ собственнымъ интересамъ, тѣсно и неразрывно связаннымъ съ Вѣрою и общественнымъ уваженіемъ къ ней? Отъ чего это западное духовенство отличается такою энергіею въ подобныхъ дѣлахъ, отъ чего, напримѣръ, не смотря на вопли и протесты общественного мнѣнія, французское духовенство такъ крѣп-

ко защищает пану, — отъ чего оно такъ уворно могло не давать одному знаменитѣйшему гебраисту Ренау занять мѣсто профессора въ College de France, потому только, что онъ рационалистъ, отъ чего Шенкель и богословская партія въ Гейдельбергѣ оказались довольно энергичными для того, чтобы начать борьбу съ популярнѣйшимъ профессоромъ университета Куно Фишеромъ изъ-за его противурелигіознаго направленія и изгнать его; отъ чего напр. англійскіе эссеисты не только вызвали противъ себя новую отрасль литературы—въ Англии, но ихъ еще позвали въ Court of Arch и предали суду? Отъ чего наконецъ и у насъ въ былое время противъ возникавшихъ ересей и расколовъ духовенство—менѣе образованное — выставяло тотчасъ же Дмитрія Ростовскаго, Никона, Питирима? Вопросъ, по нашему убѣжденію, важный и жизненный. Рѣшеніе его можетъ быть достигнуто историческимъ путемъ. Представимъ себѣ народъ, который защищенъ отъ нападеній другихъ народовъ пустынями или цѣпью непроходимыхъ горъ, которому нѣтъ случаевъ и побужденій упражнять свое мужество въ защищеніи своей независимости и самостоятельности; представимъ себѣ другой народъ, на примѣръ, хоть римлянъ временъ имперіи, который имѣетъ правителей и защитниковъ себѣ, у котораго вмѣстѣ съ побужденіями отняты права и обязанности самозащиты и самонаблюденія, котораго члены обезличены центральною властію: мы знаемъ, что въ томъ и другомъ случаѣ мужество и патриотизмъ слабѣютъ въ лицахъ, и народъ погружается въ апатію, лѣнливо прислушиваясь къ молвѣ о новомъ нападеніи, о новомъ врагѣ. Такъ въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній можетъ вымо-

реть мужество въ цѣлыхъ народахъ, — такъ оно вымерло въ Грекахъ съ появленіемъ и утвержденіемъ у нихъ наемныхъ войскъ. Этотъ историческій законъ одинаково ясенъ и въ исторіи Христіанской церкви. Мы изумляемся мужеству и высокой твердости епископовъ и вообще христіанъ первыхъ трехъ вѣковъ, — но не забудемъ, что они сами себя тогда должны были защищать отъ постоянныхъ нападеній и гоненій языческаго общества и правительства; въ IV вѣкѣ, послѣ объявленія христіанской вѣры господствующею, мы еще встрѣчаемъ великихъ исповѣдниковъ и защитниковъ, воспитавшихся подъ прежними обстоятельствами. Но когда власть гражданская взяла Вѣру подъ свое покровительство, уже не было прежнихъ сильныхъ побужденій епископамъ и христіанамъ зорко слѣдить за нападеніями на вѣру, внѣшними и внутренними, и величественные образы исповѣдниковъ и мучениковъ первыхъ вѣковъ встрѣчаются все рѣже и рѣже; являются тихіе отшельники, своей духовной энергіи, своей любви ко Христу поставившіе новую задачу — побѣдить и истребить въ себѣ все дурное и плотское. Приложимъ теперь эти начала къ русскому духовенству и состоянію его въ послѣднее столѣтіе, и намъ совершенно будетъ понятна его, сравнительно съ духовенствомъ другихъ странъ, холодность къ защищенію вѣры, къ своимъ собственнымъ интересамъ, и пропусканіе мимо ушей самыхъ оскорбительныхъ для него клеветъ.

У насъ съ того времени, какъ утвердилось прочное правительство, говоря прямо — со временъ Петра Великаго, все, что прежде управлялось само собою, что не входило въ кругъ общаго государственнаго управленія, хотя и не враждовало съ нимъ, было введено подъ стро-

гую форму единичнаго управленія. Духовенство поднало этой общей участи и, съ уничтоженіемъ патріаршества, получило во внѣшней сторонѣ жизни своей характеръ какъ бы чиновническій и, оставаясь самостоятельнымъ собственно въ дѣлахъ Вѣры, въ распоряженіи внѣшними своими дѣйствіями подпало одинаково со всѣми другими сословіями контролю государства. Повитое разнообразными привиллегіями, защищаемое законами, оно стало просто чиновниками вѣдомства православнаго исповѣданія и, болѣе или менѣе исправно отбывая свои прямыя— такъ сказать чиновничьи — обязанности, спокойно задремало, увѣренное, что есть кому защищать его, и протирало глаза и начинало сонливо дѣйствовать тогда лишь, когда посылался къ нему тотъ или другой указъ, разсуждая очень здраво, что безъ указа оно ничего не имѣетъ права предпринять. Съ Петра Великаго по настоящее время смѣнилось уже по крайней мѣрѣ пять поколѣній священнослужителей: новое направленіе все больше и больше въдалось въ каждое слѣдующее поколѣніе, а правительство, умножая своихъ чиновниковъ, начиная съ губернаторовъ и кончая сотскими и становыми, все больше и больше ставило надсмотрщиковъ за дѣятельностію духовенства въ видѣ впрочемъ содѣйствователей и охранителей интересовъ православной Церкви. Подобные помощники, кромѣ того, что убивали довѣренность народа къ своимъ пастырямъ, самихъ пастырей дѣлали не—предпримчивыми, лѣнивыми, какими-то машинами безъ духа и энергіи. Предпримчивый раскольничій *большакъ*, не вспомоцествуемый ни исправникомъ, ни становымъ, и именно потому, что онъ дѣйствовалъ безъ внѣшняго гражданскаго полномочія, во-

преки ему, но во имя Христово, значилъ въ глазахъ народа больше, чѣмъ священникъ господствующей церкви съ правомъ, въ случаѣ, если неискусныя его вразумленія (для *искусства* и дѣйственности вразумленій тоже нуженъ воспитанный исторією и развитый упражненіемъ навыкъ!) не вразумляли совратившихся, — пригласить полицейскую власть для вразумленія. Только въ настоящее время наше духовенство начинаетъ пробуждаться, хотя тоже большею частію по правительственнымъ распоряженіямъ; — иначе, впрочемъ, и быть не можетъ, — мы уже такъ привыкли къ нимъ и скоро отвыкнуть отъ вѣковой привычки для самостоятельной пастырской дѣятельности трудно. — Духовенству дано было правительствомъ нѣсколько примѣровъ того, какииъ вредомъ и какими опасностями для него могутъ сопровождаться утомительное бдѣніе противъ враговъ православной Церкви и непрощеная ревность по Вѣрѣ. Отъ эпохи самостоятельной дѣятельности духовенства перешло въ эпоху Петровскую и послѣ-петровскую нѣсколько самостоятельныхъ характеровъ, напоминавшихъ собою Никона. Таковы, напримѣръ, были Стефанъ Яворскій, другъ его Феофилактъ Лопатинскій и Арсеній Маціевичъ. Они были виноваты лишь въ томъ, что на дѣло Вѣры и Церкви и на свое служеніе не смотрѣли, какъ только на форму и чиновничью службу, а крѣпко принимали къ сердцу интересы православія и дѣйствовали, какъ повелѣвали имъ ихъ убѣжденія. Исторія ⁽¹⁾ *Камня Вѣры*, написаннаго противъ

---

(1) Для ознакомленія съ этой печальной «исторіей» рекомендуемъ изслѣдованія г. И. Чистовича, напечатанныя имъ въ Странникѣ (1861 г.) и въ Православномъ Обозрѣніи (1862 г. 2 №), а нотомъ отдѣльны-

протестантовъ Стефаномъ Яворскимъ, или такъ называемое *Рышловское дѣло*, съ пытками, разстриженіями и ссылками въ Сибирь, и исторія *отобранія церковныхъ имуществъ* ⁽¹⁾ хоть кого могли вразумить, что опасно выступать съ искренней защитой вѣроученія-ли то или практическихъ интересовъ Церкви православной, хоть и господствующей, — противъ даже «еретичествующихъ лютеровъ и кальвиновъ», опасно бѣднымъ вопить, что имъ ѣсть нечего будетъ, не на что будетъ содержать свои школы, если отберуть имѣнія. Правительство православное, подъ диктовку и по настояніямъ бывшихъ у него на службѣ нѣмцевъ и русскихъ вельможъ, измѣнившихъ святоотеческимъ преданіямъ, гнало самыхъ добросовѣстныхъ защитниковъ православія и помѣзь православной Церкви. Всѣ видѣли, что отселѣ не безопасно «право править» слово истины, а лучше держаться въ сторонѣ, или ничего не говорить и не писать, или говорить и писать краснорѣчиво положимъ, но о предметахъ археологіи или объ истинахъ самыхъ общихъ и для всѣхъ безобидныхъ, не касаясь современныхъ требованій жизни. Уроки молчанія даваемы были духовенству не одной только *тайной канцеляріей*: лица духовныя—сельскіе священники—за частую получали подобные же уроки—не соваться въ жизнь со святыми истинами Вѣры—отъ помѣщиковъ и отъ низшихъ судебныхныхъ инстанцій. Архивы консисторій и уѣздныхъ и

ми брошюрами подъ заглавіемъ: «*Рышловское Дѣло—матеріалы для исторіи первой половины XVIII вѣка*».

(1) Новыя данныя о пострадавшемъ по поводу отобранія церковныхъ имуществъ ростовскомъ архіепископѣ Арсеніѣ Маціевичѣ и вообще объ отобраніи церк. имѣній напечатаны въ газетѣ *День* (см. №№ 15 и 16 1862 г.).

земскихъ судовъ—полны указаній на страдальцевъ своихъ убѣжденій среди духовенства; многіе другіе случаи живутъ лишь въ преданіи народномъ. Въ пору полного господства крѣпостнаго права помѣщикъ могъ, сколько угодно, оскорблять священника, могъ побить его—безнаказанно, при малѣйшемъ сопротивленіи могъ, ничѣмъ не рискуя, настрочить жалобу на священника самъ или заставить ее написать своихъ крестьянъ, обязавъ ихъ на слѣдствіи показать противъ обвиняемаго. Вопіющія несправедливости духовенство видѣло около, терпѣло само, и подъ давленіемъ со всѣхъ сторонъ, подъ давленіемъ своей бѣдности, своей беззащитности (бѣдный— всегда болѣе или менѣе беззащитенъ!), въ страхъ остаться безъ куска хлѣба—сомкнуло свои уста для провозвѣстія правды и истины; между тѣмъ вынужденное бездѣйствіе стало уже привычкой для него, оно потеряло энергію и сдѣлалось равнодушнымъ. Съ 19-го февраля положено основаніе новому порядку вещей, дающему сельскому духовенству болѣшую свободу дѣйствій среди своихъ прихожанъ: но никакая административная мѣра не въ силахъ вдругъ преобразовать людей, перемѣнить ихъ привычки, сложившіяся подъ долговременнымъ давленіемъ неблагоприятныхъ историческихъ обстоятельствъ. И вотъ запуганное, упавшее въ духѣ духовенство наше встрѣтилось лицомъ къ лицу съ новыми врагами—либералами, явившимися довольно давно въ русскомъ обществѣ, но увеличившимися въ числѣ и получившими болѣшую смѣлость въ послѣдніе годы въ слѣдствіе уменьшенія цензурныхъ строгостей и вслѣдствіе развитія подпольной литературы. Равнодушными глазами оно посмотрѣло и на этотъ

новый походъ на него—на ватагу новыхъ *рыцарей тевтонскаго ордена*, несшихъ въ русскую практику самыя несбыточныя нѣмецкія теоріи, которыхъ не рѣшаются прилагать къ дѣлу на мѣстѣ ихъ происхожденія. Ему предписывали молодые законодатели уничтоженіе, а оно, привыкшее уже къ разнаго рода оскорбленіямъ и несправедливостямъ и въ надеждѣ на всезащитающую его власть, и ухомъ не вело; довольно не двусмысленно говорили объ нелѣпости вѣры, таинствъ, чудесъ, смѣялись надъ догматами, и хотъ бы одинъ голосъ печатно раздался изъ среды духовенства. Эта слабая дѣятельность его въ настоящихъ обстоятельствахъ не имѣла дурныхъ послѣдствій; но пора, наконецъ, намъ понять, что есть вещи, которыхъ не усмотритъ никакая власть и которыхъ не слѣдуетъ защищать властію и насиліемъ, что противъ знанія и идей нужно бороться знаніемъ же и идеями, противъ усиливающагося невѣрія—возставать съ твердымъ убѣжденіемъ и съ безстрашнымъ обличеніемъ неосновательности доводовъ невѣрія, что есть мнѣнія, которыя получаютъ силу потому только, что они пропускаются безъ вниманія тѣми, кого касаются, что необличенный въ своемъ фанатизмѣ и невѣжествѣ, но наказанный властію невѣрующій либераль можетъ показаться для своей партіи и для своихъ соумышленниковъ мученикомъ и страдальцемъ, что это послѣднее явленіе, такъ часто повторявшееся у *раскольниковъ старообрядцевъ*, можетъ одинаково повторяться и на нашихъ *раскольникахъ—новообрядцахъ* или на новыхъ либералахъ. Мы съ истинною радостію читали «Голосъ Московскаго священнослужителя» касательно усиленныхъ моленій церкви объ отвращеніи

бѣдъ, грозящихъ православному отечеству, и глубоко пожалѣли, что неистовая брань «*Святоца*»—уже догорѣваго и неважѣтно погасшаго — противъ мужественнаго служителя Христова осталась безъ отвѣта въ духовныхъ журналахъ. Пора пользоваться и намъ, но для добра, тою частію свободы слова, которою пользуется русская печать, и мужественной, энергичной защитой Вѣры и Церкви напомнить эпоху самостоятельной жизни духовенства,—за нами стоятъ Гермогенъ, Палицынъ, Никонъ, съ ихъ мужественнымъ желаніемъ добра Церкви и отечеству. Чѣмъ чаще и отважнѣе нападенія на Вѣру и Церковь, тѣмъ бодрственнѣе, мужественнѣе и стойче должны быть защитники. И если послѣ основательныхъ и кроткихъ вразумленій пастырскимъ словомъ останутся еще въ нашемъ образованномъ обществѣ враги Вѣры и Церкви: тогда вы можете повторить слова Спасителя: *никто же изъ нихъ погибе, только сынъ погибельный, да сбудется писаніе...*

Положеніе духовенства среди народа, разумѣемъ простаго, самое знаменательное. Цивилизаторское вліяніе его на простой народъ особенно обширно и сильно. Другія сословія русскаго общества находятся подъ очень сложными цивилизующими вліяніями, иноземными и русскими; ихъ высшія, руководящія, нравственныя воззрѣнія и правила могутъ устанавливаться и просвѣтляться отъ частыхъ сношеній съ образованными людьми, отъ занятій наукой, литературой, поэзіей; и, какъ показываютъ примѣры послѣднихъ лѣтъ, образованныя сословія могутъ даже намѣренно и упорно противиться внушеніямъ Церкви и презирать ея уставы. «Сѣверная Пчела» въ одной изъ

передовыхъ своихъ статей высказала странное воззрѣ-
ніе на духовенство, что оно «солидарно съ обществомъ
и не имѣетъ ни какой солидарности съ народомъ.» По
нашему искреннему убѣжденію слѣдовало бы сказать,
и было бы болѣе справедливо сказать, наоборотъ —
именно, что духовенство несравненно солидарнѣе съ на-
родомъ, чѣмъ съ обществомъ. Общество наше со време-
ни Преобразователя много прошло степеней развитія,
много испытало перемѣнъ въ покроѣ платьевъ, въ при-
ческѣ волосъ, въ воззрѣніяхъ эстетическихъ, философ-
скихъ, религіозныхъ, соціальныхъ, экономическихъ: а
народъ оставался одинъ и тотъ же, не бралъ онъ бо-
родъ, не зналъ, падаетъ ли классицизмъ въ борьбѣ съ
романтизмомъ, не слѣдилъ за *последними словами науки*
и не зналъ, французскіе ли энциклопедисты лучшіе фи-
лософы, или ихъ смѣнили уже Гегель съ Бюхнеромъ. Въ
внѣшней и внутренней жизни—т. е. въ своихъ выс-
шихъ стремленіяхъ и чаяніяхъ — русскій народъ XIX
столѣтія таковъ же, каковъ онъ былъ въ первые годы
царствованія Петра Великаго; вмѣстѣ съ духовенст-
вомъ онъ постоянно оставался при своихъ православ-
ныхъ воззрѣніяхъ въ ту самую пору, когда въ образо-
ванномъ классѣ все преемственно измѣнялось и замѣнялось
одно другимъ. Народъ съ духовенствомъ во главѣ сто-
ялъ—безмолвнымъ тори среди господства и шума нашихъ
русскихъ виговъ и радикаловъ. Вотъ почему духовен-
ство, не смотря на всѣ неблагопріятныя обстоятель-
ства, не разорвало связи съ народомъ, какъ разорвали
связь съ нимъ другія образованныя сословія: народъ и
духовенство соединены между собою вѣрованіями свои-
ми, и эта связь—вмѣстѣ съ распространеніемъ образо-

ванія въ народѣ—еще больше укрѣпится. Въ послѣднюю пору наша литература стала очень усердно хлопотать о соединеніи образованныхъ людей съ народомъ. Ничто не соединитъ образованнаго человѣка съ народомъ, отпусти онъ хоть по колѣно бороду и одѣвйся въ крестьянскій зипунъ, если онъ не соединится съ народомъ въ области духа, въ области вѣры православной, и наоборотъ никакія другія отступленія не порвутъ окончательной связи между образованными сословіями и народомъ, если эта внутреннѣйшая связь не будетъ порвана. Это доказываетъ духовенство. Такую именно мысль проводитъ Сѣверная же Пчела въ слѣдующихъ своихъ соображеніяхъ: «возмемся», говоритъ она, «за дѣло соединенія съ народомъ, будемъ хлопотать объ охраненіи и возвышеніи его человѣческихъ правъ и о приближеніи его къ идеалу человѣческаго совершенства. У народа идеаль этотъ готовъ — это Христосъ, не помянувши имени Котораго крестьянинъ не заложитъ сошника и не съѣстъ краюхи своего черстваго хлѣба. Пусть каждый честный человѣкъ ведетъ народъ по мѣрѣ своихъ силъ къ этому идеалу и самъ идетъ по тому же пути съ разумомъ волбу и незлобіемъ въ сердцѣ. На этой дорогѣ есть пунктъ, на которомъ непременно послѣдуетъ соединеніе съ народомъ всѣхъ добрыхъ людей. А кто пойдетъ иной дорогой,—ну чтожъ худая трава изъ поля вонъ» (¹). Во Христѣ и Христомъ—черезъ Его святую Церковь духовенство связано съ народомъ, и изъ-за Христа и святой Церкви оно отказывается имѣть солидарность съ образованными

(¹) Сѣв. Пч. 1862 г. № 222.

сословіями, и тотчас же возстановить ее съ ними, но не иначе, какъ во имя и во славу Христа Спасителя.

Но не одни эти внутренніе интересы связываютъ духовенство и народъ. Солидарность укрѣпляется между ними одинаковостію вѣшнихъ условій ихъ жизни. Гдѣ и съ кѣмъ обращается большинство православнаго духовенства? — въ деревняхъ — съ простымъ народомъ. Какъ мы уже выше сказали, образованныя сословія наши свысока и презрительно посматриваютъ на духовенство и изрѣдка, только въ официальныхъ случаяхъ, вступаютъ съ нимъ въ сношенія; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ въ большей части селъ и деревень, у духовныхъ не бываетъ вблизи ни одного образованнаго человѣка. Вся ихъ жизнь проходитъ среди простаго народа, и радости и несчастія послѣдняго, въ родѣ освобожденія крестьянъ, пожаровъ, неурожаевъ, по солидарности ихъ матеріальныхъ интересовъ, отражаются на духовенствѣ. Общественный праздникъ, общественное предпріятіе, общественное бѣдствіе у народа не обходятся безъ духовенства. Мы не скажемъ неправды, если скажемъ, что духовенство знакомѣ всѣхъ другихъ сословій съ духомъ народнымъ, что оно противъ воли должно участвовать и въ недостаткахъ и въ совершенствахъ русскаго народа. Пятилѣтній сынъ священника деревенскаго, дьячка или пономаря, первыя свои связи заводитъ съ крестьянскими мальчиками; съ ними онъ играетъ, они бываютъ первыми его друзьями; между нами не много лицъ, которые воспитывались бы подобно Моусею при дворѣ какого нибудь русскаго фараона — въ роскоши, въ холѣ и занерти; полная и постоянная связь дѣтей духовныхъ съ крестьянскими продолжается

до тѣхъ поръ, пока восьмилѣтняго поповича или дьячкова не посадить отецъ на телегу и не отвезетъ его въ училище. И здѣсь, въ уѣздномъ городѣ, кромя своей братьи — учениковъ, духовный мальчикъ заводитъ игры и знакомство съ дѣтми не мѣщановъ, не купцовъ, а съ дѣтми солдатъ, мѣщанъ, у которыхъ или близки которыхъ ему приходится жить на квартирѣ. На святки, на святую, на каникулы мальчикъ отправляется домой и снова у него начинаются игры и возобновляются прежнія сношенія съ старыми своими деревенскими друзьями и пріятелями; лѣтомъ вмѣстѣ съ ними бѣгаетъ въ одной рубашкѣ, босикомъ, и уже въ послѣднихъ классахъ семинаріи, когда сверстники крестьянскіе переженятся, семинаристъ по неволѣ рѣже прежняго встрѣчается съ ними. Самыя лѣтнія будничныя занятія особенно дьяческихъ и пономарскихъ дѣтей бываютъ одинаковы съ занятіями крестьянскихъ мальчиковъ: тѣ и другіе помогаютъ своимъ отцамъ въ полевыхъ работахъ. Мы всѣ почти выходимъ изъ народа и снова, худо ли хорошо ли образовавшись, возвращаемся въ народъ, и имѣемъ полное право сказать, что лучше другихъ образованныхъ господъ знакомы намъ и радости и горе крестьянина, что заунывная деревенская вѣсна сильнѣе хватаетъ насъ за сердце, что мы очень хорошо понимаемъ и грѣхи и добрыя качества народа, что, словомъ, мы солидарны всѣхъ лицемѣрно болѣющихъ печальниковъ народнаго счастья съ своимъ народомъ. Мы всѣ знаемъ, на чемъ рожи растутъ, и искренно сожалѣемъ, когда лица, не знающія этого, принимаются отыскивать для народа учителей грамотности и доказывать при этомъ, что духовенство не годится для этого,

что нужно поручить это дѣло или волостнымъ писарямъ, или студентамъ университетовъ, или отставнымъ солдатамъ, или же образовать учителей изъ простаго же народа.

Возвращаемся къ нашей основной точкѣ зрѣнія. Мы выходимъ изъ деревень и сель, и, окончивъ семинарскій курсъ, снова возвращаемся священниками или діаконами въ села, а неокончившіе поступаютъ въ пономари или дьячки. Мы не расположены видѣть и представлять все семинарское образованіе наше прекраснымъ, много нужно бы въ немъ передѣлать, преобразовать; главнымъ образомъ и прежде всего нужно бы улучшить матеріальный бытъ наставниковъ и учениковъ; но и въ настоящемъ, весьма неудовлетворительномъ, состояніи своемъ семинаріи больше университетовъ и больше гимназій распространяютъ истинную цивилизацію по отечеству, хотя, можетъ быть, и не въ такой мѣрѣ, какъ свѣтскія учебныя и ученые заведенія, содѣйствуютъ росту цивилизаціи въ себѣ самой. За исключеніемъ исправниковъ и становыхъ до послѣдняго времени деревни не видали образованныхъ людей около себя. Все, что образованіе давало простолюдину, давалось ему чрезъ духовенство, воспитывающагося въ духовныхъ училищахъ. Къ священнику или дьячку бѣжитъ крестьянинъ, чтобы написать письмо къ сыну, сданному въ солдаты или ушедшему на столичныя заработки; къ нимъ же старушка крестьянка спѣшитъ, завернувъ въ тряпку письмо отъ сына, чтобы тѣ прочитали его. Священническій сынъ, пріѣхавшій на каникулы, рассказываетъ своимъ сверстникамъ о чудесахъ городской образованности и о чуде-

сахъ науки, о томъ, что молнія бываетъ отъ электричества, что есть лодки, ѣздація безъ парусовъ и веселъ, что существуетъ на свѣтѣ чугунокъ и что сто тысячъ пудовъ можетъ вмѣсто лошадей везти паръ, что онъ видѣлъ ружья о шести стволахъ, что хлѣбъ можетъ родиться въ другихъ странахъ самъ собою, и общаетъ другія подобныя диковинки знанія и цивилизаціи. Священники же и дьячки—съ своими семействами, съ своею обстановкою, изъ которыхъ первые могли бы быть и желательно было бы, чтобы были болѣе образованы, а послѣдняя болѣе чиста и благоустроена,—служать примѣрами подражанія, представляя крестьянамъ высшіе ихъ собственныхъ слѣды комфорта и удобствъ жизни; у нихъ крестьяне видятъ болѣе удобныя телѣги, самовары, болѣе удобныя вилы, грабли, болѣе чистыя комнаты, печку въ гумнѣ болѣе безопаснаго устройства, у нихъ находятъ мяту и горчицу для простудившихся, слабительное для обѣвшихся, пластыри, капли и т. д. Не смотря на ограниченность преподаванія медицины въ семинаріяхъ, семинаристы новгородской, напр., губерніи въ 1853 году являлись по селамъ посильными фельдшерами, леча мятными каплями, опиумомъ, припарками, теплыми ваннами заболѣвающихъ холерою крестьянъ. Это болѣе или менѣе наглядныя, такъ сказать, реальныя услуги семинарій и духовенства сельскаго цивилизаціи простаго народа. Но кто возьмется опредѣлить то нравственное цивилизующее вліяніе, какое они имѣютъ на народъ, какъ совершители богослуженія, какъ духовные отцы, и хоть изрѣдка проповѣдники истинъ Христова ученія! Въ деревняхъ нѣтъ книгъ, да и грамотныхъ мало бы-

до до послѣдней поры; русскіе поэты, русскіе художники, русскіе ученые пишутъ для общества, да для своего взаимнаго удовольствія; народъ не знаетъ ихъ; помѣщики жили тоже большею частію въ столицахъ и городахъ, а жившіе въ деревняхъ жили для того, чтобы самолично распорядиться чернымъ трудомъ крестьянъ и ихъ временемъ, да собрать подати; становые и исправники наѣзжаютъ, чтобы наказать или произвести слѣдствіе; словомъ, для простаго народа цивилизующимъ мѣстомъ или, правильнѣе, мѣстомъ истиннаго просвѣщенія и образованія служитъ храмъ—съ своимъ болѣе или менѣе чистымъ убранствомъ, цивилизующими лицами—лица причта; философію, поэзію для него замѣняютъ проповѣдуемое священникомъ Христово ученіе, церковное богослуженіе, да дошедшая до него по наслѣдству родимая заунывная пѣсня, да мудрая прародительская поговорка. Нравственныя, умственныя и эстетическія силы простаго нашего народа въ своихъ высшихъ потребностяхъ удовлетворяются почти исключительно православнымъ духовенствомъ, и его положеніе среди народа дѣлаетъ этотъ народъ—при всемъ его невѣжествѣ и безграмотности—народомъ недикимъ и въ своихъ высшихъ чаяніяхъ равнымъ высоко образованному профессору любого университета. Смотри съ этой точки зрѣнія на намѣренія нѣкоторыхъ ретивыхъ цивилизаторовъ—облагодѣтельствовать Россію уничтоженіемъ въ ней храмовъ и духовенства, мы поражаемся прежде всего полнымъ невѣжествомъ подобныхъ господъ относительно дѣйствительнаго положенія дѣла: вѣдь это значило бы не содѣйствовать истинному прогрессу, а протвѣдѣйствовать ему, и наши деревни об-

ращать не въ цивилизованныя англійскія селенія, а въ дикіе острова или внутреннія части Африки и въ са-моѣдскія тундры. Философія и наука истинныя могутъ еще въ нѣкоторой мѣрѣ замѣнять собою образованіе чрезъ религію для избранныхъ своихъ: но что съ ни-ми сдѣлаетъ простолюдинъ, которому одно воскресеніе и праздникъ остаются для воспріятія и воспитанія въ себѣ всего честнаго, святаго, возвышающаго и облаго-роживающаго душу. Съ нѣкоторыхъ поръ вошло въ обычай—ругать стеченія народа къ святымъ мѣстамъ, ругать поѣтому поводу и духовенство,—за то, что оно не вооружается противъ подобныхъ странствованій и покровительствуетъ имъ. Но здѣсь нужно было бы спро-сить: лучше ли или хуже, т. е. образованнѣе или не-вѣжественнѣе, нравственнѣе или безнравственнѣе ста-новится странникъ вслѣдствіе посѣщенія той или дру-гой обители? Что путешествія снабжаютъ его новыми знаніями, которыя онъ, придя домой, можетъ сообщить своимъ деревенскимъ сосѣдамъ, это несомнѣнно: но мы не думаемъ, чтобы истинно благочестивый странникъ сталъ послѣ горячей молитвы къ тому или другому угоднику менѣе нравственно-цивилизованнымъ. Вѣдь не ругаютъ же эти писатели лицъ, предпринимающихъ пу-тешествія по западной Европѣ, напротивъ въ этихъ пу-тешествіяхъ видятъ средство къ ознакомленію съ обыча-ями, знаніями, словомъ—съ цивилизаціею запада; почему же бы съ этой точки зрѣнія—нашимъ цивилизаторамъ не взглянуть на благочестивыя странствованія нашихъ православныхъ соотечественниковъ. Кіевъ и Новгородъ, Сергіева Лавра и Воронежъ для нашего простолюдина тоже мѣста высшей цивилизаціи, сравнительно съ его

родной деревней, какъ Лондонъ, Берлинъ и Парижъ сравнительно съ Петербургомъ, Москвой, тѣмъ же Киевомъ или Новгородомъ—для богатыхъ и образованныхъ соотечественниковъ. Говорятъ еще, что отъ множества богомольцевъ страдаетъ народная экономія: матеріальный и биворукій взглядъ на благосостояніе народное, даже на высшее довольство! Притомъ да позволено будетъ здѣсь сказать, что благочестивыя путешествія предпринимаются у насъ большею частію либо калѣками, либо людьми слабыми, либо стариками и старухами—т. е. лицами больше *потребляющими*, чѣмъ *производящими*, что, оставляя свои семьи, они лишь облегчаютъ ихъ...

Ругнуть мимоходомъ или въ нарочитой статьѣ семинарское образованіе стало теперь столь же обыкновенною потребностію пишущей братіи, какъ похвалить мѣру освобожденія крестьянъ, гласность или Шекспира. Но при всей недостаточности семинарскаго воспитанія, если имѣть въ виду наше образованное сословіе, для котораго по степени и направленію его развитія дѣйствительно нужны были бы или вкрадчивые католическіе ксендазы или ученые англійскіе и германскіе пасторы,—да и тѣ, пожалуй, не удовлетворили бы и не дали вѣры современнымъ скептикамъ,—семинарское образованіе даетъ простому народу болѣе образованныхъ пастырей, чѣмъ какихъ требуетъ уровень его собственнаго образованія, къ чему священнику сельскому, какъ пастырю крестьянъ, неумѣющихъ читать по-русски, его латынь, его алгебра, его многія другія знанія, къ чему его искусство располагать свои проповѣди по образцамъ Цицерона, Боссюета, Бурдалу, Лакордера, аббата Феликса, по правиламъ Квинтиліана, Бургія, Блэра, риторикъ

Кочанскаго или Греча? Гдѣ имъ приложеніе — этимъ знаніямъ? Не правда ли, вѣдь это роскошь? Не правда ли, что въ семинаріяхъ имѣютъ въ виду не столько приготовленіе лицъ на служеніе священникомъ въ деревнѣ, сколько дарованіе обществу образованныхъ личностей? Эхъ, гг. свѣтскіе писатели! Вотъ тогда вы будете имѣть право говорить о недостаточности семинарскаго образованія, когда въ свѣтскихъ уѣздныхъ и приходскихъ вашихъ училищахъ будутъ учителями люди, по степени знаній своихъ равняющіеся нынѣшнимъ профессорамъ вашихъ университетовъ, когда ваши учебныя заведенія распространять по всему народу, по селамъ и деревнямъ тѣ знанія и ту образованность, которыя доселѣ распространяются ими по привеллигированнымъ сословіямъ, когда въ захолустьяхъ вы разставите своихъ, болѣе образованныхъ, чѣмъ наши семинаристы, учителей простаго народа, — вотъ тогда и указывайте на семинаріи, какъ на заведенія несоотвѣтствующія своему назначенію. Но къ тому времени, спѣшимъ замѣтить, и семинаріи улучшатся. А теперь, пока вы еще съ трудомъ замѣщаете наставниками каѳедры въ своихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, пока еще вы хоть, на примѣръ, для философской каѳедры берете нашихъ же академическихъ или семинарскихъ наставниковъ и воспитанниковъ, и, отправляя десятками молодыхъ людей въ заграничныя университеты, чтобы тамъ ихъ приготовить къ профессорскимъ занятіямъ, этимъ самымъ признаете недостаточность образованія, получаемого въ отечественныхъ университетахъ, — походите бросать камни осужденія въ духовное сословіе, которое кромѣ того, что для своихъ цѣлей имѣетъ

всегда достаточное количество образованныхъ лицъ, подставляетъ еще такихъ лицъ въ другія вѣдомства, которое даетъ первоначальное образованіе 300.000 дѣтемъ неграмотныхъ миллионовъ, которое заводитъ школы въ вызывающемъ въ васъ сомнѣніе количествѣ 30.000, и все это совершаетъ при крайней ограниченности матеріальныхъ средствъ, подъ пощечинами, которыми вы его подчуete, среди недовѣрія и полнѣйшаго безучастія образованнаго общества. Мы народъ бѣдный, народъ загнанный, мы учимся и живемъ на мѣдные деньги: не обижайте же насъ, будьте справедливы къ намъ, бѣдняковъ грѣшно вѣдь обижать! Вы шумите, мы дѣлаемъ; вамъ нуженъ профессоръ для университета, мы отдаемъ; вамъ нужны учителя для народныхъ школъ, — мы ихъ подставили въ изумившемъ васъ количествѣ: гдѣ же, въ чемъ же наша вина? Вы говорите, что мы должны быть образованнѣе, лучше; мы сами этого желаемъ болѣе конечно живо, чѣмъ вы, но говоримъ, что наше прямое служеніе обществу и Церкви не требуетъ еще многихъ знаній, которыя мы имѣемъ, что у насъ больше кандидатовъ для мѣстъ, чѣмъ сколько мѣстъ, что, словомъ вказать, имѣя въ виду большинство населенія, образованіе наше и по степени его и по числу образуемыхъ лицъ совзышается надъ потребностями и запросомъ на него.

И этой то неправильности запроса на семинарское образованіе сравнительно съ количествомъ выпускаемыхъ изъ семинарій воспитанниковъ мы обязаны многими печальными явленіями среди насъ. Отецъ—бѣдный священникъ, еще болѣе бѣдный дьячокъ или пономарь, мать вдова—просфирня, а иногда просто вдова съ пособіемъ отъ попечительства рублей въ 5—10, издерживаются, на-

прягаютъ всѣ силы, чтобы сынъ ихъ кончилъ курсъ въ семинаріи; лошади, коровы продаются, сынъ кончаетъ курсъ, и—два три года, иногда больше, сидитъ у отца или матери безъ мѣста, томимый неизбѣжной скукою (какой бы образованный мододой человѣкъ не поспучалъ безъ мѣста и безъ занятій!), забываетъ многое изъ того, что зналъ, черствѣетъ и пошлѣетъ, и въ этомъ видѣ поступаетъ на первое священническое мѣсто, взявши иногда на свою шею нелюбимую старую жену, ворчливую тещу, пару свояченицъ, и, къ довершенію *счастливой* обстановки, во всемъ приходѣ не находя съ кѣмъ отвести душу, потому что въ глуши—среди простолюдиновъ—для человѣка, даже по—семинарски образованнаго, нѣтъ общества. Безличныхъ собесѣдниковъ, безмолвнаго общества—т. е. книгъ—нѣтъ, кромѣ богослужебныхъ, или такъ мало, что ихъ можно перечесть въ двѣ недѣли. Выписывать не начто. Года два назадъ французскій епископъ Жакме укорялъ русскую церковь—т. е. духовенство—въ томъ, что оно не занимается миссіонерствомъ. Къ фактамъ, указаннымъ протоіереемъ Васильевымъ и утверждающимъ, что миссіонерство есть и у насъ, мы могли бы прибавить еще вотъ какое замѣчаніе. И обыкновенное священническое сельское мѣсто въ существѣ дѣла есть еще чистая миссія у насъ. Семинаристъ двѣнадцать и больше лѣтъ учится, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ожиданія получаетъ приходъ, неизвѣстный ему, приходъ, состоящій изъ безграмотнаго и вовсе необразованнаго населенія, приходъ, въ который путь лежитъ черезъ лѣса или болота, приходъ раскинувшійся иногда верстъ на 25, — чтобы начать здѣсь свое обзаведеніе съ перваго кола, ложки и горшка: что

это какъ не *миссія*? Переѣхать изъ Чивита-Веккиа, Неаполя, Лондона или изъ Ливерпуля на англійскомъ или голландскомъ кораблѣ на западный берегъ Африки право иногда бываетъ легче, чѣмъ бѣдному новоопредѣленному священнику нѣсколько разъ проѣхать хоть, напримѣръ, изъ Новгорода — въ Бѣлозерскій или Кирилловскій уѣздъ: — одинъ разъ въ Новгородъ для подачи прошенія, другой разъ на мѣсто для женитьбы, третій разъ въ Новгородъ для посвященія и четвертый разъ обратнo на мѣсто службы съ тѣмъ, чтобы уже никогда не выдать губернскаго города съ его удобствами и цивилизаціей, съ тѣмъ, чтобы раза три въ годъ, а иногда въ жизнь побывать въ уѣздномъ городѣ, и во всю жизнь остаться мирнымъ сельскимъ іереемъ въ глухомъ мѣстѣ— среди звѣрей, или среди людей похожихъ на звѣрей: что это, какъ не *миссія*?... Мы надѣмся, что съ одной стороны освобожденіе крестьянъ, а съ другой образованіе ихъ, начатое духовенствомъ же, сдѣлаютъ менѣе скучною, менѣе трудною жизнь деревенскаго священника, но вмѣстѣ съ тѣмъ убѣждены, что долго-долго еще сельское духовенство будетъ стоять во главѣ дѣла распространенія цивилизаціи по деревнямъ, не смѣненное другимъ сословіемъ, что поколѣнія два или три минуютъ—прежде, чѣмъ самоотверженные усилія духовенства создадутъ изъ сельскаго населенія — населеніе грамотное, образованное, съ которымъ будетъ возможенъ для него обменъ мыслей и чувствъ, а главное— населеніе безъ западнаго презрѣнія и недовѣрія къ духовенству, — прежде, чѣмъ улучшатся пути сообщеній въ приходахъ, поочистятся обиталища крестьянъ, появятся въ деревняхъ книги, и наши пастухи, подобно

шотландскимъ, вмѣсто плетенія лантей будутъ въ поляхъ читать листки газетъ. Но когда наступитъ эта желанная пора, тогда безъ сомнѣнія болѣе справедливо самыя образованныя сословія отнесутся къ теперешнему духовенству, не будутъ корить его невѣжествомъ, когда оно и съ своими теперешними—конечно скудными — знаніями не знаетъ что дѣлать въ деревнѣ; тогда скажутъ, кто положилъ первыя прочныя основанія отечественному истинному прогрессу: говорливые ли писатели второй половины XIX вѣка, до сихъ поръ еще не могущіе найти учителей для сельскихъ школъ, или бѣдное, загнанное, робкое и не хваставшееся своими дѣлами духовенство, за неимѣніемъ другихъ учителей взявшееся учить народъ? Освободившись отъ переживаемыхъ нами модныхъ симпатій и антипатій, будущій историкъ отечественной цивилизаціи отдастъ должное нашей не шумной, но полезной дѣятельности, и безвѣстная священническая дочь Евгенія Василевская (1), съ 1822 года обучающая въ безвѣстной своей школѣ письму и грамотѣ безвѣстныхъ крестьянскихъ дѣтей, пожалуй будетъ тогда сочтена болѣе прогрессивнымъ дѣтелемъ, чѣмъ знаменитый современный публицистъ, расплывающійся въ фразахъ о необходимости народнаго образованія и изъ силъ выбивающійся, доказывая, что духовенство не способно учить даже грамотѣ и ариѳметикѣ....

На это скажутъ намъ, какъ и говорили не разъ; «ве-

---

(1) *Христ. Чит.* 1862 г. Сентябрь, стр. 454. О пожертвованіяхъ духовенства на народное образованіе и о затрудненіяхъ, какія приходится ему преодолевать въ этомъ случаѣ, можетъ дать понятіе донесеніе преосвященнаго Платова, епископа Костромскаго, содержаніе котораго напечатано въ *Христ. Читеніи*—въ Сентябрьской же книжкѣ (см. стр. 451—453).

лика важность, что духовенство завело школы, повинаясь предписаніямъ своего начальства; вотъ другое дѣло, еслибъ оно завело ихъ безъ предписаній, дойдя, какъ говорится, «*собственнымъ умомъ*» до убѣжденія въ необходимости школъ для народа; тогда бы и честь ему и слава, тогда бы и дѣло его было прочнѣе». Не смущайся, духовенство, если до тебя дойдутъ подобные упреки. Не все то хорошо, что мы сами свободно принимаемъ; и не все то дурно, что мы предпринимаемъ по предписанію начальства. Здѣсь мы считаемъ не излишнимъ привести нѣсколько строкъ изъ свѣтскаго писателя, взявшаго себѣ задачею опредѣлить истинный либерализмъ: «Подло», пишетъ г. Скарятинъ, «отступать отъ своихъ убѣжденій въ угоду сильному, но не малодушно ли посреди обстоятельствъ, которыя насъ окружаютъ, бѣгая за какою то странною популярностію, молчать потому только, что воззрѣнія наши сходятся съ воззрѣніями сильнаго?» Не малодушно ли, прибавимъ, не стать за предписаніе начальства и за исполняющихъ его потому только, что это предписаніе начальства, а не прихоть толпы или не модная пѣсня литературы? Не малодушіе ли, не лакейство ли со стороны честнаго человѣка и гражданина похвалить, или по меньшей мѣрѣ смолчать, когда видишь, что толпа предлагаетъ требованія несправедливыя и нелѣпыя, требованія несогласныя съ вашими коренными убѣжденіями, а начальство требуетъ справедливости и равнобренности? Въ комъ больше истиннаго либерализма, въ лакеѣ ли прихотей толпы, или въ честномъ защитникѣ и исполнителѣ добрыхъ предписаній и законныхъ требованій правительства? Ну вотъ хоть воскресныя школы,

открытыя впрочемъ тоже по предписанію—литературы, а не—начальства, открытыя свободно—молодыми прогрессистами, по началу собиравшимися для преподаванія въ изумившемъ всѣхъ количествѣ, кажись бы, должны были процвѣтать и принести огромные плоды, какъ учрежденія свободныя, а между тѣмъ они чахли—чахли, нѣкоторыя послужили мѣстомъ для распространенія ученій о пользѣ пожаровъ и теперь всѣ онѣ составляютъ предметъ археологій, и скептикъ историкъ можетъ даже усумниться, существовали-ль онѣ на Руси когда нибудь, по крайней мѣрѣ, принесли-ль онѣ какую нибудь пользу. Нѣтъ,—доброе дѣло и полезное предпріятіе, чтобъ въ ни задумалъ, начальство ли, подчиненные ли, если оно попадетъ въ честныя руки и умнымъ и добрымъ людямъ, не станетъ отъ того ни хуже, ни ненадежнѣе. Въ настоящемъ случаѣ народныя сельскія школы, по собственному ли убѣжденію духовенства заведены онѣ, по предписанію ли епархіальнаго начальства, по Высочайшему ли изволенію, но если онѣ увеличиваются въ количествѣ, увеличиваютъ количество учениковъ у себя, онѣ значить ведутся честно и честно служатъ распространенію цивилизаціи и образованія по нашему бѣдному и невѣжественному простонародью. Мы скажемъ больше. Предписаніе даже было необходимо въ этомъ случаѣ—и потому, что духовенство давно уже привыкло дѣйствовать только по предписаніямъ, и безъ нихъ не рѣшались ничего предпринимать, чтобы не попасть въ бѣду съ непрощеннымъ усердіемъ на пользу общую, и — потому, что дѣло распространенія грамотности въ народѣ долгое время встрѣчало препятствіе въ крѣпостномъ правѣ, по которому время и взрослыхъ и малолѣт-

нихъ крестьянъ считалось собственностію помѣщика (1). Школа отивмала бы, конечно, нѣсколько чернорабочихъ, хоть молодыхъ и слабыхъ, рукъ у помѣщика, да пожалуй могла бы еще научить эти руки писать просьбы и искать правды у власти противъ притѣсненій помѣщика. Пишущій эти замѣтки на примѣръ своего отца—священника знаетъ, какъ невыгодно смотрѣли бывшіе помѣщики на школы грамотности и на обученіе въ нихъ крестьянскихъ мальчиковъ. «Вы научите, батюшка, писать ихъ, такъ тамъ и возись съ ними, на помѣщика же нанишуть клязузу,» говорилъ мѣстный владѣлецъ моему родителю, лѣтъ 20 назадъ заведшему въ своемъ дѣмѣ школу для крестьянскихъ дѣтей. Примѣръ этотъ не одинокій, и отсовѣтованье—конечно не было единственною мѣрою, какую употребляли помѣщики противъ школъ духовенства,—бывали мѣры и энергичнѣе. И нужны были и воля Государя и предписаніе епархіальнаго начальства, чтобы гарантировать духовенство въ дѣлѣ заведенія имъ школъ для народа отъ притязаній помѣщиковъ, или, вѣрнѣе, чтобы дать знать духовенству, что прежнія притязанія не имѣютъ уже больше силы и что оно теенерь безпрепятственно можетъ начать свои цивилизаторскіе подвиги по деревнямъ. И оно ихъ начало, предпріятіе его встрѣчено въ народѣ сочувствіемъ, оно продолжаетъ свое дѣло безъ шума, а дѣло между тѣмъ растеть... И доколѣ литература ставить шумные вопросы о томъ, гдѣ взять учителей для простаго народа, какъ лучше устроить управленіе сельскихъ

---

(1) Это особенно замѣчалось, и замѣчалось до послѣдняго времени, въ Западныхъ губерніяхъ, гдѣ помѣщики—католики и поляки—ставили всѣ возможные препятствія учительству православныхъ священниковъ.

школь, нужно ли централизовать оное или нѣтъ: одно поколѣніе крестьянъ будетъ уже обучено грамотности...

Оставимъ однакожъ полемику и обратимся къ положительной сторонѣ дѣла. Тысячелѣтіе кончилось: «россійское государство, — читаемъ въ *Современной Лѣтописи* (1), — совершило свое матеріальное развитіе, и отнынѣ уже надъ нашею жизнію не будетъ, какъ прежде, властвовать одна государственная необходимость; государство не будетъ уже исключительно занято заботами самосохраненія. Освободившись отъ труда собственнаго строенія, въ жертву которому шли всѣ народныя силы, государство получаетъ теперь возможность исполнять свое высшее назначеніе и сторицею отплачивать за эти жертвы заботливымъ устраниемъ всѣхъ препятствій и затрудненій въ самостоятельномъ и плодотворномъ развитіи народной жизни. Въ настоящее время требуется развитіе дѣятельной общественной жизни и личной энергій; все, что клонится къ этой цѣли, все, что затрогиваетъ тайники народной жизни, все, что вызываетъ и возбуждаетъ интересы, соединяющіе людей, все это есть настоятельная необходимость нашей исторической жизни. Цѣлое тысячелѣтіе было необходимо для того, чтобы обезпечить и собрать русскую землю и устроить великое Россійское государство. Сколько усилій и трудовъ, сколько крови, сколько наконецъ времени пошло на это дѣло! Историческая судьба хотѣла, чтобы освобожденіе крестьянъ было заключительнымъ актомъ минувшаго тысячелѣтія, она хотѣла, чтобы всѣ тѣ тяжкія службы, которыхъ требовала государственная необходимость, были сняты съ сословій одна за другою, и

(1) *Соврем. Лѣтопись Русскаго Вѣстника* 1862 г. № 37, стр. 12—13,

чтобы къ началу новой исторіи Русскаго государства всѣ старые счета были покончены. Отнынѣ во всей чистотѣ открывается для насъ будущее, открывается новая историческая жизнь съ новыми трудами и новыми задачами». Духовенство достаточно послужило въ послѣдніе полтора вѣка государственной силѣ, оно потеряло въ пользу государства свою самостоятельную дѣятельность; оно безмолвно почти уступило свои имѣнія и ни однимъ дѣйствіемъ не заслужило того, чтобы въ то время, когда другія сословія получаютъ большій просторъ для своихъ дѣйствій, на немъ лежали прежнія тягости. Безопаснѣе, чѣмъ кому нибудь, можно дозволить духовенству свободную дѣятельность безъ обиднаго надзора, справедливѣе, чѣмъ кому нибудь, должно помочь улучшенію его матеріальнаго быта и увеличенію матеріальныхъ средствъ его учебныхъ заведеній. Небольшой просторъ, данный духовенству, уже приноситъ плоды: государство дѣлаетъ простой народъ свободнымъ, духовенство старается сдѣлать его грамотнымъ,—услуга едва ли не большая для цивилизаціи и благоденствія Россіи, чѣмъ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Литература до сихъ поръ дѣйствуетъ только на очень незначительную часть отечественнаго населенія: духовенство приготавливаетъ ей въ будущихъ поколѣніяхъ обширнѣйшее поле дѣятельности, равное по объему населенію Россіи. Пора же литературѣ—обращаться къ духовенству—безъ недовѣрія и ненависти, а съ словами ободренія и благодарности; пора ей перестать видѣть въ духовенствѣ какую-то *темную касту*, когда духовенство солидарнѣе всѣхъ съ миллионами русскаго народа и принимаетъ дѣятельное участіе въ его

просвѣщеніи, нора перестать видѣть во всякомъ духовномъ обскуранта, регрессиста; истинное просвѣщеніе, правильный прогрессъ не меньше, чѣмъ для другихъ, возжеланны для духовенства, и, на сколько то и другой утверждены въ отечествѣ, они утверждены и утверждаются при прямомъ участіи духовенства.

Газета «*День*», къ истинной радости всѣхъ благомыслящихъ людей возобновившая свое честное и разумное служеніе отечественному прогрессу, въ одной изъ передовыхъ статей своихъ, сдѣлала слѣдующую, на нашъ взглядъ, весьма справедливую оцѣнку послѣднихъ событий. «Какъ созерцаніе природы успокоиваетъ мятежъ личныхъ страстей человѣка и настраиваетъ его духъ въ согласный ладъ съ общимъ хоромъ природы, — такъ и созерцаніе величаваго образа русскаго народа, его внутренней прочной работы и непрестаннаго тайнодѣйствія его могущественныхъ историческихъ силъ, — такое созерцаніе смиряетъ бунтъ личнаго эгоизма, поднимаетъ духъ, расширяетъ сердце, вводитъ его въ общеніе жизни съ милліонами жизней и съ жизнію всего исполнскаго народнаго организма. Ступайте въ глубь Россіи, прогуляйтесь по столбовымъ и проселочнымъ дорогамъ, — загляните въ села, слободы и деревни, прислушайтесь къ народнымъ бесѣдамъ и толкамъ — и вамъ станетъ стыдно и совѣстно, вы покраснѣете за самого себя, вспомнивъ, съ какою важностію относились вы къ явленіямъ вашей общественной жизни, величая ихъ громкимъ именемъ «событій», какое значеніе придавали вы всей этой суетѣ и тревогѣ, всему этому мишурному блеску и треску. Какъ поблѣднѣютъ пугавшіе васъ призраки, какъ напрасны покажутся страхи и опасно-

сти, какими жалкими, наивными пигмеями окажутся грозные реформаторы!... Грозные призраки перестороговъ и потрясеній явятся не болѣе, какъ суетливымъ движеніемъ муравьиныхъ кучекъ на поверхности незублемаго материка!... Тѣмъ выше цѣнимъ мы всякое проявленіе жизни самого народа. Въ эти два года народъ выросъ и продолжаетъ расти, какъ богатырь въ сказкѣ, не по днямъ, а по часамъ, не съ болѣзненною торопливостію, а со всею прочностію богатырскаго здоровья. Его движеніе совершается во очю; въ воздухѣ слышится и явственно раздается его не спѣшная, важная историческая поступь. Поэтому ни преждевременная старость нашего передоваго общества, ни тѣ симптомы зрѣлости, которыми мы иногда величаемся, принимая бездушный эклектизмъ за мудрость и неспособность вѣрить за трезвую безстрастность,—все это насколько не смущаетъ насъ, въ виду самобытнаго поступательнаго движенія русскаго народа, совершающагося въ направленіи, не рѣдко обратномъ движенію нашего такъ называемаго образованнаго общества, независимо отъ *нашего* прогресса и подъ вліяніемъ инаго просвѣтительнаго начала. *Наша молодая Россія не та, которая сидитъ на скамьяхъ университетовъ и казенно-учебныхъ заведеній,—а та, которая въ деревняхъ и селахъ, послушная историческому инстинкту, жадно учится грамотѣ со всею свѣжестію молодыхъ пробужденныхъ силъ* (1). Итакъ, по мнѣнію «Дня», задатки будущаго благоденствія отечества не въ образованномъ такъ называемомъ обществѣ, а въ простомъ народѣ, «независимомъ отъ нашего прогресса»,—въ той «жадности, съ ка-

(1) День № 35. 1862 г.

кою онъ въ деревняхъ и селахъ учится грамотѣ» у православнаго отечественнаго духовенства, — въ его самобытномъ поступательномъ движеніи, совершаемомъ подъ просвѣтительнымъ вліяніемъ православной Церкви. Смотри съ этой точки зрѣнія на отечественный прогрессъ, мы смѣло можемъ сказать, что православное духовенство, просвѣщающее и обучающее народъ, оказываетъ самыя прочныя услуги отечественной цивилизаціи и дѣлу народнаго развитія.

И бѣдность, переносимая съ безмолвнымъ терпѣніемъ, и народно-образовательные подвиги, совершаемые безъ шуму и съ самоотверженіемъ, обратили на православное духовенство Августѣйшее вниманіе Государя Императора. 28 Іюня прошлаго года Высочайше повелѣно образовать особое присутствіе для изысканія способовъ къ болѣшему обезпеченію быта духовенства. Со времени обнародованія этого повелѣнія свѣтская литература съ особеннымъ, хотя и рѣдко толковымъ, усердіемъ стала заниматься духовенствомъ и относящимися къ нему вопросамъ. Такъ напр., тотъ же самый публицистъ, который свѣчную прибыль предлагалъ обратить на содержаніе священниковъ, считая ее достаточною для полнаго ихъ обезпеченія (*), въ томъ же *Лѣ* (т. е. 135) *С. Петерб. Вѣдомостей* серьезно доказывалъ, что слѣдуетъ вдовымъ священникамъ жениться во второй разъ, что это не будетъ противорѣчить никакимъ каноническимъ правиламъ Православной Церкви. Мы не намѣрены впрочемъ перознь разбирать написанныхъ по этому поводу статей и статейкъ, въ которыхъ наряду съ особеннаго рода участіемъ къ духовенству все еще проглядываютъ недо-

(*) Объ этомъ странномъ проектѣ мы говорили выше. См. стр. 31 и 32.

вѣріе къ нему и подозрѣніе у него огромныхъ, гдѣ-то только искусно скрытыхъ, богатствъ; общее почти, что мы замѣтили въ нихъ, это желаніе совершенно освободить казну отъ вспоможеній духовенству, тогда какъ тѣже самые журналы настойчиво проповѣдывали необходимость увеличенія пособій казенныхъ на свѣтское образованіе, на служащихъ по министерству народнаго просвѣщенія. Быть отечественнаго духовенства едва ли можетъ быть значительно улучшенъ безъ того, чтобы государственная казна не приняла значительной доли улучшеній на свою отвѣтственность. Если это наше личное убѣжденіе справедливо, то мы можемъ прибавить, что духовенство—одно изъ самыхъ несчастныхъ сословій въ государствѣ, потому что противъ него какъ будто вооружаются самыя политическія обстоятельства Европы. Громадный крестьянскій вопросъ рѣшился безъ помѣхъ извнѣ; многія другія преобразованія для блага другихъ сословій совершены безпрепятственно. Но когда Августѣйшій Монархъ высказалъ свое непремѣнное и неотложное намѣреніе къ ряду благодѣяній, оказанныхъ имъ русскому народу, присоединить благодѣяніе русскому духовенству, обезпечивъ его быть, когда сама свѣтская литература нѣсколько измѣнила тонъ своихъ разсужденій о духовенствѣ, въ ту пору вспыхиваетъ польскій мятежъ, западныя державы вмѣшиваются въ дѣло и грозятъ отечеству войной, средства государственной казны идутъ на погашеніе мятежа, на укрѣпленія крѣпостей и на приготовленія къ войнѣ, вниманіе правительства, до сихъ поръ направленное къ внутреннимъ реформамъ и улучшеніямъ, отвлекается отъ нихъ къ внѣшнимъ опасностямъ, сословія русскаго народа должны готовиться къ отпору врагамъ.

Среди такихъ политическихъ обстоятельствъ — искреннее и непримѣнное намѣреніе Августѣйшаго Государя — обезпечить бытъ православнаго духовенства — легко и естественно на все время борьбы (молимъ Бога, чтобы ея небыло!) можетъ остаться вожделѣннымъ обѣтованіемъ. Мы увѣрены, впрочемъ, что православное духовенство въ защитѣ цѣлости, неприкосновенности и чести Россіи не отстанетъ отъ другихъ сословій и теперь, какъ оно не отставало прежде: въ длинный историческій списокъ жертвъ, принесенныхъ духовенствомъ за самостоятельность и славу отечества, въ настоящемъ году вписались уже мученики-іерей Конопасевичъ и Прокоповичъ, повѣшенные польскими мятежниками за вѣрность отечеству и церкви. Патриотизмъ, одушевлявшій ихъ, одушевляетъ все духовенство православное. И если духовенству прежде еще, чѣмъ оно воспользуется плодами благихъ предначертаній о немъ Царя, придется самому принести жертвы отечеству, оно, мы убѣждены въ этомъ, принесетъ ихъ, не задумываясь ни надъ качествомъ, ни надъ количествомъ ихъ. Мы терпѣли нужду, не имѣя обѣтованія: тѣмъ охотнѣе потерпимъ, имѣя его. — Наступитъ время мира: тогда Царь, общество, народъ и литература оцѣнятъ и наше долготерпѣніе и наше самоотверженіе, къ которому настоящія обстоятельства Россіи безразлично относятся всѣ сословія; тогда заслуженное обѣтованіе получитъ еще болѣе заслуженное исполненіе. *Итакъ, члены почтеннаго духовнаго сословія, не оставьте упования вашего, которому предстоитъ великое воздаяніе (Евр. 10, 3).*

8 JU 65

21 Іюля 1863 г.

UNIVERS

Digitized by Google

